

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2020 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 25.08.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

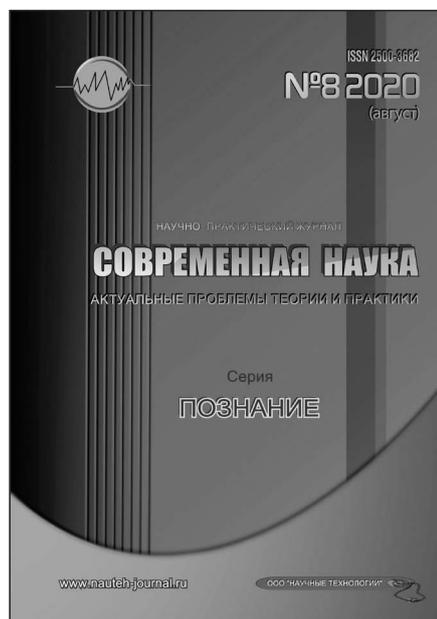
Серия: Познание № 8 (август) 2020 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ефимова Л.С., Шкурко Н.С., Балынская Н.Р., Зиновьева Е.Г., Антонова В.Н., Гаврильева В.Н. – Поселенческая культура народа саха: возрождение обрядности
Efimova L., Shkurko N., Balynskaya N., Zinovieva E., Antonova V., Gavrileva V. – Settlement culture of the Sakha people: the revival of rites 5

Карпова О.Е. – Актуальная проблематика трудовых концепций Нового времени
Karpova O. – Current issues of late modern period labor concepts 12

Мурай О.В. – Идеологическая основа русской геополитики
Murai O. – Ideological basis of Russian geopolitics .. 17

Петрова С.И. – Потребление культуры в современном контексте
Petrova S. – Consumption of culture in the modern context 20

Психология

Александрова Е.В., Дутчина О.Б., Александрова Т.И. – Педагогические стереотипы как показатель профессиональной деформации личности учителя
Alexandrova E., Dutchina O., Alexandrova T. – Pedagogical stereotypes as an indicator of professional deformation of the teacher's personality 25

Альвади Марьям Неамах Джудох – Роль игр в повышении социальной и психологической адаптации слабовидящих
Alawadi Maryam Neamah Joudah – The role of games in increasing the social and psychological adaptation of the vindicate 28

Белоусов М.В. – Современные практические методы развития навыков и компетенций у безработных в период ненормативного кризиса занятости
Belousov M. – Modern practical methods for the development of skills and competencies of the unemployed during a non-standard employment crisis 32

Евсюк А.В. – Методологические основы противодействия гуманитарным информационно-психологическим угрозам студентам вузов Российской Федерации
Evsyuk A. – Methodological bases of countering the humanitarian information-psychological threats to students of universities of the Russian Federation 38

Жученко О.А. – Связь самооценки академических достижений и прогностической компетентности будущих профессионалов в экзаменационной ситуации
Zhuchenko O. – The relationship of self-assessment of academic achievements and predictive competence of future professionals in the exam situation 44

Иванов Д.В., Симонова Т.С. – Взаимосвязь склонности подростков к девиантному поведению с акцентуацией характера
Ivanov D., Simonova T. – Connection between a tendency to deviant behaviour of teenagers and accentuations of character 49

Найденова И.А. – Формирование и развитие военно-профессиональной направленности воспитанников кадетских училищ МО РФ
Naydenova I. – Formation and development of the military-professional orientation of pupils of cadet schools of the Ministry of Defense of the Russian Federation 55

Сафронова Т.В. – Взаимосвязь эмоционального состояния и стрессоустойчивости в условиях вынужденной изоляции, в связи с пандемией <i>Safronova T.</i> – Relationship of emotional state and stress resistance under forced isolation conditions in connection with pandemic..... 60	Коваленко Н.Г. – Символизм как философское и художественное основание культуры «серебряного века» <i>Kovalenko N.</i> – Symbolism as a philosophical and artistic basis of the “silver age” culture..... 90
Секацкая Е.О. – Базисные убеждения личности, представления о себе и их взаимосвязь со стратегиями совладания <i>Sekatskaya E.</i> – Basic beliefs of a personality, perceptions and their relationship with coverage strategies..... 64	Козлов И.И. – Философско-правовые аспекты коммуникативной концепции Ю. Хабермаса <i>Kozlov I.</i> – Philosophical and legal aspects of Y. Habermas’ communicative concept..... 96
Ушанова Н.В. – Детская жестокость, как психологический феномен <i>Ushanova N.</i> – Children rigidity as a psychological phenomenon..... 69	Козлов И.И. – Логико-философские категории в «науке логики» Гегеля как важный метод научного познания современности <i>Kozlov I.</i> – Logical and philosophical categories in Hegel’s «science of logic» as an important method of scientific knowledge of the present..... 101
Шильцова Ю.В. – Актуализация изучения assertивности в решении вопросов социальной адаптации подростков <i>Shiltsova J.</i> – Actualization of the study of assertiveness in addressing issues of social adaptation of adolescents..... 73	Красильникова М.В. – Идея духовного братства в работах символистов <i>Krasilnikova M.</i> – The idea of spiritual brotherhood in the works of symbolists..... 106
Шматова Е.В. – Концептуально-теоретическое определение самореализации <i>Shmatova E.</i> – Conceptual and theoretical definition of self-realization..... 79	Тищенко А.Г., Титаренко В.В. – Конфессиональная специфика современного харизматизма в Украине: некоторые аспекты общественно-практического и теологического измерений <i>Tishchenko A., Titarenko V.</i> – Confessional specificity of modern charisma in Ukraine: some aspects of socio-practical and theological dimensions..... 112
Философия	Информация
Климович А.П. – О совместимости принципов следящего капитализма с основами демократического общества <i>Klimovich A.</i> – On the compatibility of the principles of surveillance capitalism with the foundations of a democratic society..... 82	Наши авторы. Our Authors..... 119
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 121

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА САХА: ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБРЯДНОСТИ

SETTLEMENT CULTURE OF THE SAKHA PEOPLE: THE REVIVAL OF RITES

L. Efimova
N. Shkurko
N. Balynskaya
E. Zinovieva
V. Antonova
V. Gavrileva

Summary: Today in Yakutia, with the support of regional authorities, the processes of reviving the traditions of settlement culture are being activated [1; 2; 3]. This article considers the issues connected with the rites performed on sayliyah. Sayylyk - «letnik» - a traditional form of livestock farming in the warm season of the Sakha people-including the relocation of several families to a summer home on pastures for joint labor, procurement and festive and ceremonial activities.

The methodological basis of this work is a cultural and systematic approach that takes into account the interaction of all factors (worldview, mythological, folklore, and semiotic, including a field expedition, linguistic and cultural analysis of the texts of algyys and prayers, interviewing, etc.).

Analysis of data obtained as a result of the field season in the Namsky municipal district (ulus) and work in the archives revealed the lost links of the ceremonial organization of the sayylyk's living space, their connection with mythology and spiritual culture, to restore the complex of rites of moving to sayylyk. The revival of traditional rituals and practices of the world's northernmost livestock breeders as the most adapted to the conditions of extreme animal husbandry opens up new prospects for the development of the cultural landscape of the Yakut village, maintaining it in accordance with pragmatic aspirations and spiritual needs.

Keywords: sayylyk, tradition, rite, migration culture, summer estate, alaas, cultural landscape, animal husbandry in extreme conditions, algyys-good wishes, spirits of the area, spirit of the reservoir.

Ефимова Людмила Степановна

Д.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ludmilaxoso@mail.ru

Шкурко Наталья Сергеевна

К.ф.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.
Nat-shkurko@yandex.ru

Балынская Наталия Ринатовна

Д.полит.н., профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
balynskaya@list.ru

Зиновьева Екатерина Георгиевна

К.ф.н., доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
ekaterina_7707@mail.ru

Антонова Венера Николаевна

К.п.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
antegor@mail.ru

Гаврильева Вера Николаевна

В.с., Дом Фольклора «Хомус» МО «Партизанский Наслед», Намский улус Республики Саха (Якутия)
vera_homyun@mail.ru

Аннотация: Сегодня в Якутии при поддержке региональных властей активизируются процессы возрождения традиций поселенческой культуры [1; 2; 3]. В данной статье рассмотрены вопросы, связанные с обрядами, выполняемыми на сайылыках. Сайылык- «летник» – традиционная форма ведения животноводческого хозяйства в теплый период года у народа саха- включающая переезд нескольких семейств в летнее жилище на пастбищах для совместной трудовой, заготовочной и празднично-обрядовой деятельности. Методологической основой данной работы являются культурологический и системный подходы, как учитывающие взаимодействие всех факторов (мировоззренческих, мифологических, фольклорных, и семиотических, включая полевую экспедицию, лингвокультурологический анализ текстов алгысов и молений, интервьюирование и др).

Анализ данных, полученных в результате полевого сезона в Намском улусе и работы в архивах, позволил выявить утраченные звенья обрядовой организации жизненного пространства сайылыка, их связь с мифологией и духовной культурой, восстановить комплекс обрядов переезда на сайылыки. Возрождение традиционных обрядов и практик самых северных животноводов мира как наиболее адаптированных к условиям экстремального животноводства открывает новые перспективы для развития культурного ландшафта якутского села, поддержание его в соответствии со прагматическими устремлениями и духовными потребностями.

Ключевые слова: сайылык - «летник», традиция, обрядность, поселенческая культура, летняя усадьба, алаас, культурный ландшафт, алгыс -благое пожелание, духи местности, дух водоема.

Введение

Для современного мирового сообщества с его тенденциями к глобализации и унификации особую актуальность обретают проблемы сохранения и воспроизводства культурного наследия, изучение степени сохранности и механизмов возрождения традиционных промыслов и ремесел жителей этнокультурных территорий. Поэтому отдельные стороны жизни сельского населения Якутии, сохраняющего традиционные виды деятельности, традиционную культуру и даже архаичные элементы патриархального уклада, все чаще становятся предметом научного поиска культурологов, историков, этнографов, исследующих механизмы сохранения и возрождения традиционной культуры. Авторы уточняют, что понимание культуры в широком смысле как социозначимой деятельности, формирующей культурное пространство и ценностные ориентиры общества, на сельских территориях этнокультурного региона получает и другую трактовку – маркера, характеризующего базовый уклад жизни, повседневную активность населения, консолидирующего местные сообщества с целью обеспечения дополнительных возможностей для экономического и социокультурного развития поселения.

В рамках функционирования культурного пространства современного сельского поселения в центральной зоне Якутии авторы предлагают рассмотреть отдельные направления комплекса традиционной поселенческой культуры народа саха – сакральные обряды и профанные практики, связанные с переездом людей и скота на *сайылык*, в качестве одного из эффективных инструментов управления социально-экономическим и социокультурным развитием муниципальных поселений.

Цель статьи - рассмотреть на примере Намского улуса Якутии перспективы восстановления обрядового комплекса народа саха, сопровождающего переезд на *сайылык*, как значимого компонента традиционной хозяйственной деятельности и основы для формирования полноценного ивента, способствующего развитию конкретных сел и агротуризма [5, с.23].

Народ саха, освоивший территории трех самых северных речных равнин мира, с гордостью идентифицировал себя как «детей Матери-Природы», одухотворял за особую магическую силу солнце, огонь, землю, времена года, водоемы и др. Проживая замкнуто в алаасах (небольшая поляна в таежном массиве с обязательным озером), отделенных друг от друга десятками и сотнями километров бездорожья, отдельная семья или семейно-соседские объединения- *туолбэ* на теплое время года выезжали из зимних жилищ на общинные летние пастбища - *сайылыки*, где совместно откармливали скот, заготавливали молочные продукты и сено на долгие месяцы

холодного сезона.

Сегодня, когда в на большей части сельских территорий в российских регионах утрачены многие обрядовые и художественно-творческие элементы календарных аграрных праздников и обычаев, воплощавшие миропонимание этносов, Республикой Саха (Якутия) в рамках программы инновационного развития якутского села предпринимается меры по возрождению традиционной поселенческой культуры, как наиболее адаптированной к экстремальным условиям форме производства сельхозпродукции, доказавшей свою эффективность за века существования этноса.

Исследователи традиционной культуры народа саха (Л.П. Окладников, А.Е. Гоголев, Л.С. Ефимова, Е.Н. Романова, В.В. Ушницкий и др.) полагают, что еще до начала контактов с русскими землепроходцами (до 1620-х гг.) в районе Лено-Амгинского междуречья и Средней Лены сконцентрировалось большинство представителей якутского этноса, занятых скотоводством. В результате был сформирован традиционный этнокультурный ландшафт, закрепились поселенческая культура, связанная с переездами из зимних усадеб на *сайылыки* (летние жилища на пастбищах) [9, с. 63].

В XX веке две войны, коллективизация, государственная политика укрупнения колхозов и переезда сельских жителей из алаасов на территорию центральных усадеб и крупных поселений, миграционные потоки в промышленные улусы и города стали акторами социальных и культурных воздействий на традиционный уклад жизни самых северных скотоводов мира. Девальвации подвергся и традиционный комплекс поселенческой культуры (утрата магической функции; упрощение, сворачивание или полное забвение обрядовых действий; изменение регламента проведения обрядов; привнесение новых традиций; наличие и степень сохранности семантики обрядовых действий при переезде на *сайылык*). И хотя в настоящее время региональными властями реализуется и финансируется программа по развитию якутского села, создана нормативно-правовая база [1; 2], утраченный духовно-идеологический компонент поселенческой культуры сложно восстановить даже объединенными усилиями регионального сообщества. О серьезности предпринимаемых мер свидетельствует введенный главой Республики Саха (Якутия) Айсенем Николаевым республиканский День *сайылыка* (22 мая), который институционально закрепил курс на сохранение национальных традиций в сфере сельского хозяйства, включая обряды и ритуалы как маркеры состояния социокультурного пространства якутского села [3].

По официальным данным, в Якутии функционируют летом 2020 года 360 *сайылыков*, на пастбища которых отогнано более 36 тысяч голов скота.

База исследования ареала бытования поселенческой культуры - «Эбэ», «Туора Куол», «Куонэх» и «Кубалаах» - сайылыки в Намском улусе РС(Я).

Методы

Методологической основой данной работы являются культурологический и системный подходы, как учитывающие взаимодействие всех факторов (мировоззренческих, мифологических, фольклорных, и семиотических). Использовались общенаучные и прикладные методы (лингвокультурологический анализ текстов алгыса и обрядовых молений, наблюдение, полевая экспедиция, выборочный опрос и интервьюирование, сравнительный метод).

Теоретический материал

В основу анализа понятий «традиционная культура» и «обряд» легли отдельные положения классических трудов российских философов и культурологов, систематизировавших и обобщивших традиционную культуру тюрко-монгольских этносов (А.П. Окладников, Н.Л. Жуковская, Л.Р. Павлинская, А.М. Сагалаев, Н.Б. Дашиева, Т.Д. Скрынникова и др. Обрядовая деятельность народа саха, вопросы ее генезиса, порядок проведения обрядов поклонения духам и божествам исследованы в историко-этнографическом аспекте в классических трудах И.А. Худякова, В.Л. Серошевского, Р.К. Маака, Г.В. Ксенофонтова, А.А. Попова, И.С. Гурвича и др.

Культурологический анализ в работах региональных этнографов и культурологов А.Н. Гоголева, Е.Н. Романовой, Р.И. Бравиной, Л.С. Ефимовой, С.К. Колодезникова, Е.Н. Романовой, написанных в последних 10-15 лет, позволил уточнить основные положения и принципы традиционного мировоззрения якутов, обосновать календарные обряды как семиотически осмысленную и ритуализированную форму традиционной народной культуры и классифицировать их с различной степенью полноты. Оригинальную классификацию духов Среднего мира и сопутствующих им обрядов разработал В.В. Винокуров [7, с.39-40].

Традиционный обряд трактуется авторами предлагаемой статьи как синтетическое культурное явление, вобравшее в себя элементы, принадлежащие разным кодам:

- акциональному;
- реальному /предметному;
- вербальному;
- персональному;
- локативному;
- темпоральному;
- музыкальному;
- изобразительному.

Первую попытку классификации обрядов якутов предпринял фольклорист Г.У. Эргис, дифференцировавший обряды по фольклорному контенту на следующие группы: скотоводческие, промысловые и семейно-бытовые [4, с.46]. И хотя поздние исследователи указывали на неполноту содержания в классификации по отдельным позициям (так, не были включены в группу скотоводческих обрядов обряды в честь божества-покровителя коневодства Джэсэгёя, обряды, совершаемые при рождении телят и жеребят, связанные с сенокосом), данная работа позволила сопоставить обряды, выполняемые при переезде на сайылык, с обрядами родственной группы; обосновать поэтапно ход выполнения ритуального комплекса, соотнести локальные варианты поселенческой культуры на территории Намского улуса Республики Саха (Якутия) с особенностями этнокультурного ландшафта конкретных сел, где проводилась полевая экспедиция.

Основная часть

Годовой цикл традиционной хозяйственной деятельности саха в исторические времена делился на две неравные части – холодный (осенне-зимний) и теплый (весенне-летний) сезоны, причем наиболее важной считалась именно летняя половина, когда интенсивные хозяйственные работы по откорму скота, заготовкам молочной продукции и запасов сена обеспечивали семью на долгие месяцы изолированного проживания в отдаленном алаасе [8; 9].

Сайылык (летник, летняя усадьба) - традиционно сложившаяся форма ведения хозяйства животноводческого направления на протяжении теплого сезона (май-сентябрь) – массовый переезд сельских жителей летнее жилище и перегон скота на общественные пастбища для совместной трудовой, заготовительной и культурно-обрядовой деятельности.

Хозяйственная территория сайылыка включает в себя летнее жилье, производственные постройки, огород (это новая деталь), загон общего пользования для телят, пастбище для скота и лошадей, а также близлежащие сенокосные угодья. С социокультурной точки зрения - переезд на сайылык - это знаковое событие этнического календаря, связанное с наступлением долгожданного лета, сохранением традиций и обычаев предков, [9, с.69]. Переезд на сайылык для якутского животновода до сих пор является не только частью производственного цикла, но духовно-эмоциональным событием - очищением души под летним солнцем, укреплении связи с Матерью-Природой, подтверждением верности традициям предков.

Согласно архивным документам и фольклорным памятникам, переезд был ритуальным действием, про-

Традиционный обрядовый комплекс переезда на сайылык

Ритуал. ряд	Название обряда	Практика бытования
1 обряд	Прощание с духом-хозяйкой зимнего хлева Ньяадды (Ньяадды Дьанха)	С советской эпохи не проводится. Фольклорные тексты приведены в записях фольклористов кона XIX-начала XX вв.
2 обряд	Прощание с духом-хозяином зимнего жилища (юрты или балагана) Дьэздэ Бахсыыла Тойоном Эһэ	Утеряно.
3 обряд	Очищение рогатого скота при первом выгуле	Выполняется отдельными представителями старшего поколения (65 и старше). Горящей лучиной проводят по спине рогатого скота или возле хлева разжигают костры, чтобы скот очищался дымом от них.
4 обряд	Наставления младшим: «Не шуметь, вести себя тихо и скромно»	Позабыто. В практике не применяется.
5 обряд	Очищение летника.	Массово применяется. Наблюдения показывают, что очищение летника обычно происходит во второй третьей декаде мая.. Участвуют все члены семьи.
6 обряд	Угощение духа-хозяйки летнего хлева- Ньяадды Джанха	Восстановлен. Начиная с 90-х годов обряд популяризировался известным в республике алгысчитом А.С. Федоровым. По приезду в летник, перед тем, как войти в дом, хозяйка приносила обряд жертвоприношения в честь Ньяадды Джанха – духу-хозяйке летнего хлева. Основание главного столба хлева и потолок обрызгивались суоратом (якутским йогуртом). Только после этих действий можно было разжигать разжигали новый огонь в очаге и готовить еду. Современные хозяйки используют для очищения хлева дым сжигаемого можжевельника, богородской травы с целью увеличения плодovitости и молочности скота, удачи в хозяйственной деятельности.
7 обряд	«Алыастыыр»	Отсутствует. По приезду на летник разжигали несколько дымокуров, приводили кобылицу и обводили ее вокруг огня, произнося «Алас, алас». В результате - огонь очищал лошадь от всех болезней и нечисти [Романова, 1994, с.77].
8 обряд	Благословление быка-производителя	Не проводится. Присутствует только в фольклорных записях.
9 обряд	Гадание на удачное и щедрое лето	В современном состоянии лишено сакральности (отсутствие ритуального ковша для гаданий- тюөрэха и ритуальной посуды, требуемого числа участников церемонии, праздничных одежд и др.). Исполняется в упрощенном варианте: начиная какое-либо дело, якуты обязательно подбрасывают ложку для привлечения удачи (по аналогии с русским подбрасыванием монеты)
10 обряд	Обращение к божествам плодородия	Забыто. Не проводится.
11 обряд	Обряд установки табыка	В практике не встречается. Табык — древний ритуальный инструмент народа саха, для сбора людей в исключительных случаях. (по аналогии – русский вечевой колокол). Изготавливался из одной или нескольких бычьих кож, которые после специальной обработки натягивались между двумя коновязями. В него били в дни больших праздников или бедствий.
12 обряд	Обряд изготовления и развешивания ритуальной веревки из конского волоса – салома.	Применяется повсеместно. Обряд проводится в начале лета, когда зацветает береза, и перед началом любого Ысыаха. Салама – веревка сплетенная из черного и белого конского волоса, украшенная нечетным количеством фигурок животных и кусочков ткани, развешивается на крупных березах.
13 обряд	Обряд поклонения духу-хозяину водоема	Совершается только женщинами старшего поколения с.Партизан.

изводившимся строго по правилам и этикетным действиям, правильность которых контролировалась алгысчитами, общественными лидерами - «тиин мэйии», «сир быта» [16, с.144]. Переезжать следовало до конца мая (запоздавшие могли стать жертвой злобных чудовищ Нижнего мира – абааһы, которые 1 июня появлялись в

мире людей). День переезда заранее выбирался главами семей (одной или несколькими), которые намеривались провести лето в одном сайылыке.

В наши дни в Намском улусе – одном из самых густонаселенных в Лено-Алданском междуречье – из богато-

го обрядового комплекса предков с разной степенью сохранности воспроизводится менее трети традиционных обрядов, сакральный смысл которых утрачен (см. таб.1).

Утром в первый день переезда на летник выгоняли скот из хлева во двор и хозяева произносили заклинание на благополучие рогатому скоту (кырдыаҕас ынах). Перед тем, как выпустить скот на летние пастбища, его очищали горячей лучиной [18, с.251]. В жилые помещения сайылыка не заходили, пока хозяйка с женщинами не завершала в летнем хлеву обряд угощения духа-хозяйки летнего хлева - Ньяадды Джанха. Изголодавшийся за зиму дух, по древним представлениям якутов, получал желанную пищу – основание главного столба хлева и потолок обрызгивались суоратом (якутский кисломолочный напиток, типа йогурта) и брал под свою защиту весь пригнанный на сайылык скот. Только после этого обряда можно было зажигать новый огонь в очаге и, принеся дары духу огня, начинать готовить праздничное угощение и убираться (женщины - в жилых помещениях, мужчины - в хозяйственных постройках, загонях и во дворе).

После локальных обрядов - кормления духов-покровителей жилища, проводился обряд в честь Аан Алахчын Хотун – важнейший в системе религиозных обрядов-молений, связанных с летним хозяйственным циклом народного календаря [9, с.62]. В текстах некоторых олонхо имя духа-хозяйки Земли, защитницы родной местности звучит иначе - Аан Эскэл хотун, Аан Дархан хотун, Аан Чаллай хотун, Аан Сылайдаан куо. Но измененное произношением имя не меняет ее функции - охранять родовую территорию, обеспечивать благополучие людей Среднего мира, сохранять их основное богатство – стада и табуны [4, с.154].

Ведущий этнограф Якутии А.И. Гоголев полагает, что различные фонетические варианты имени духа-хозяйки Земли образовались на территории Средней Лены как производные от общетюркского словосочетания (киргиз. «алакчы дуйне» - «бранный мир, земной, тленный мир» (в отличие от загробного) глагола ал- «взять, брать», дополненный аффиксами монгольского языка. Хотя образы духов-хозяев местности характерны для мифологии и эпических сказаний многих тюркских народов Сибири, специализированные алгысы для Аан Алахчын хотун наличествуют только у народа саха [11, с.17].

Эстетический идеал смуглых тюрков-скотоводов в алгысных обращениях саха к белокожей, пышногрудой духу-хозяйке Земли проявляется в употреблении таких хвалебных эпитетов, как: «абыныхтаах дьылбэктээх» (с мягкими бедрами, словно смазанными маслом), «боуускалаах түһэхтээх» (с серебром украшенными коленями), «күрэн манган баттахтаах» (белоголовая), «көбүөр курдук эмиийдээх» (с грудью, подобной кумыс-

ной чаше) и др.

По представлениям древних якутов, для которых увеличение поголовья скота было вопросом выживания, использование таких этикетных формул помогало умилостивить могущественную устроительницу судеб и подательницу богатств [7, с.46].

Приведем отрывок текста алгыса духу-хозяйке Земли (из архива Л.С.Ефимовой).

Алгыс духу-хозяйке Земли (пер. Л.С. Ефимовой)

Оригинальный текст на якут. языке	Перевод на русский язык
Саар булгуннах саба саргыбын салайын	Подобно высокой сопке возвысите мою судьбу
Хоннохор хорбот, быттыккар кыбыт	В пазухе укройте, в паху спрячьте,
Туос уллунах диэн туоратар буолаайабын	Считаю чужой, не оттолкните меня,
Толугурдаах торбуйабы туоратыма, таабылаах убаһаны таһаарыма	Плешивого телёнка не оттолкните, вылинявшего жеребёнка не выводите,
Суон сүллүгэскин төлөрүтүмэ, халын халбанһын халбарытыма	Толстый засов не раскрывайте, тяжёлую дверь не сдвигайте,
Итии тыннаабы иһирдьэнэн киллэр, тымны тыннаабы таһырдыанан аһар!	С теплым дыханием во внутрь (двора) пропустите, с холодным дыханием со двора прогоните!

Просьбы аналогичного характера присутствуют в обрядовой поэзии алтайцев при перегоне скота когда погонщики просят духа-хозяина Алтая благосклонно отнестись к их скоту: «Айдар малга быян бер, агар јонго кежигин бер, ыјыкчылду јаан Алтайым!» (Дай милость перегоняемому скоту, дай свое благоденствие народу, священный великий Алтай!) [4, с.108].

В окрестностях летника, когда начинают цвести березы, у самой развесистой и могучей березы на опушке алааса (именно в ней находится летнее жилище Аан Алахчын Хотун), проводился обряд развешивания саламы – тонкой ритуальной веревки из белого и черного конского волоса с нанизанными на нее дарами духам (берестяные фигурки коров, лошадей, разноцветные ленты, пучки белого конского волоса; утиные перья) [18, с.256]. Предварительно духу-хозяйке Земли и духу Огня преподносилось праздничное «белое» угощение – молочные продукты – масло, саламат “праздничная каша из ячменя, сваренная в кипящей сметане или сливках”, кумыс и маленькие оладьи. Угощение сопровождалось провозглашением алгысов-благопожеланий

[11, с.17].

Алгыс Аан Алахчын Хотун (пер. Л.С.Ефимовой)

Запись на якутском языке	Перевод на русский язык
Аан дойдум иччитэ –	Дух-хозяйка Вселенной,
Аан Алахчын эбэ хотунуом,	Аан Алахчын моя госпожа-бабушка,
Сирим–дойдум иччилэрэ,	Духи-хозяйева местностей,
Сир түннүктэрэ –	Знатоки всего
Улуу кырдыаҕастар,	Великие старцы,
Көмүскэс санаалаах	Доброжелательные
Хотун эдьийдэрим,	Почтенные сестры мои,
Сүһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэн,	Преклоняюсь перед вами,
Хоолдуктаах бэйэм хонкуйан,	Поклоняюсь перед всеми,
Көрдөһөн-ааттаһан эрэбин!	Просить-умилостивить начинаю!
Алааһым кытытыгар	На окраине алааса
Аал уот оттон,	Священный огонь развода.
Алгыс тылын этэн	Слова благословения говоря,
Салама ыйыырбытын	Саламу подарить вам
Көнүллээн даа!	Разрешите!

При развешивании саламы на березу, один конец ритуальной веревки подвешивали как можно выше для связи с божествами Верхнего мира. Другой конец веревки направляли вниз по стволу для связи с духами земли, трав, цветов. По завершении обряда, чтобы закрепить милостливое расположение могущественной духа-хозяйки Земли собравшиеся поют, танцуют круговой танец – осуохай, играют на национальном музыкальном инструменте – хомусе.

Завершающим в ритуальном цикле обрядов переезда на сайылык был обряд поклонения духу-хозяйину водоема. К духу-хозяйину воды – Күөх Боллох тойону древние якуты обращались с просьбой наделить их рыбой или сберечь воды озера от высыхания в пору летней засухи. После переезда на *сайылык* хозяева в оговоренный день собирались на берегу озера и, обращаясь с алгысом к духу-хозяйину водоема, опускали в воду лодочку из бересты, в которую помещали кусочки масла и пучок белого конского волоса (для превращения в водном мире в красавца-коня) [13, с.110]. В наши дни, - указывает В.В. Винокуров, - «к духам-иччи рек и озер обращаются как к существам женского пола, не иначе как «почтенная бабушка» - «эбэ», чтобы обеспечить поддержку: «Почтенная бабушка, прошу, поделись серебристо-чешуйчатыйми...» [7, с.148].

Собранные материалы полевой экспедиции в Намском улусе, включая интервью старейших жителей с. Партизан, свидетельствуют, что полностью весь обря-

довый комплекс переезда на летник не соблюдается более 70 лет. Наибольшее количество обрядов в более полном исполнении в Намском улусе сохранилось именно у жителей села Партизан, в том числе зафиксирована единичная практика совершения обряда духу-хозяйину водоема. Обряд совершается пожилыми женщинами, старшая из которых обращается с заклинанием к духу-хозяйину водоема в манере прошения (негромко). Кроме опущенного в воду берестяного плотика, на которой кладут кусочки масла и пряди конского волоса, в воду выливается кумыс из чорона. Затем исполняется песня-импровизация тойук со словами благодарности. Можно предположить, что обряд поклонения духу водоема сохранился в с. Партизан благодаря особенностям ландшафта – сайылыки находятся в предгорьях, где без наличия водоема невозможно свободное содержание домашнего скота [8, с.69].

Анализ анкет показал, что из 200 респондентов в возрасте 18-35 лет, только каждый пятый был свидетелем 1-2 обрядов из ритуального комплекса переезда на сайылык; осознают необходимость сохранения данной обрядности как части этнической культуры своего народа - 50%; хотели бы посмотреть цикл программ по телевидению или на YouTube – 67%; научиться исполнять алгысы, проводить обряды на сайылыке - 10%; Анализ анкет 25 информаторов – женщин и мужчин старшего возраста из села Партизан дал иные результаты: были активными участниками отдельных обрядов – 75%; осознают необходимость сохранения данной обрядности как части наследия предков – 100%; хотели бы посмотреть цикл программ по телевидению НВК – 100%; Но общим для обеих групп респондентов является 100% желание стать участником яркого, театрализованного праздника «Переезд на летник».

Заключение

Стремление сохранить историческую память, культуру и быт народов России, защита традиционного нематериального духовного наследия нашли отражение в материалах Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)». И хотя в настоящее время народные традиции и обряды в их естественном бытовании угасают, уходит из коллективной этнической памяти и из актива культуры, но они жизненно необходимы обществу, которое не может существовать без культурно-исторического наследия [6, с.8].

Усилия региональных властей Якутии сохранить поселенческую культуру является позитивной тенденцией, потому что средствами традиционной народной культуры может быть решен большой круг проблем - и социально-экономических, и социокультурных, и воспитательных, и духовно-нравственных. Финансирова-

ние строительства современных сайылыков, кредиты сельским труженникам на приобретение высококлассной техники являются только одним инструментом развития чукотского села, не стоит недооценивать работы по формированию и развитию культурного пространства, включающего современные тенденции и традиции этнической культуры. Отсюда необходимость закрепления и и популяризации у младших поколений сельских жителей возрождаемой обрядности переезда на сайылык в форме культурного ивента, осуществляемого силами работников культуры, сельской интеллигенции, самодеятельными коллективами и волонтерами.

Национальный праздник Ысыах с его аттрактивными обрядами и ритуалами стал настоящим брендом Республики Саха (Якутия), признанным объектом собы-

тийного и этнокультурного туризма. Специалисты по ивент-менеджменту способны обеспечить профессиональное брендинг-событие поселенческой культуры, обеспечив сельским поселениям доходы за счет событийного и сельского туризма [14, с.250]. Театрализованную и обрядовую часть такого праздника эффективно дополняют ярмарка экологических продуктов и изделий народных мастеров, мастер-классы ведущих поваров и народных мастеров, конкурсы этнических красавиц «Сайылык Куо»- «Красавица сайылыка», коней и коров традиционной якутской породы, профессиональными состязаниями доярок и косарей, скачками, якутским многоборьем, выступлениями самодеятельных творческих коллективов, батлами алгысчитов, хомусистов и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Саха (Якутия) «О сайылыках» от 10 июля 2003 года № 52-3 № 107-III (с изменениями на 14.01.2011) URL:<http://docs.cntd.ru/document/802003497>
2. Указ Главы Республики Саха (Якутия) «О стратегическом развитии сельского хозяйства» № 150 от 07.11.2018 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/550318673>
3. Указ Главы Республики Саха (Якутия) «Об учреждении Дня сайылыка в Республике Саха (Якутия)» №150 от 06.11.2018 г. //URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2958727>
4. Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. СО РАН Избранные труды.Новосибирск: Наука, 2008. – 440 с.
5. Арумова Е.С. Участие местных сообществ в управлении территорией традиционного природопользования // Экономика устойчивого развития. – 2019. - № 4. – С. 22-25.
6. Балынская Н.Р. Средства массовой информации в субъектном поле политики // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2015. – №1(7). – С. 7– 9.
7. Винокуров В.В. Иччи (духи-хозяйева) в якутском героическом эпосе олонхо //Вестник Северо-Восточного федерального университета. Сер. Эпосоведение - 2017. - № 3. С.38-51.
8. Гнатюк, Г.А. Историко-географические особенности формирования этнокультурных ландшафтов Якутии/ Г.А. Гнатюк, Ж.Ф. Дегтева // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. - 2015 - № 2. – С. 62-69
9. Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2002. – 104 с
10. Денисов, А.Ф. Актуальность event-менеджмента в современных условиях / А.Ф. Денисов // Национальная ассоциация ученых. – 2015- № 10. – С. 19-22
11. Ефимова Л.С. Алгысы саха в системе культово-обрядовой поэзии Сибири / Л.С. Ефимова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. - № 1. – С.15-20.
12. Здоров А.Б. Концепция эффективного управления сельской территорией А.Б. Здорова // Вестник РМАТ. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-effektivnogo-upravleniya-territoriye> (дата обращения: 18.05. 2020)
13. Иванова В.С. Культ воды // Материалы IV Югорских чтений: сборник научных статей. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. С. 110-114.
14. Крюкова, О.П. Event-менеджмент как инструмент мотивационной политики // Современные наукоемкие технологии. – 2013. - № 10. – С. 249-250
15. Павлова, М.Б. Управление территориями традиционного природопользования /М.Б. Павлова //Материалы 2-ой научно-практической конференции «Арктический вектор: стратегия развития», Якутск. Издательство ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия), 2019. – С.169-175.
16. Портнягин И.С. Этнопедагогика кут-сюр./ И.С. Портнягин – М.: Akademia, 1998. - 182 с.
17. Цит.: Людей, принимавших правильные решения по житейским ситуациям, называли «тиин мэйии» - сообразительный, живой, как белка; «сир быта» - «народный аналитик», помогающий землякам разрешать их проблемы.- С.144.
18. Романова Е.Н. «Люди солнечных лучей, с поводами за спиной» (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов) / Е.Н. Романова - М.: Координационно-методический центр ИЭиА РАН, 1997. - 200 с.
19. Сподина В.И. Религиозные культы и обряды, связанные с почитанием объектов мироздания / В.И. Сподина // European Social Science Journal - 2012. №10 (26). Т. I. - С. 249 - 258.

© Ефимова Людмила Степановна (ludmilaxoco@mail.ru), Шкурко Наталья Сергеевна (Nat-shkurko@yandex.ru), Балынская Наталия Ринатовна (balynskaya@list.ru), Зиновьева Екатерина Георгиевна (ekaterina_7707@mail.ru), Антонова Венера Николаевна (antegor@mail.ru), Гаврильева Вера Николаевна (vera_homyun@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТРУДОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Карпова Ольга Евгеньевна

Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный
Университет
oekarpova@gmail.com

CURRENT ISSUES OF LATE MODERN PERIOD LABOR CONCEPTS

О. Карпова

Summary: In late modern period, all the basic concepts of labor have emerged. The foundations of late modern period culture formed a special attitude to work. Modern culture is built on the other foundations. Nevertheless, the concepts of late modern period labor have become part of the new attitude to work inherent in modern culture. The article considers the main labor concepts developed in political economy (A. Smith, D. Ricardo), analyzes the philosophical concepts devoted to the work of H. Hegel, K. Marx and researches of sociologists (M. Weber, V. Sombart and E. Durkheim) of the place of labor in a capitalist society. In modern history culture, the concepts presented are integrated into a new understanding of work.

Keywords: labor, work, late modern period, Smith, Marx, Hegel, Weber, Sombart, Durkheim, labor concepts.

Аннотация: В Новое время возникли основные концепции труда. Основания культуры Нового времени сформировали особое отношение к труду – современная культура строится на других основаниях. Тем не менее, концепции труда Нового времени стали частью нового отношения к труду, присущего современной культуре и вобрала в себя модели и паттерны, разработанные в Новое время. В статье рассмотрены основные трудовые концепции, разработанные в политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо), проведен анализ философских концепций, посвященных труду Г. Гегеля, К. Маркса, изучен взгляд социологов (М. Вебера, В. Зомбарта и Э. Дюркгейма) на место труда в капиталистическом обществе. В современной культуре представленные концепции органично вписаны в новое понимание трудовой деятельности.

Ключевые слова: труд, Новое время, Смит, Маркс, Гегель, Вебер, Зомбарт, Дюркгейм, трудовые концепции.

Период Нового времени характеризуется стремительным развитием науки и техники. Благодаря техническому прогрессу изменяется торговля и производство, что влечет за собой новое отношение к труду. В этот период складываются капиталистические отношения в Европе, которые в дальнейшем приведут к массовому индустриальному обществу в Новейшее время. Именно в период Нового времени появляются основные трудовые концепции, которые преобразовались, но не потеряли своей актуальности в настоящее время.

Современное постиндустриальное общество, пока далеко от того, чтобы полностью соответствовать прогнозам Д. Белла. Поэтому отношение к труду, сложившееся в Новое время, по-прежнему, актуально, однако требует более внимательного рассмотрения, согласно текущим реалиям глобального мира. Понять, как происходила концептуализация нового положения труда в Европе и какие из положений актуальны в современном постиндустриальном обществе – цель данной статьи. Методологической основой данной работы является анализ.

Технический прогресс способствовал появлению новых профессий, еще сильнее разветвляется разделение труда: к концу XVIII в. для некоторых занятий больше не нужно годами работать подмастерьем и учиться особенностям профессии, в итоге даже малые дети могут за не-

сколько часов освоить несложный функционал, однако при этом этот простой труд оказывается невероятно изматывающим, заставляя людей трудиться значительно дольше, чем в крестьянских хозяйствах. Новое отношение к труду было осмысленно в классических трудовых теориях, которые ниже будут рассмотрены более подробно.

В античной культуре закрепилось иерархическое разделение физического и умственного труда. Раннее Средневековье переняло эту позицию от предыдущего периода. Лишь на рубеже XI—XII веков крестьянин перестает считаться «порочным», «опасным», «необразованным», «скорее животным, чем человеком» [9, с.84]. Нельзя сказать, что никому не приходило в голову, что люди, чьими руками создается все продовольствие как минимум достойны считаться не менее уважаемыми, чем представители привилегированных сословий, однако только в Новое время об этом серьезно заговорили, подводя философские и экономические основания. Во многом это связано с тем, что труд «свободного» рабочего стал в разы интенсивнее и менее разнообразным, поэтому еще более невыносимым, в отличие от труда крестьянина или ремесленника Средневековья. По этой причине разделение труда на физический и умственный стало еще более контрастным.

В конце эпохи Возрождения и начале Нового времени начали формироваться централизованные нацио-

нальные государства. Представители их политического аппарата работали над созданием программ построения разумного государственного устройства. Т. Мор и Т. Кампанелла создали государственные утопии, считая их максимально справедливыми для всех жителей. Общей особенностью взгляда на труд обеих концепций было то, что никто не сидит без дела и при этом не работает на износ, более того, каждый человек развивается или просто занимается какими-то другими полезными делами, вне своей основной работы [7, с. 184]. Кампанелла определил четкое количество времени необходимого для физического труда – четыре часа в день [6, с. 70]. Даже во времена написания этих работ едва ли кто-то воспринимал их как реальную программу преобразования жизни. Однако они были интересны появившимся в XVIII в. социалистам-утопистам.

Еще до появления трудовой теории стоимости экономисты попытались найти теоретические обоснования, которые помогут в практическом решении вопросов. Несмотря на то, что экономика существовала всегда, какие именно существуют у нее закономерности долгое время было не совсем понятно. В начале Нового времени была популярна позиция меркантилистов, которые считали деньги, выраженные в ценных металлах, основным источником богатства, а внешнюю торговлю – основой пополнения богатства государства. Поэтому идея У. Петти, что подлинным богатством являются вещи, удовлетворяющие потребности, цена которых зависит от труда, затраченного на производство, была новаторской. А. Смит развивал эти идеи Петти.

Смит доказал выгоду разделения труда для увеличения богатства наций. Так же он провел анализ причин неравенства заработной платы: он выделил факторы приемлемости (насколько профессия приятна), культурный фактор (почетность того или иного занятия), фактор цены и времени (как долго нужно учиться профессии и насколько большими будут финансовые вложения), фактор удачи (какова вероятность добиться успеха в этой работе) [12, с. 148]. Основным принципом становится, чем больше требуется вложений физических или умственных и чем менее надежным становится возможность в ней преуспеть, тем лучше оплачивается такая работа. И только культурный фактор почетности не всегда влияет на оплату и скорее прямо противоположен высокой оплате при прочих равных условиях.

Смит был одним из первых теоретиков труда. Анализ причин высокой и низкой оплаты, по-прежнему, очень актуален. Однако благодаря тому, что в постиндустриальном обществе некоторые отрасли, основанные на определенном техническом изобретении, перестают быть актуальными через достаточно короткое время, замещенные другим техническим средствами, не всегда долгое обучение способствует получению высокой

оплаты труда.

Социалисты-утописты А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн высоко превозносили труд и считали, что нужно пересмотреть столь невыгодное отношение к людям, делающим основную работу по производству. Труд должен перестать быть принудительным, а должен избираться согласно склонностям человека. «При совместной работе, производимой в общих интересах, [...] люди работают с умеренным напряжением, но производительно.» [11, с. 121]. Такая точка зрения Оуэна выглядит как закономерное развитие идей А. Смита о том, что люди, следуя своим эгоистичным интересам, создают богатство нации, трудолюбие в достижении общих интересов приносится правильным воспитанием.

В экономической науке больше нельзя было оценивать богатство количеством золота и серебра. Д. Рикардо анализирует стоимость труда и делит ее на естественную и рыночную. Рыночная стоимость труда становится одним из факторов, из которых складывается меновая стоимость товара.

В начале XIX века вопрос труда стал важным не только для прагматиков-экономистов и социал-утопистов, но и для философов идеалистической направленности.

Философское осмысление труда можно найти у Г. Гегеля. Несмотря на то, что «Феноменология духа» является сочинением о диалектическом постижении духа, пример о господине и рабе можно рассмотреть, как отображение иерархических трудовых отношений.

Раб является рабом, потому что в отличие от господина, который имеет власть над бытием, раб над бытием власти не имеет. Тем не менее, господин так же зависит от раба, потому что пользуется вещами, произведенными рабом. Вещи не производятся из ничего, а берутся из вещей, не пригодных к употреблению. Вместо того, чтобы обработать и приготовить вещь для собственного потребления раб делает это для господина. Господин дважды вступает в отношения господства через другое сознание, сначала, заставляя раба отказаться от обработки и потребления вещи для собственных нужд, а потом благодаря тому, что раб признает свою зависимость от господина, «господин относится к рабу через посредство самостоятельного бытия, ибо оно-то и держит раба» [2, с. 101]. Однако это продолжается до тех пор, пока раб согласен с этой ролью, без раба господин не может быть господином.

Очень важным для философии права Гегеля является различие между свободным трудом и рабским. Если человек предоставляет «отдельные произведения [...] особенных, телесных и духовных умений и ограниченное во времени пользование ими» [3, с. 123], то это

носит внешнее отношение к его целостности, но когда отчуждается вся продукция и время человека, то это несвободный труд. Это разграничение свободного и рабского труда приобретает новое звучание в профессиях в современности, где люди вынуждены постоянно находиться на связи благодаря средствам коммуникации.

Благодаря специализации труд упрощается так, что в итоге приведет к замене его машиной [3, с. 239]. Тем не менее, сословия остаются. Гегель выделяет непосредственное сословие, то есть сословие, связанное с природой, земледельческое, следующим сословием является формальное (ремесленники, фабриканты, торговцы), и сословие, не связанное напрямую с производством, но охраняющее общественные интересы – всеобщее сословие. Это близко к средневековым – *laboratores, bellatores, oratores*, однако гегелевское различие строиться диалектическим образом, восходя от конкретного всеобщего к всеобщему самому по себе через особенное. Эти три сословия находятся в основе государства «разумного в себе» [3, с. 55].

Гегель считал специализацию человека – благом и критиковал молодых людей, не желающих себя внешне ограничивать сословием. Доказательство Гегель выводит, используя свой диалектический метод. Индивидуум, не принадлежа сословию остается частным лицом и не может пребывать во всеобщем. Безусловно эта критика направлена в первую очередь на современных Гегелю романтиков. Несмотря на то, что романтизм как течение уже давно не актуален, желание уподобиться титанам регулярно возникает в различных философско-художественных течениях и до сих пор привлекает молодое поколение. Тем не менее, технический прогресс, который присущ постиндустриальному обществу, настолько стремителен, что часто менять профессии становится необходимостью. Считать выигрышной стратегией выращивания профессионала, раскрывающегося во «всеобщем», по меньшей мере можно считать спорной в современном мире.

Взяв на вооружение диалектический метод Гегеля, К. Маркс представляет взгляд на экономику с точки зрения трудящегося человека. В первую очередь он развенчивает взятую всеми экономистами аксиому, что если товар создается при использовании средств производства (капитала), то и вся прибыль должна быть получена владельцем капитала. Капиталист может никак не участвовать в управлении и не использовать предпринимательской фантазии, наняв профессионального управляющего, используя «капитал-функцию» [8, с. 294], поэтому совершенно несправедливым является то, что капиталист претендует и получает большую долю в данном продукте, тогда как все богатство создается трудом.

Стоит обратить внимание, что труд в понимании

Маркса и Энгельса – это в первую очередь физический труд. Они сосредотачивают свое внимание на нем, потому что такой труд в отличие от умственного был наиболее незащищенным в XIX в. В постиндустриальном обществе количество людей, занимающихся физическим трудом, стало меньше, однако капиталистическое отчуждение ничуть не уменьшилось.

Труд, затраченный на производство, определяет стоимость товара. Выгодное приобретение рабочей силы позволяет капиталисту получить прибавочную стоимость. Это возможно сделать только при условиях, что работник может свободно распоряжаться своей рабочей силой и предоставлять ее на определенный срок, при этом он не может сам реализовать, созданные им товары, так как не имеет своих средств производства и возможности наладить торговлю. Работник вынужден трудиться на капиталиста по причине ситуации, в которой он находится, когда единственное, что он может обменять на необходимые для выживания блага, – это его рабочая сила.

Несмотря на утопические идеи социалистов и критики капитализма Марксом и Энгельсом, не малое количество мыслителей и ученых, считающих капиталистический вариант хозяйствования исторически закономерным развитием, а главное благоприятным для человечества. М. Вебер считал, что протестантская трудовая этика повлияла на создание богатства капиталистического мира. Именно протестантизм создал человека с новыми, не средневековыми ценностями. Протестант работает, копит и терпит лишения не для того, чтобы воспользоваться плодами своих трудов. Накопление – это самоцель, подтверждение богоизбранности верующего с одной стороны, а с другой, это бесконечная гонка, нарушив законы которой капиталист «экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним» [1, с. 76-77].

Идеальный тип капиталиста – это индивид, который полностью отходит от традиционализма (в традиционной экономике производится ровно столько, сколько нужно для выживания). Его деятельность полностью подчинена рациональности, при этом занимаясь своим трудом, он относится к нему как к призванию, то есть его труд становится делом жизни.

В культуре постиндустриального общества до сих пор сильны трудоцентрические настроения. До сих пор культ успешных дельцов основывается на истории капиталиста, поднявшегося на вершину социальной иерархии благодаря трудолюбию, целеустремленности, предпринимательской смекалке. Однако очевидным становится, что большая часть богатых людей пользуются благами уже сейчас. Более того: иррациональная

бережливость воспринимается скорее, как причуда, чем особенность протестантской этики.

Вебер связал развитие капитализма с протестантской этикой, однако даже в начале XX в. эта концепция считалась спорной. В частности, В. Зомбарт совершенно не согласен с посылом Вебера [5, с. 235] и выделяет важной движущей силой капитализма деятельность евреев, которые придерживались совсем другой религии – иудаизма. Более того, этические нормы капиталиста второго поколения, такие как скромность, отсутствие показного потребления, бережливость очень далеки от реального положения дел. Зомбарт согласен с тем, что мещанские добродетели вместе с предпринимательским духом определяют поведение капиталиста однако «они перестали быть качествами живых людей и сделались вместо этого объективными принципами ведения хозяйства» [5, с. 184]. Докапиталистическая эпоха согласно Зомбарту была расходом хозяйствованием: люди жили ровно на то, что производят и не стремились преумножить свои доходы. Причем это относилось не только к крестьянам и ремесленникам, но даже и к торговцам. Несмотря на «жажду денег» и попытки разбогатеть, эти люди не могли считаться капиталистами, с точки зрения Зомбарта, потому что у них отсутствовал хозяйственный дух [5, с. 9]. В первую очередь капиталисту необходима волевая энергия, изобретательность, склонность к счету (которой даже средневековые торговцы не обладали), авантюризм и хозяйственность. Фигура капиталиста должна быть сплавом из завоевателя, организатора и торговца. Несмотря на обязательную страсть к приключениям и риску, капиталист должен рационализировать предпринимательскую деятельность. В этом случае протестантская этика становится лишней: капитализм «не нуждается ни в каком чувстве долга, чтобы сделать эту бессознательную деятельность содержанием своей жизни: время научило его создавать себе жизненные ценности и в пустыне, окружив своеобразным очарованием саму эту его деятельность» [5, с. 349].

Появившаяся в Новое время социология рассматривала труд, как один из важных факторов, формирующих общество. Один из первых социологов Э. Дюркгейм обратил внимание на важность разделения труда не только для увеличения богатства наций, как это сделал А. Смит, но и для того, чтобы индивиды могли сплотиться и быть единым целым, образуя общество, то есть для социальной солидарности. Придерживаясь взглядов на то, что общество прогрессирует, Дюркгейм уверен, что современный ему социум стремится перейти от механической солидарности к органической. Идеалом становится слаженная работа общества, как единого организма [4, с. 347]. Основной причиной несчастья при выборе трудовой деятельности Дюркгейм, ссылаясь на слова О. Конта, считает не понимание смысла труда в образовании общественного блага [4, с. 345-346]. Дюркгейм разделял

точку зрения, озвученную ранее Гегелем, что необходимо выбрать определенное дело для максимальной пользы для общества [4, с. 371].

К началу XX века необходимость управления трудом больше не могла строиться на старых условиях, используя лишь интуиции и житейский опыт. Требовалось новое эффективное управление для получения максимальной прибыли. Наиболее яркие фигуры, обосновавшие и воплотившие эффективное управление трудом любыми доступными способами, были Ф. Тейлор и Г. Форд. Суть научной организации труда Тейлора была в максимальной прибыли для предпринимателя и работника без учета психологических особенностей, что безусловно способствовало появлению новых проблем, с которыми столкнулось индустриальное общество XX века.

Тейлор выделяет причины низкой производительности труда: боязнь сокращения рабочих мест при большей выработке, экономия собственных сил из-за неэффективно построенной руководителями системы мотивации, неправильные методы работы [13, р.5]. Все эти причины актуальны и в постиндустриальном обществе на производстве, использующем негибкие системы мотивации. План выработки, установленный управляющим всегда немного выше среднего. Как заметил Вебер [1, с. 80-81] люди с некапиталистическим сознанием стремятся зарабатывать ровно столько, чтобы им было достаточно для поддержания своего текущего состояния, поэтому обобщая на среднестатистического рабочего, можно заметить, что его мотивации схожи: он хочет поддерживать существующий доход, так как более интенсивное напряжение может быть опасным для его здоровья, поэтому он не сильно заинтересован работать на пределах своих возможностей, так как хорошие показатели ведут к повышению плана, который и так был для большинства едва выполним. К сожалению, все-таки интересы капиталиста и рабочего расходятся, так как капиталист может принимать решение сколько он будет платить. Профсоюз частично может помочь рабочему сохранить работу и отстаивать интересы, однако план выработки установит капиталист. Ленин и вовсе называл тейлоризм «научной» системой выжимания пота»: «9-10 часов работы выжимают из рабочего втрое больше труда, выматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наемного раба» [10, с. 18-19].

Тейлор писал «Принципы научного менеджмента» преимущественно для инженеров и директоров промышленных предприятий. Так же он выражал надежду, что она будет интересна и рабочим, которые проникнут в суть системного отношения организации труда, которая ведет к максимальному благосостоянию всех участников процесса. Однако ни денежная компенсация, ни возможность повышения и построения карьеры не ком-

пенсировали психологическую тяжесть для работника, занимающегося не просто тяжелой рутинной работой, но и делающего это с предельной интенсивностью. Поэтому стали появляться особые направления, изучающие эргономику труда, инженерную психологию, социологию труда. Тем не менее, эта проблема по-прежнему не преодолена. Страх «перегореть», выйти из строя как станок или комбайн, по-прежнему, очень силен для человека, особенно занимающегося рутинной работой.

В статье были рассмотрены основные трудовые концепции Нового времени. Практически до конца Нового времени труд осмыслялся как политическая, философская и экономическая проблема. С появлением социологии было так же определено важное место труда в развитии общества. Мыслители Нового времени пытались не просто примирить все сословия, которые при верном устройстве сольются в гармоничное целое, но и выйти за пределы такого подхода предлагая варианты устранения определенных эксплуататорских сословий (Маркс). Эти идеи до сих пор популярны в современном постиндустриальном обществе, однако редко носят столь ра-

дикальный характер.

Уже в Новое время прогнозировалось такое развитие технического прогресса, которое позволит людям не заниматься рутинным физическим трудом. Однако пока что это не реализовано. В то же время научный подход к управлению привел к конвейеру Форда и научному менеджменту Тейлора, несмотря на то, что в неизменном виде такие концепции управления персоналом давно неэффективны, новые стратегии учитывают их достижения.

Сформировавшийся в Новое время концепт трудоцентризма актуален в современном обществе. Несмотря на спорность, что именно послужило причиной появления трудоцентризма (протестантская этика, мещанский дух или социалистические утопии), он крепко утвердился в культуре.

Труд, выполняя различные функции, от способа выживания до служения высшей цели, наконец, стал рассматриваться как один из вероятных способов реализации лучших способностей человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Москва: Наука, 2000. – 495 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. – 575 с.
5. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. Айрис-Пресс, 2004. – 624 с.
6. Кампанелла Т. Город Солнца. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 232 с.
7. Мор Т. Утопия. Москва: Издательство «Наука», 1974. – 412 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 25. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960 – 554 С.
9. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – 328 с.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах, том 23. Москва: Издательство Политической литературы, 1973. – 595 с.
11. Оуэн Р. Избранные сочинения. Т. 1 М.: Изд. Академии Наук СССР, 1950. – 419 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: Эксмо, 2007. – 960 с.
13. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. Digireads.com, 2009. – 55 pp.

© Карпова Ольга Евгеньевна (oekarpova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Мурай Ольга Викторовна

К.филол.н., доцент, Российская Открытая Академия
Транспорта — Российский Университет Транспорта
(МИИТ Московский институт инженеров транспорта)
murray007@mail.ru

IDEOLOGICAL BASIS OF RUSSIAN
GEOPOLITICS

O. Murai

Summary: The article describes the basics of Russian geopolitics. The aim of this work is to generalize and analyze the ideological foundations of Russian geopolitics, which includes a system of views, ideas and worldviews of Russian people. The problematic of the article lies in the debatable nature of the geopolitical system of the Russian people, since there is still no unified system of knowledge combining religious, scientific, and exoteric-mystical knowledge of the world. The author notes that in geopolitics people, geography, history, climate, and the environment are closely intertwined.

The author focuses on different points of view on the formation of Russian statehood, identity, as well as the ideological foundations of Russian people. The author notes the special influence of the geographical position of Russia, which had a great influence on the intermediate position between East and West.

One of the main accents of the article is that Russia is simultaneously present in Europe and Asia, which leaves a peculiar imprint on the country's social, economic, political, military and cultural features. In this regard, the image of the Russian Cossacks is an ideal person, distinguished by the Orthodox faith, a high sense of patriotism, fidelity to Cossack traditions, hard work and strict discipline.

In conclusion, the author draws attention to the importance of Orthodox culture, the faith of the Russian people in the power of truth, spirit and justice. The author highlights the ideological features of the Russian man, who are characterized by a sense of freedom and independence from state power, since Russian people adhere to high ideas and great goal-setting.

Keywords: Russian geopolitics, the ideological foundations of Russia's geopolitics, Orthodox culture, Russian statehood, and the identity of the Russian person.

Аннотация: Статья посвящена описанию основ русской геополитики. Целью данной работы является обобщение и анализ идеологических основ русской геополитики, включающей в себя систему взглядов, идей и мировоззрения русского человека. Проблематика статьи заключается в дискуссионном характере геополитической системы русского человека, поскольку до сих пор нет единой системы знаний, объединяющей религиозные, научные и экзотерико-мистические познания окружающего мира. Автор отмечает, что в геополитике тесным образом переплетаются человек, география, история, климат, а также окружающая среда.

В центре внимания автора сосредоточены разные точки зрения на становление российской государственности, идентичности, а также идеологических основ русского человека. Автор отмечает особое влияние географического положения России, оказавшего большое влияние на промежуточное положение между Востоком и Западом.

Одним из основных акцентов статьи является то, что Россия одновременно присутствует в Европе и Азии, что накладывает своеобразный отпечаток на социальные, экономические, политические, военные и культурные особенности страны. В связи с этим, образ русского казачества представляет собой идеального человека, отличающегося православной верой, высоким чувством патриотизма, верности казачьим традициям, трудолюбием и строгой дисциплиной.

В заключении автор обращает внимание на важность православной культуры, веры русского человека в силу правды, духа и справедливости. Автор выделяет идеологические особенности русского человека, для которого характерны чувство свободы и независимости от государственной власти, поскольку русские люди придерживаются высоких идей и великого целеполагания.

Ключевые слова: русская геополитика, идеологические основы геополитики России, православная культура, русская государственность, идентичность русского человека.

Введение

Проблематика русской государственности и идеологии за последние годы приобретает исключительную актуальность. Данной теме посвящены исследования А.Г. Дугина, А.Н. Клименко, А.Л. Сергеева, Л.Г. Ивашова и др. ученых. В каждой из представленных работ объясняется сущность архетипа русского человека, а также особенности церковно-государственных, нравственных и геополитических приоритетов Российской Федерации.

Целью данной работы является обобщение и анализ идеологических основ русской геополитики, включаю-

щей в себя систему взглядов, идей и мировоззрения русского человека.

Постановка проблемы

Проблематика статьи заключается в дискуссионном характере геополитической системы русского человека, поскольку до сих пор нет единой системы знаний, объединяющей религиозные, научные и экзотерико-мистические познания окружающего мира. Как известно, в геополитике тесным образом переплетены человек, география, история, климат, а также окружающая среда [4, с. 8].

Особенности архетипа русского человека

Основным субъектом геополитики является человек, его система взглядов и ценностей. Особенностью архетипа русского человека, по мнению Л.Г. Ивашова, является стремление к патриотизму, чести, образованности, мужественности, обращение к высоким целям (науке, спорту, космосу) [4, с. 76]. Кроме этого, ученый отмечает угрозу разрушения идеологических основ русской геополитики под влиянием Запада, вобравшей в себя православно-славянскую чистоту христианской религии, умеренность исламских традиций, возможность спокойного восприятия действительности буддизма. Таким образом, идеологическая система русского человека совмещает в себе лучшие черты всех коренных народов многонациональной России.

Отметим также особенности идеологической системы России: чувство свободы и независимости от государственной власти, русские люди придерживаются высоких идей и великого целеполагания [4, с. 209]. Основами русской идеологии, по мнению автора, является мужчина-воин, защитник семейного очага и Отечества, а женщина – хранительница домашнего очага [4, с. 75].

Проанализируем основы идеологии русской геополитики в ее историческом развитии. На первых этапах русской государственности особая роль отводилась православной церкви. Как отмечает А.Л. Сергеев, священники призывали русский народ самоотверженно служить Богу, поэтому ее роль заключалась в том, что она представляла собой очаг духовности [7, с. 96].

В работе А.Н. Сахарова при характеристике геополитики России в X-XII веке отмечается, что русский человек должен быть мудрым, стремиться помогать ближнему, противостоять злу и подавать милостыню нуждающимся [6, с. 30]. Образ русского казачества представляет собой идеального человека, отличающегося православной верой, высоким чувством патриотизма, верности казачьим традициям, трудолюбием и строгой дисциплиной. В СССР главными особенностями русской геополитики были стремление к развитию духовности, разума и нравственных качеств. В период Великой Отечественной войны главными качествами были патриотизм и любовь к Родине.

Как отмечает Н.Я. Данилевский, русский человек отличается служением Отечеству, нестяжательством, обостренным чувством патриотизма, приоритетом общественных качеств перед личными [2, с. 231]. Однако эти черты проявляются в характере русского человека только тогда, «когда он понимает смысл жизни русского человека и что есть Россия в судьбе человечества» [4, с. 77].

В последние годы Россия старается вернуть себе статус мировой державы. Поэтому идеологические ос-

новы геополитики направлены на становление модернистской идейно-смысловой базы [7, с. 96].

Формирование русских традиций под влиянием Востока и Запада

Отметим, что русские традиции формировались на полиэтнической основе. Поэтому русский человек осознает свое положение на державно-геополитическом, а не только на национальном самосознании. В представлении русского человека на генетическом уровне заложены не только идеи служения Богу, но и всему человечеству. Эти качества позволяют судить о миссии русского человека, российской шкале ценностей, русском разуме, «смысле жизни русского человека, а также исторического развития России» [4, с. 78].

Как отмечает А.Н. Клименко, при характеристике геополитики России следует обратить внимание на нравственные и приоритеты внешней политики. По мнению ученого, Россия в силу своего географического положения является своего рода геополитическим мостом между Востоком и Западом. Россия одновременно присутствует в Европе и Азии, что накладывает своеобразный отпечаток на «социальные, экономические, политические, военные и культурные особенности страны» [5, с. 8].

Русский философ Н.А. Бердяев отмечает противоречивость и сложность русской души, которые определяются географическим положением и противоборством двух начал Востока и Запада [1, с. 78].

Отметим, что вектор развития России во многом зависел от исторических событий, поэтому однозначного мнения и направления России в сторону Востока или Запада пока не сложилось. В связи с этим Л.В. Хачатрян уделяет особое внимание концепции многослойной цивилизационной идентичности русского человека [8, с. 61].

Однако хочется отметить, что русская геополитика скорее является наследницей восточных традиций, а не западных. Идеологические особенности русских людей отличаются доминированием духовно-нравственных и гуманистических начал Востока в противовес индивидуально-потребительскому началу Запада, которое проявляется в отношениях между людьми, а также между природой и человеком. Русская геополитика отличается присутствием души, веры, духовности, нравственности и знания.

Основой русской геополитики в XXI веке является стремление к приобретению статуса мировой державы, поэтому особо актуальным остается вопрос сохранения самобытности, традиционных ценностей и независимости. Для этого современной России требуется вести продуктивный диалог с Востоком и Западом, стремиться

к передаче полезного опыта других стран в экономической, политической и социальной сферах.

Особенности характера русского человека в рамках геополитической концепции

Интерес представляет работа А.Г. Дугина, в которой он дает подробную характеристику русскому народу в рамках геополитической концепции. По мнению автора, русский народ представляет собой историческую общность, наделенную отличительными чертами самобытности, а также объединенную общими этническими, культурными, религиозными и психологическими особенностями [3, с. 188]. Говоря об идеологических основах русской геополитики, А.Г. Дугин обращается к непоколебимой вере русского народа в торжество правды, духа и справедливости во всем мире [3, с. 191].

На геополитические основы русского менталитета в разные периоды исторического развития оказывали влияние особенности климата, ландшафта, геологии местности, а также водных путей и горных хребтов. Эти черты повлияли на становление и формирование сухопутного, континентального, северно-евразийского характера русского народа, отличающегося максимальной предрасположенностью к открытости и интеграции с евразийским обществом.

Главными составляющими русской геополитики являются пространство и культура. Бескрайние евразийские просторы и предельная культура определили ход и становление особенностей русского народа. Как отмечает А.Г. Дугин, русский народ сыграл большую роль в процессе построения Русской империи, вобравшем в себя волевой геополитический фактор развития абсолютной идеи [3, с. 198]. Спецификой русской национальности является глобальность, которая связана с кровными связями и пространством, определяющим идентичность русского народа. Особенности геополитики России связаны с возвращением к православному самосознанию нации как Церкви. Каждый русский человек должен быть пра-

вославным, осознавать себе русским, и только потом – человеком [3, с. 255].

Выводы

Таким образом, мы приходим к выводу, что в настоящее время русская нация представляет собой особый субъект со своими историческими, геополитическими и национальными особенностями. Эти особенности оказывают большое влияние на становление идеологических основ геополитики России. В первую очередь необходимо понимать, что основой является православная культура, оказывающая большое влияние на неделимость и целостность русского менталитета.

Заключение

Мы отметили, что самосознание русского человека, а также становление традиций и духовных ценностей менялось в ходе его исторического развития. Однако главной основой геополитики России помимо географического положения, климата и особенности расположения между Востоком и Западом, является представление мужчины как защитника семейного очага и Отечества, а женщины как хранительницы домашнего очага. Русские люди отличаются верой в Бога, а также в торжество правды, духа и справедливости во всем мире.

При характеристике идеологических основ русской геополитики мы сделали вывод о близости России к идейным началам Востока, поскольку русские люди живут в координатах добра и стремления к совершению духовных и нравственных подвигов. Получается, что русского человека отличает стремление к духовным и высоконравственным помыслам.

Поэтому миссией России является добросовестное служение Богу, природе и всему живому на планете. Русская геополитическая мысль являет собой духовно-энергетическую, мыслительную энергию, которая выстраивает собственное гуманитарное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Русская идея. Сочинения. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 740 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии А.В. Белова. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.
3. Дугин А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1997. – 293 с.
4. Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации / Л.Г. Ивашов. – М.: Аргументы недели, 2015. – 391 с.
5. Клименко А.Н. Влияние идеи «Москва – третий Рим» на российскую геополитику XIX-XX вв.: Дис. кандидата исторических наук. / А.Н. Клименко. – М., 2014. – 162 с.
6. Сахаров А.Н. Русь на путях к «Третьему Риму» / А.Н. Сахаров. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 170 с.
7. Сергеев А.Л. Российская государственность в XXI веке: основные проблемы: монография / А.Л. Сергеев. – М.: Проспект, 2016. – 176 с.
8. Хачатрян Л.В. Формирование цивилизационной идентичности как фактор интеграции российского общества: Дис. кандидата философских наук. – Ставрополь, 2020. – 163 с.

© Мурай Ольга Викторовна (murray007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

CONSUMPTION OF CULTURE
IN THE MODERN CONTEXT

S. Petrova

Summary: New needs that are formed in society are the cause of social and cultural transformations. Responding to these new needs, society can move to a more advanced development. The article shows that the postmodern world does not trade in goods, but in signs and styles. Postmodern culture is extremely diverse, blurring the boundaries between the mass and the elite. Symbolic qualities of the product are beginning to prevail, including in production and design. The consumption of culture is, first of all, the consumption of signs and symbols, since things and values have not only use, market, exchange, but also symbolic value. Things can transmit information, be its bearers, and denote social qualities. They become not only an object of satisfaction of needs, but also a symbol that demonstrates the social significance of its owner.

Keywords: culture, needs, society, consumption, values, postmodern, symbols.

Петрова Софья Игоревна

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
Sofya8888@yandex.ru

Аннотация: Новые потребности, которые формируются в социуме, становятся причиной социальных и культурных преобразований. Реагируя на эти новые потребности общество, может перейти к более совершенному развитию. В статье показывается, что постмодернистский мир торгует не товарами, а знаками и стилями. Культура постмодерна чрезвычайно разнообразна, в ней размываются границы между массовым и элитарным. Символические качества продукта начинают преобладать, в том числе в производстве и дизайне. Потребление культуры, это, прежде всего, потребление знаков и символов, так как вещи и ценности обладают не только потребительной, рыночной, меновой, но и символической стоимостью. Вещи могут передавать информацию, быть ее носителями и обозначать социальные качества. Они становятся не только объектом удовлетворения потребностей, но и символом, демонстрирующим социальную значимость ее владельца.

Ключевые слова: культура, потребности, общество, потребление, ценности, постмодерн, символы.

Ни количество материальных благ, ни удовлетворение тех или иных потребностей не являются, сами по себе, достаточными для определения понятия потребления, они создают только условия для этого.

Потребительские стимулы и требования в современном обществе постоянно растут. По мнению Согомонова А.Ю., удовлетворить потребности человека, в принципе, невозможно. Потребительские интересы формируются быстрее и формулируются в культуре гораздо четче, чем социальные возможности для их удовлетворения. Постиндустриальное общество часто называют обществом потребления и оба эпитета взаимозаменяемо используются как социологические метафоры [10].

Общество потребления характеризуется культивированием потребительства, повышением престижа индивидуалистических стандартов восприятия мира. С точки зрения культуры важна безличность потребления, обилие форм и стилей, ориентация на все и всех. Потребление стало основным содержанием общественной жизни, после перехода к массовому потреблению, явившимся поворотным моментом двадцатого века, поэтому начавшийся формироваться образ жизни стал называться «потребительским». Его сущность заключается в том, что престиж этого образа жизни становится самоцелью, а смыслом – поиск лучшего и нового. Часто общество потребления описывается как порочный круг, убивающий бытийное существование человека, так как сводится к

формуле: «заработок – потребление».

Одним из первых периодов становления общества потребления стало конвейерное производство. А важнейшая особенность потребительского общества, связанная с социальным построением идентичности определенной социальной группы, появилась в середине прошлого века. А уже к концу 20 века возникают группы, для которых потребление становится образом жизни. Потребление с тех пор стало массовым. Таким образом, потребительство проникло во все сферы жизни общества, включая социальную и культуру, повсеместно воздействуя на потребительские тенденции [9].

Как известно, массовое потребление шестидесятых годов детерминировано гигантскими военными и гражданскими потрясениями первой половины двадцатого века и сформировалось из принципиально новых (нуклеарных) семей, как потребительских социальных ячеек. Произошел сдвиг в самой природе и сущности богатства народа, в природе и сущности его производства, и в работе вовлеченных в этот процесс людей. Массовый спрос стал основной формой богатства, создающий массовые рынки и обеспечивающий стабильные темпы роста капитала и производства экономики и национального дохода.

Новые потребности, которые формируются в социуме, становятся причиной социальных и культурных

преобразований. Реагируя на эти новые потребности, гипотетически общество может перейти к более совершенному развитию. На этот счет, среди прогнозов исследователей, есть весьма оптимистические концепции.

Если говорить о российском обществе, то следует отметить, что условия трансформации сильно повлияли на потребительскую сферу. Потреблению начали уделять значительно больше внимания, чем в экономических условиях СССР, где главным было производство, несмотря на существовавший тезис о необходимости наиболее полного удовлетворения потребностей людей. На фоне рыночных реформ произошли существенные изменения, однако до изобилия товаров еще далеко. Возникают проблемы и с доходами населения, что обуславливает многочисленные вопросы относительно характера потребления в России.

Риски социального развития во многом связаны с тем, что потребительские предпочтения становятся серьезным фактором расслоения общества, с точки зрения уровня доходов и, как следствие, уровню жизни.

Рост социального производства, параллельно с гуманизацией системы распределения, приводит к увеличению доходов растущей части населения общества, к их превышению над прожиточным минимумом, который обеспечивает только биологическое размножение человека. По мере того, как доходы удаляются от этой черты, потребление приобретает сугубо человеческий характер и направлено не на «подготовку к завтрашнему рабочему дню», а на собственное развитие, самосовершенствование или просто получения удовольствия, сохранение различных позиций в социуме. На этом этапе человек потребляет и живет не для работодателя, а для себя, своих родственников и друзей. Он производит себя не как сотрудник, а как человек участвующий во многих социальных связях. На этом этапе потребительские товары и услуги радикально меняются.

Для производства человека как живого существа требуются товары, отвечающие витальным потребностям. Соответственно, продукты оцениваются именно с точки зрения этой функции – хорошее питание, хорошая одежда, хорошее жилье. На этапе производства человека социального, потребление постепенно теряет свой чисто утилитарный смысл. Оно направлено на желаемое место, его обеспечение в различных социальных структурах, символизацию собственной принадлежности к определенной группе или страте. В результате производство символов начинает играть все более заметную роль в структуре потребления [6].

Это означает, что требование к культурным товарам и услугам меняется. Для формирования человека как

личности необходимы культурные ценности, отвечающие его потребностям. И в процессе развития человека, как социального существа, потребление основывается на места высокого «качества» в различных культурных и досуговых структурах, на их символическое значение.

Потребление символов (культурных ценностей, товаров, услуг) сильно варьируется, поскольку любое общество социально дифференцировано (потребление, например, на уровне высоких стандартов и банальное выживание). Такое потребление культурных ценностей является показателем, отражающим уровень благосостояния страны. Богатые тратят деньги на производство своей культурной идентичности, а бедные на свое физическое воспроизводство.

Принимая во внимание ключевые тенденции обновления потребительского сектора в России, исследователи убедительно показывают необходимость и высокую социально-экономическую эффективность гуманизации инноваций, приоритетность использования достижений современной технологической революции для повышения уровня и качества жизни населения, понесших большие потери в ходе антиобщественных реформ и кризиса девяностых годов прошлого века, для действительной реализации записанной в Конституции страны основополагающей нормы о Российской Федерации как о социальном государстве [7].

Будет ли наша страна развиваться как общество потребления, как и западные общества? Здесь, по-видимому, следует приять во внимание прогнозы исследователей, которые связывают возрождение российского общества с тем, что оно не так технически развито, нежели западные общества и сохранило запас духовности и культурных ценностей, которые, несомненно, будут приоритетными в будущем. В процессе социальной трансформации возрождение страны зависит от эффективного функционирования духовной сферы: культуры, науки, образования, а также использования интеллектуальных ресурсов.

Правильное позиционирование индивида в обществе, его высокий потенциал, детерминированный развитыми системами воспитания, образования и культуры в целом, станут основными ресурсами развития. Многие также зависят от распространения новых информационных технологий, имеющих противоречивые последствия, но являющихся одним из приоритетов преобразования потребительского сектора. Оставление части индивидов в виртуальном мире означает определенную потерю творческого потенциала и возможностей для повышения динамизма развития. Изменения в будущей экономике будут зависеть и от того, сможет ли общество противостоять негативным тенденциям в поведении в

информационной сфере.

В социальном плане опасность заключается не только наличие духовно обогащающих индивида развлечений, но и нарушение баланса виртуальных и реальных способов реализации творческого потенциала личности. Создается опасная возможность полностью реализовать себя в виртуальных мирах, не испытывая неудобств, связанных с воплощением своих замыслов в реальной жизни [8].

Потребление культуры предполагает раскрытие сложных аспектов, учитывающих экономический фон потребления, деятельность культурных учреждений, наличие различий в потреблении искусства («подлинного» и «массового»). Сложные проблемы возникают в связи с изучением потребительской аудитории, ее вкусов, а также с состоянием продукции культуры, в том числе деятельности ранка и государства. Исследователи рассматривают рынок продукции культуры и искусства как товар, смещая акцент с продукта на потребителя, с предложения на спрос, изучая изменения в потреблении в культуре с переходом к обществу постмодерна в рамках процессов глобализации.

Потребление культуры имеет долгую историю изучения. В теоретическом плане описанию производства культуры уделялось внимания больше, чем потреблению. Роль потребления в культуре начинает серьезно изучаться с появлением общества потребления, в конце двадцатого века, где основное внимание уделялось экономическим аспектам потребления.

Одним из первых концептуальных подходов к потреблению был предложен К. Марксом в рамках теории товарного фетишизма, с помощью которой он сформулировал закон возвышения потребностей по мере их удовлетворения.

Веблен Т.Б. в конце девятнадцатого века предложил теорию престижного потребления. Демонстративное потребление, отмечал он, может наблюдаться в его наиболее очевидной форме в потреблении продуктов питания, одежды, жилья, обстановки. На ранних стадиях экономического развития потребление товаров, особенно высококачественных (идеально – все потребление выше прожиточного минимума) принадлежит «праздному» классу. Потребление продукта более высокого качества является свидетельством богатства, становится престижным, и наоборот, отсутствие потребления товаров необходимого качества и в необходимых объемах, является признаком низкого статуса. Для господина, показное потребление материальных ценностей является средством достижения уважения. В одном случае это ненужная трата времени и усилий, в другом – чрезмерное

материальное потребление. Можно также отметить, что потребление, как средство поддержания репутации, а также его пропаганда как одной из основ порядочности в полной мере проявляется в тех сферах социума, где социальные контакты человека наиболее распространены и где подвижность населения выше [3].

Зиммель Г.Г. изучал проблему потребления в аспекте теории моды. Мода, по его мнению, является одной из многих форм жизни, для которой тенденция к социальному выравниванию сочетается с тенденцией к индивидуальному различию в одной деятельности. Возможно ничто не доказывает более убедительно, что мода это просто результат социальных или формально психологических потребностей, чем то, что с точки зрения объективных, эстетических или иных факторов целесообразности, невозможно обнаружить малейшей причины, которую дает ей мода – должны ли вы носить узкие или широкие брюки, юбки, округлые или взбитые прически, красочные или черные галстуки. Во всем этом нет и следа целесообразности [5].

В современной культуре мода имеет большое значение – проникая в новые области и усиливая изменения там, где она уже действует постоянно. Мода также компенсирует незначительность индивида, его неспособность индивидуализировать собственное существование.

Зиммель Г.Г. обращает внимание, что привлекательность моды заключается в контрасте между ее широким распространением и спросом. Таким образом, мода характеризует потребность и потребительство как широких масс, так и людей обладающих вкусом.

Зомбарт В. рассматривал проблему потребностей в контексте созданной им концепции роскоши. Вебер М. сформулировал концепцию статусных групп и протестантской этики.

Важные подходы к теории потребления наметил Гофман И. Систематизируя понятия знакового символического взаимодействия, он отмечал, что в первом приближении коммуникация это процесс передачи друг другу и, соответственно, постепенная социализация частных переживаний, идей, эмоций, ценностей и т.п. Этот процесс детерминирует формирование и отдельной личности, и общества, и социальных институтов, организаций и учреждений. Обусловленность становления человека от процесса передачи жизненного опыта другим людям, и получения от них своих сообщений (коммуникация предполагает как передачу, так и прием) подразумевает теоретическое расхождение как с психологизмом, допускающим существование каких-то готовых, врожденных природных мотивов человеческого действия, независи-

мых от среды социума ситуаций, окружающих институтов, так и с крайним социологизмом, представляющим человека чем-то вроде чистого листа (*tabula rasa*), заполняемого прямыми импульсами природой и социальной среды, коллективного сознания и т.п. Гофман И. пишет о важности «драматургического» подхода, имеющего свою особую «ситуационную» систему понятий из-за внутренней диалектики развития общественных форм жизни. В любой микросистеме взаимодействия лицом к лицу, отмечает он, люди взаимодействуют с другими, непосредственно присутствующими, участниками, вступая в культурно обусловленные познавательные отношения, без которых было бы невозможно упорядочение совместной деятельности ни в вербальных, ни в поведенческих формах [4].

Углубляясь в межличностные взаимодействия как функциональные формы потребления и формирования культурных потребностей, Гофман И. рассмотрел проблемы человеческой деятельности используя законы драматургии, показывая как человек-потребитель, потребляя, представляет себя другим, участвует в повседневной жизни, формируя культурные потребности.

Во второй половине двадцатого века проблемой общества потребления заинтересовались Бурдые П. и Бодрийяр Ж., которые сосредоточили свое внимание не на материальной потребительной стоимости, а на символическом характере потребления, рассматривая потребление не как экономический, чисто утилитарный процесс, а как социально-культурный процесс.

В разных странах потребление связано, прежде всего, с экономическим положением людей, но люди также могут стремиться к покупке продукта, который рекламируется в прессе или по другим канал массмедиа. В таком случае можно говорить, что потребление обусловлено не столько основными, базовыми потребностями, сколько символическим значением, заложенным в вещи. Разделять утилитарное и символическое значение вещи не следует, так как они дополняют друг друга. Вещи при себе не только потребительская ценность, но и символическая. Потребляя определенный продукт, человек подтверждает свой социальный статус, принадлежность к той или иной группе. Следует отметить, что у одних социальных групп эта символическая составляющая может быть слабой, в то время как у других она будет занимать очень важное место.

Бурдые П. показал, что сегодня потребление - это не просто пустая трата денег, эта трата, проходящая через определенные «культурные сетки», в частности, культурную сеть «хорошего вкуса» (являющегося одной из форм интеллектуального капитала). И в этом смысле образование (другая форма интеллектуального капитала)

и «вкус» тоже являются компонентами современного потребления.

Бурдые П. считал, что в потребление культуры, когда другие факторы равны, влияние происхождения особенно важно, если речь идет «высшем обществе». Социально признанная иерархия искусств (а внутри каждого, иерархия жанров, школ) соответствует социальной иерархии потребителей. Это свидетельствует, что вкусы выступают как маркеры класса [2].

Такая категория, как «вкус», должна воспитываться через формирование культурных потребностей, эти два понятия взаимосвязаны. Практическое и качественное значение потребления культурных ценностей зависит не только от разработанной окружающей действительностью схемы, но и от формирования культурных потребностей.

Бодрийяр Ж. считал, что потребление, это, прежде всего, потребление знаков и символов. Вещи и ценности обладают не только потребительной, рыночной, меновой, но и символической стоимостью. По его мнению, вещи могут передавать информацию, быть ее носителями и обозначать социальные качества. Они становятся не только объектом удовлетворения потребностей, но и символом, демонстрирующим социальную значимость ее владельца.

Бодрийяр Ж. подчеркивает, что вещи и предметы отсылают к конкретным социальным целям и социальной логике. Они свидетельствуют не столько об их пользователе и технических практиках, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации.

Критикуя современное общество Бодрийяр Ж. показывает его неизбежную модификацию как неокapиталистического общества потребления. Для него потребление потеряло связь с удовлетворением потребностей. Выбирая товар и услуги, человек создает свою идентичность, делая поправку на культуру сообщества. Потребляя человек, по существу, делает текст, через который выражает свое положение в обществе, идентифицирует себя с определенной группой. Потребление становится средством «доступа к социальным и культурным ресурсам», а также средством оказания впечатления на других для достижения определенных целей в повседневной жизни [1].

Ожидание покупки, желание, часто воспринимается как приносящее большее удовольствие, чем сама покупка. Это означает, что желание потреблять безгранично,

поскольку не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей, так как потребляются идеи, а не сами вещи.

Постмодернистский мир торгует не товарами, а знаками и стилями. Культура постмодерна чрезвычайно разнообразна, в ней размываются границы между массовым и элитарным, возникает много потребительских стереотипов. Символические качества продукта начинают преобладать, в том числе в производстве и дизайне продукта. Стандартные продукты пользуются меньшим спросом, чем те, которые рассчитаны на определенный культурный слой и поэтому имеют четкий специфический

характер.

Сегодня потребление изучается различными науками, часто постижение этого феномена происходит на междисциплинарном уровне. Значительное расширение взглядов на поведение потребителей обусловлено отходом от экономики и вниманием к социально-философским проблемам потребления. Одной из черт нового направления стал интерес к культурологическим подходам. Современная теория потребления, под влиянием постмодерна, все больше переплетается с культурологией. Внимание переносится на символический характер потребления, формирование личности и ее стиля жизни под его влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М.: Библион-русская книга. 2003. С. 17-20.
2. Бурдьё П. Практический смысл. СПб. и М. Алетейя. 2001. С. 30 – 36.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М. Прогресс. 1984. С.113,121,122.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. Канонпресс-Ц, Кучково Поле. 2000. С. 7 – 23.
5. Зиммель Г. Созерцание жизни. Избранное. Т. 2. М. Юрист. 1996. 269 с.
6. Ильин В.И. Социальное неравенство. М. 2001. С.21.
7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия - 2050: Стратегия инновационного прорыва. М. 2014. С.320.
8. Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.). М. Издательский Дом «НОВЫЙ ВЕК». 2001. С. 34-35.
9. Петров И.Ф. Аксиологический подход в социологии культуры // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 4. С. 480-483.
10. Согомонов А.Ю. Феномен «революции притязаний» в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи. 1985-1995. Москва. 1998. СП 1.

© Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия маркетинга и социально-информационных технологий

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ

PEDAGOGICAL STEREOTYPES AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE TEACHER'S PERSONALITY

**E. Alexandrova
O. Dutchina
T. Alexandrova**

Summary: The article is devoted to the problem of pedagogical stereotypes, which act as an indicator of professional deformation of the teacher's personality. General theoretical approaches to the professional development of teachers, which has stages and crises, are revealed. It is shown that crises of professional formation are sensitive to the formation of professional deformations, provided they are not constructively resolved. Professional deformations are manifested in violation of the ways of activity, in accentuated professional qualities, in the appearance of behavior stereotypes in the activities and communication of the teacher. Pedagogical stereotypes distort the teacher's reflection of professional situations and become the leading psychological determinant of professional deformations of the teacher's personality.

Keywords: professional development, pedagogical activity, professionally important qualities, professional deformation, pedagogical stereotype.

Александрова Елена Вячеславовна

Тихоокеанский государственный университет
vacheslavovna@inbox.ru

Дутчина Оксана Борисовна

К.псих.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет
aksa26@mail.ru

Александрова Тамара Ивановна

К.псих.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет
tomalex99@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблема педагогических стереотипов, которые выступают как показатель профессиональной деформации личности учителя. Раскрыты общетеоретические подходы к профессиональному развитию учителя, которое имеет стадии и кризисы. Показано, что сенситивными для формирования профессиональных деформаций педагога являются кризисы профессионального становления при условии их неконструктивного разрешения. Профессиональные деформации проявляются в нарушении способов деятельности, в акцентуированных профессиональных качествах, в появлении стереотипов поведения в деятельности и в общении учителя. Педагогические стереотипы вносят искажения в отражение учителем профессиональных ситуаций и становятся ведущим психологическим детерминантом профессиональных деформаций личности педагога.

Ключевые слова: педагогический стереотип, профессиональное развитие, педагогическая деятельность, профессионально важные качества, профессиональная деформация.

Современные инновационные процессы, связанные с модернизацией отечественного образования, повышают требования к условиям, средствам и технологиям педагогического труда, к личности учителя как к субъекту педагогической деятельности. Личность учителя является ведущим фактором педагогической деятельности, определяющим специфику профессиональной деятельности, профессионального общения и в целом профессионального развития учителя на разных стадиях профессионализации. Педагогический труд учителя относится к эмоционально напряженному труду, поскольку педагоги несут повышенную ответственность за образовательные результаты учащихся, постоянно вовлечены в эмоционально насыщенное общение, подвержены действию множества психологических и социальных эмоциогенных факторов, зачастую решают профессиональные задачи в условиях конфликта ожиданий и давления [5].

Поэтому профессиональная деятельность учителя

может быть отнесена к категории повышенного риска с точки зрения формирования педагогических стереотипов и профессиональных деформаций. Проблема педагогических стереотипов как показателя профессиональной деформации личности учителя разрешается в контексте выявления сущности понятий профессиональное развитие, профессиональная деформация, а также общенаучного понимания термина стереотип и проявления его специфики в педагогической деятельности.

Профессиональное развитие учителя раскрывается с позиции системно-деятельностного и системно-генетического подходов, которые позволяют рассмотреть данный процесс, с одной стороны, как процесс становления личностных новообразований учителя – профессиональной направленности, способностей, личностных качеств, умений, навыков, компетенций, с другой стороны – как становление собственно педагогической деятельности, ее мотивационной, коммуникативной и операционально-деятельностной составляющих. Дан-

ные процессы имеют стадийность, характеризуются кризисами при переходе от одной стадии профессионального развития к другой [4]. Профессия учителя относится к соционическому виду, в которой предметом труда и главной ценностью является личность растущего человека, а ведущими профессиональными требованиями выступают требования к профессионально значимым качествам педагога. В связи с этим возрастают требования к личности учителя. С этих позиций профессиональное развитие педагога рассматривается как становление, интеграция и реализация его личностных качеств в профессиональной деятельности, ведущие к качественному преобразованию внутреннего мира педагога, к творческой самореализации в профессии [4].

Любая профессиональная деятельность деформирует личность, приводит к образованию социально и профессионально нежелательных качеств и черт характера. Профессиональные деформации отражают нарушение способов деятельности, профессиональных качеств, появление стереотипов поведения и психологических барьеров [2]. Развитие профессиональных деформаций педагога определяется многими факторами, к которым относятся, прежде всего, возрастная динамика, содержание профессии и социальной среды. В процессе профессионализации успешность выполнения педагогических задач определяется степенью развития профессионально важных качеств педагога, которые могут трансформироваться в профессионально нежелательные качества и в профессиональные акцентуации, оказывающие негативное влияние на деятельность, поведение и общение учителя [1]. Профессиональные акцентуации в процессе многолетнего выполнения деятельности профессионализируются и интегрируются со стилем педагогической деятельности, трансформируясь в профессиональные деформации личности учителя [3].

Профессиональные деформации педагога могут возникать на разных этапах профессионализации. Сенситивными для их формирования являются кризисы профессионального становления при условии их неконструктивного разрешения, поскольку такой выход из кризиса искажает профессиональную направленность и инициирует процесс образования профессиональных деформаций [2]. Для учителей, согласно Я.А. Елкиной, наиболее выраженными являются проявления таких форм профессиональной деформации личности, как «сверхконтроль, доминантность, демонстративность, авторитарность, консерватизм» [1, с. 12]. Т.А. Жалагина расширяет этот список, называя педагогическую агрессию, дидактичность, личностно-ролевой диссонанс, социальное лицемерие [2].

В процессе профессионального взаимодействия и

профессионального общения с субъектами образовательной деятельности – учителями, учащимися, родителями, осуществляется их восприятие как социальных объектов, которое предполагает оценку, сравнение и отнесение их к определенной категориальной группе с помощью оценочных эталонов и стереотипов. Педагогические стереотипы являются частным случаем социальных стереотипов, которые представляют собой «эмоционально окрашенные, обобщенные, устойчивые, обоснованные общественным и личным опытом, в разной степени адекватные действительности образы целого класса людей, обладающих определенными свойствами» [6, с. 97]. В формировании стереотипов важную роль играют оценочные эталоны, представляющие «субъективные представления человека о социально-психологических свойствах, которыми должна обладать личность при выполнении той или иной общественной роли» [6, с. 96].

Профессиональные стереотипы являются неизбежным атрибутом профессионализации специалиста. Педагогические стереотипы определяются как «сформировавшихся в сфере обучения и воспитания устойчивых, упрощенных, схематизированных и эмоционально окрашенных представлений о педагогической деятельности, личности ребенка, родителей и самого педагога, создающиеся на основе личного опыта человека, передающиеся от социального окружения в рамках выработанных обществом норм [7, с. 82]. Как отмечает Я.А. Елкина, «образование автоматизированных профессиональных умений и навыков, становление профессионального поведения невозможны без накопления бессознательного опыта и установок. Автоматизированные действия необходимы для успешного выполнения трудовой деятельности, но со временем профессиональное бессознательное может превратиться в стереотипы мышления, поведения и деятельности» [1, с. 34]. Педагогические стереотипы, с одной стороны, имеют положительное значение, обеспечивая определенность реагирования в сложных педагогических ситуациях и относительную успешность деятельности. С другой стороны, педагогические стереотипы вносят искажения в отражение профессиональной ситуации и порождают разного типа психологические затруднения [7], становясь ведущим психологическим детерминантом профессиональных деформаций личности педагога.

Итак, процесс профессионально-личностного развития учителя на определенных этапах выступает не только как развитие и становление, но и как застой, деградация и деформирование личности, что приводит к формированию профессиональных деформаций. Профессия учителя имеет свой комплекс профессиональных деформаций, которые являются неизбежными в процессе его профессионального становления. Про-

фессиональные стереотипы учителя, с одной стороны, вносят определенность в его деятельность, с другой – искажают ситуации профессиональной деятельности и профессионального общения, являясь причиной формирования педагогических деформаций. Преодоление стереотипизации профессиональной деятельности предполагает использование разнообразных лично-

ориентированных технологий, направленных не только на развитие профессиональных знаний, навыков и умений, но, прежде всего, на развитие личности учителя, его личностных и ценностно-мотивационных качеств, творческого потенциала, которые обеспечивают, как высокое качество педагогического труда, так и творческую самореализацию личности учителя в профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елкина Я.А. Креативность как фактор профессионально-личностного развития учителя средней школы: дис. ... кандидата психологических наук. - Тверь, 2017. - 218 с.
2. Жалагина Т.А. Психологическая профилактика профессиональной деформации личности преподавателя вуза: дис. ... д-ра психол. наук. – Тверь, 2004. – 309 с.
3. Корсаков Ю.В. Профессиональная деформация педагога: пути преодоления // Педагогическое мастерство и педагогические технологии: материалы X Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 4 дек. 2016 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», - 2016. - № 4 (10). - С. 47-49
4. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 1998. – 200с.
5. Моросанова В.И. Дифференциально-регуляторные основы педагогического взаимодействия учителя / В.И. Моросанова, Т.Г. Фомина // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 2. – С. 94-102.
6. Русина Н.А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопросы психологии, 1981. - №5. - С. 96-105.
7. Сартакова Е.Е. Педагогические стереотипы профессиональной деятельности учителя и проблемы аттестации / Е.Е. Сартакова, ЕА. Обухова, Я.Л. Горкальцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2013. - №13 (141). - С. 82-88.
8. Сысоева Е.Ю. Профилактика профессиональных деформаций педагога // Вестник Самарского государственного университета. - 2015. - №11 (133). - С. 215-219.

© Александрова Елена Вячеславовна (vacheslavovna@inbox.ru), Дутчина Оксана Борисовна (aksa26@mail.ru),
Александрова Тамара Ивановна (tomalex99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

РОЛЬ ИГР В ПОВЫШЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СЛАБОВИДЯЩИХ

Альвади Марьям Неамах Джудах

аспирант, Московский педагогический государственный университет
mrmr.mrmr.mrmr.mrmr@mail.ru

THE ROLE OF GAMES IN INCREASING THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF THE VINDICATE

Alawadi Maryam Neamah Joudah

Summary: The article actualizes the problem of social and psychological adaptation of students with visual impairments. The author approaches the solution of the problem by identifying the potential of play activity in order to implement successful social and psychological adaptation of this category of students. The article presents the directions of play activity in working with students with visual impairments. The effectiveness of the role of games in social and psychological adaptation has been experimentally proved.

Keywords: students with visual impairments, primary school age, play activities, social and psychological adaptation.

Аннотация: В статье актуализируется проблематика социальной и психологической адаптации обучающихся, имеющих нарушения зрительной функции. Автор подходит к решению проблемы посредством выявления потенциала игровой деятельности с целью осуществления успешной социальной и психологической адаптации данной категории обучающихся. В статье представлены направленности игровой деятельности в работе с обучающимися, имеющими нарушения зрения. Экспериментально доказана эффективность роли игр в социальной и психологической адаптации.

Ключевые слова: обучающиеся с нарушениями зрения, младший школьный возраст, игровая деятельность, социальная и психологическая адаптация.

Успешность социальной и психологической адаптации на всех этапах жизнедеятельности школьника является тем важным фактором, который определяет его [школьника] способность чувствовать себя в окружающем мире защищенно, реализовано и творчески, что удовлетворяет на глубоком личностном уровне потребность развивающейся личности вносить интерес и новизну в собственную жизнь и деятельность (включая интерес к творчеству, деятельности и удовлетворение ими), а также продуцировать компонент творчества в деятельности, благодаря которому личность может полноценно раскрыться и ощущать свою востребованность и удовлетворенность создаваемыми продуктами этой деятельности (материальными или интеллектуальными). Эта способность развивается в процессе совершенствования личности обучающегося, в процессе его положительной социализации, и, конечно же, зависит от тех условий жизнедеятельности, воспитания и обучения, в которых обучающийся существует [5; 6].

Данная проблема на сегодняшний день сохраняет свою эскалационную значимость в обучении и воспитании. Еще более значимой она является для школьников, имеющих ограниченные возможности здоровья (в нашем случае, обучающихся с нарушениями зрительного восприятия, среди которых школьники, имеющие отклонения остроты зрения – близорукость, косоглазие, астигматизм (85,0% при n=17), и школьники, имеющие трудности, касающиеся фокусировки зрения – дальтонизм, легкая фобия (15,0% при n=3).

Это обусловлено тем, что установление связей с окружающей средой у обучающихся с нарушениями зрения (а также и других школьников с ограниченными возможностями здоровья) затруднено, а их процесс адаптации, социализации и успешного личностного становления в этой среде усложнен спецификой хода развития от пассивного и воспроизводящего к производному и творческому, что, в конечном итоге, должно принимать характер продуктивности и творческой деятельности, ведущей к формированию такой внутренней позиции обучающегося, которая позволяла бы ему, несмотря на ограничение возможностей здоровья, критически подходить к оценке любой ситуации, формулировать оценочные суждения и находить творческие пути ее решения, т.е. ощущать себя ответственным, позитивным и мотивированным [2].

Период младшего школьного возраста для обучающихся с нарушениями зрительной функции, несмотря на данное ограничение в состоянии здоровья, все же имеет достаточно богатые возможности для развития комфортного для них диапазона коммуникации и способности (благодаря этому) к творческому самовыражению, что основывается на развитии у них таких свойств как внутренний эмоциональный план, рефлексия, фантазирование и т.п., которые ложатся в основу положительной социальной и психологической адаптации [3; 4].

Сущность социально-психологической адаптации данной категории школьников и специфика ее успеш-

ности предстают сегодня как одна из наиболее сложных проблем в детской психологии и педагогике. Дискуссия на предмет определения условий успешности и эффективности данного процесса до сих пор не завершена и разноаспектна. Учеными отмечаются нечеткость границ определения данного процесса, сложность его структуры, отличительность от специфики развития психических процессов данной категории. Тем не менее, единство мнения ученых состоит в понимании тесной связи успешной социально-психологической адаптации с процессами коммуникации и мышления обучающихся с нарушениями зрения, что определяет их познавательную активность в процессе воспитания и обучения [1].

Положительная и эффективная социальная и психологическая адаптация школьников с нарушениями зрения приводит к успешной самореализации и самоактуализации, позволяя опыту таких учеников быть полезным для них, творческим и социально значимым. Такой опыт в младшем школьном возрасте несомненно формируется в процессе игровой деятельности (будь то игра на уроке, подвижная или спортивная игра и пр.), благодаря которой обучающийся с нарушениями зрительного восприятия получает возможность продуцирования новых образов (как образов невербальной, символической коммуникации, так и образов воображения, достигаемых за счет вовлечения в игру сохранных анализаторов) на основе развития воображения, которое вводит ученика в статус творческого, что является наиболее значимым, так как позволяет открывать ему новые существенные характеристики действительности, проектировать реальность, конструировать окружающую среду.

Важность и эскалационная роль рассматриваемой проблематики в рамках компенсирующего потенциала игр (в том числе развлекательных игр, игр физкультурно-оздоровительного характера с элементами танцев, гимнастики и других видов спорта) в социальной и психологической адаптации лиц школьного возраста с нарушениями зрения обозначены не снижающейся актуальностью проблемы, рассматриваемой такими исследователями как Т. Cutsforth (1951), N. Banraga (1977), L.C. Higgins (1973), Г.А. Аль-Баттауй и В.В. Лобачев (2013), А.Е. Васильченко и О.В. Кузнецова (2018), Е.Ф. Архипова (2015), И.Н. Тузов (2016), Саад Аббас Фадель (2015), О.В. Бессарабова (2007), Л.Б. Осипова и Л.А. Дружинина (2019) и др. Результаты этих исследований подчеркнули важность и настоящую значимость игровых программ и мероприятий в работе со школьниками, имеющими нарушения зрительного восприятия.

Это обусловлено тем, что игра как источник и условие повышения уровня социальной и психологической адаптации позволяет эффективно использовать сюжет, образ, потенциал для формирования средств коммуникации с целью установления контакта и расширения комфортной зоны коммуникативного взаимодействия.

Это определяет очень значительные возможности для полноценной социально-психологической адаптации.

Помимо этого, игра позволяет расширить круг интересов обучающихся с нарушениями зрения в контексте игровой социальной коммуникации, обеспечить развитость потребностно-мотивационной сферы, увеличить личностный опыт, способности комбинаторного характера, а также развивать умения переносить имеющиеся навыки и знания из одной области деятельности на другую. Очень важно в период младшего школьного возраста (в нашем случае это дети 7-10 лет) научить слабоуспевающего ученика образному видению окружающей действительности, научить «превращать» продукт воображения, получаемый от привлечения к процессу сохранных анализаторов, в форму и результат деятельности, кодировать в материальных структурах мозга образцы творчества и реализовывать их посредством возможностей окружающей среды и рефлексии.

В процессе исследования на констатирующем этапе эксперимента было отмечено, что обучающиеся с отклонениями зрения характеризуются нарушением таких связей деятельности при интеграции во взаимодействие с социумом. В нашем случае это наблюдалось в проявлении страха (наблюдаемого физиологически, а именно, нарушение дыхания, повышение давления, нервозность поведенческих реакций и пр.) контактов с обычными сверстниками (44,0% при n=11), избегании контакта (28,0% при n=7), высокой (пороговой) личностной (48,0% при n=12) и ситуативной (72,0% при n=18) тревожности, которая была характерна для поведения школьников, что затрудняло их социальную и психологическую адаптацию.

Также на констатирующем этапе эксперимента, определяя специфику межличностных отношений обучающихся с нарушениями зрения в контексте процесса их социальной и психологической адаптации, мы отметили, что 88,0% (n=22) школьников распределились между признаками таких отношений, в которых, хотя и есть место наличию конформного взаимодействия и желания установить дружелюбный контакт с окружающими, но, тем не менее приоритетные позиции занимают такие особенности как неуверенность в себе, высокая фрустрация и боязненная податливость стороннему мнению; остальные 12,0% испытуемых с нарушениями зрения проявляли наибольшую уверенность в общении, характеризовались независимым аргументированным мнением и в некоторых ситуациях даже проявляли доминирующую позицию, хотя и испытывали при этом высокую личностную тревожность.

С целью преодоления подобных затруднений и улучшения социальной и психологической адаптации в процессе исследовательской деятельности обучающимся с нарушениями зрительного восприятия (n=20) были

предложены следующие разновидности игр:

- *игры на преодоление ограничения раскрепощенности движения и формирования новых двигательных стереотипов на основе задействования сохранных анализаторов*; в связи с этим, являлось психологически естественным, что игровая познавательная деятельность такого обучающегося происходила за счет восприятия неизвестного движения/специфики его выполнения на слух, так как он [слух] выполнял в этом случае компенсаторную функцию, поэтому в отношении таких школьников и развитии их социально-психологической устойчивости особую ценность представляли игровые занятия, связанные со слушанием, осязанием, развитием представлений; в процессе такого психолого-педагогического сопровождения лица с недостатками зрения учились сравнивать окружающие предметы с теми представлениями, которые у них имеются; если же представления отсутствовали, то педагог прибегал к различным вариантам сравнений на основе аналогов форм, свойств и т.д. или корректировать процесс восприятия в вербальной форме;
- *игры, способствующие увеличению психологической устойчивости при освоении пространства*; в данном случае важнейшим психолого-педагогическим условием считали подвижные игры в помещении и на свежем воздухе, которые организовали вместе с обычными школьниками на основе формирования особой специфики символической коммуникации, которая была понятна как обычным обучающимся, так и обучающимся с нарушениями зрения, что позволяло успешно устанавливать социальные контакты, добиваться слаженности действий на основе эффективной положительной коммуникации;
- *игры, акцентированные на формирование образного мышления обучающихся с нарушениями зрительного восприятия с учетом развития деятельности коммуникационной позиции, осознания своей роли в игре*; необходимо отметить, что обучающиеся с нарушениями зрения изначально имеют затрудненные ассоциативные возможности визуализации, поэтому соотнесение реального образа, особенно в более старшем возрасте, является достаточно затрудненным; для таких школьников являются важными такие процессы как имитация, знакомство с предметами на основе тактильных ощущений, что конечно же необходимо сопровождать словом: при знакомстве, в нашем случае, с общественными/социальными явлениями, ключевыми моментами выступали восприятие на слух, а также, при возможности, процессы осязания с соотнесением тех признаков и процессов, которые словесно описывал педагог с целью реализации создаваемого образа или явления; эти факторы выступали в данном случае

ориентирами для формирования и дальнейшего развития зрительного восприятия и рефлексивной позиции обучающихся.

Так, необходимо отметить, что в процессе игровой деятельности у школьников с нарушениями зрения не просто происходила эффективная передача и восприятие каких-либо впечатлений, переживаний, имеющих в их опыте, но и осуществлялась творческая переработка впечатлений, их перекомбинация, воплощение их в новой коммуникативной реальности, а также происходило конструирование отношений, отвечающих внутренним эмоциональным запросам такого обучающегося.

Социальная и психологическая адаптация происходила намного успешнее в связи с тем, что обучающиеся с нарушениями зрениями достаточно мотивировала внутренняя эмоциональная окраска и насыщенность игры, необычная комбинация действий, их отношений, чувств, поведения.

Так, в процессе экспериментальной деятельности произошло снижение личностной и ситуативной тревожности у данной категории школьников. Она стала умеренно преобладающей: умеренная ситуативная тревожность отмечена у 60,0% испытуемых ($n=15$) при среднем ее значении – $42,42 \pm 7,1$ ($M \pm \sigma$); умеренная личностная тревожность отмечена у 68,0% лиц, участвующих в эксперименте ($n=17$) при среднем ее значении $45,25 \pm 6,74$ ($M \pm \sigma$).

Также положительно изменился и межличностный характер общения школьников, имеющих нарушения зрительного восприятия, как между собой, так и с обычными сверстниками: они стали более свободны и научились преодолевать состояние конфликта (48,0%; $n=12$); для многих (64,0%; $n=16$) дружелюбное общение стало нормой коммуникации, что объясняется снижением фрустрации детей (56,0%; $n=14$). Количество лиц с нарушениями зрения, проявляющими уверенность в общении, демонстрирующими аргументированность собственной позиции возросло на 32,0% по сравнению с 12,0% на начало эксперимента.

Таким образом, можем отметить, что успешность социальной и психологической адаптации в результате использования игр в деятельности обучающихся с нарушениями зрения выражалась через формирование психологически устойчивого отношения к игровой деятельности и общения в ее рамках, совершенствование потребностно-мотивационной сферы, определяющей их интерес к коммуникации, взаимодействию с обычным окружением. Раскрепощение школьников в игре определялось овладением новыми способами действия, самовыражения, имеющих подкрепление в наличии комбинаторных компонентов в результате привлечения к деятельности потенциала сохранных анализаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессарабова, О.В. Развитие познавательной деятельности у слабовидящих детей с задержкой речевого развития средствами игр / О.В. Бессарабова // Pedagogy of Physical Culture and Sports. – 2007. – № 6. – С. 26-30.
2. Орешкина, А.В. Особенности учебной мотивации у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья / А.В. Орешкина // Молодой ученый. – 2019. – № 37 (275). – С. 152-155.
3. Осипова, Л.Б. Концептуальные основы модели социально-коммуникативного развития дошкольников с нарушениями зрения / Л.Б. Осипова, Л.А. Дружинина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 3 (28). – С. 113-117.
4. Прысь, О.Е. Психологический комфорт на уроке как условие развития ребёнка с ОВЗ [Электронный ресурс] / О.Е. Прысь. – 2020. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/psikhologiya/2020/01/05/psihologicheskij-komfort-na-uroke-kak-uslovie-razvitiya>
5. Снягина, Ж.Н. Успешная адаптация и социализация ребенка [Электронный ресурс] / Ж.Н. Снягина. – 2017. – Режим доступа: <https://infourok.ru/statya-uspeshnaya-adaptaciya-i-socializaciya-rebenka-1562174.html>
6. Чурекова, Т.М. Особенности социализации детей дошкольного возраста в современном социуме / Т.М. Чурекова, В.Н. Пуранен // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 46. – С. 217-224.

© Альвади Марьям Неамах Джудах (mrmr.mrmr.mrmr.mrmr@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ И КОМПЕТЕНЦИЙ У БЕЗРАБОТНЫХ В ПЕРИОД НЕНОРМАТИВНОГО КРИЗИСА ЗАНЯТОСТИ

Белоусов Максим Владимирович

Московский Государственный Психолого-Педагогический
Университет,
Belmax777@mail.ru

MODERN PRACTICAL METHODS FOR THE DEVELOPMENT OF SKILLS AND COMPETENCIES OF THE UNEMPLOYED DURING A NON-STANDARD EMPLOYMENT CRISIS

M. Belousov

Summary: The non-normative crisis of employment, the simple language of unemployment, is an urgent issue in the system of professional development of a person, this work details this problem. It also examines the theory of the concept of a non-normative crisis, its concept in the employment system and, of course, the psychological development of the personality against its background, as well as the practical problem of modern employment, methods for developing skills and competencies of the unemployed and, in principle, the concept of unemployment.

Keywords: non-regulatory employment crisis, professional personality development, employment crisis, concept of crisis.

Аннотация: Ненормативный кризис занятости, простым языком безработица, является актуальным вопросом в системе профессионального развития личности, данная работа подробно освещает эту проблему. Также рассматривается теория понятия ненормативного кризиса, его понятие в системе занятости и, разумеется, психологическое развитие личности на его фоне, а также практическая проблема современной занятости, методы развития навыков и компетенций у безработных и в принципе понятие безработицы.

Ключевые слова: ненормативный кризис занятости, профессиональное развитие личности, кризис занятости, понятие кризиса, психологическое состояние безработного, виды профессиональной помощи безработным, практическая проблема современной занятости, методы развития навыков и компетенций у безработных.

«Труд», без сомнений именно труд всегда был, есть и будет главным основополагающим фактором производства и становления уровня жизни каждого. По этой причине проблемы кризиса занятости так актуальны во все времена, особенно сейчас на фоне последних событий, связанных с вирусом Covid-19, что повлияло на рынок труда во всем мире.

Кризис занятости, а если точнее «безработица», по большей своей части оказывает, мягко говоря, негативное влияние на все аспекты и стороны жизни общества и, в частности, на – экономику, политику и социальные отношения.

Именно поэтому особый интерес к проблеме кризиса занятости (т.е. безработицы) идет со стороны общественности, хозяйственных и государственных органов, ведь они имеют как непосредственно прямое, так и косвенное отношение к проблемам занятости и безработицы, тем не менее, данные вопросы все еще остаются малоизученными.

Предлагаю более детально рассмотреть теорию понятия ненормативного кризиса, его понятие в системе занятости и, разумеется, психологическое развитие

личности на его фоне, а также практическую проблему современной занятости, методы развития навыков и компетенций у безработных и в принципе понятие безработицы.

Прежде всего давайте разберемся в понятие «безработный». Когда люди говорят, что «этот человек безработный», то каждый по-своему воспринимает эту информацию. У одних мелькает мысль – что «человек лентяй и бездарь который не хочет работать», другие воспринимают такого человека с жалостью, типа «бедный, у него нет работы, ему сложно, не знаю, чтобы я делал на его месте» и т.п. конечно ситуации у всех разные и нет правильного определения, однако для государства «безработный» согласно Международной Организации Труда – это человек который хочет и может работать, однако не имеет такой возможности из-за отсутствия рабочего места. В Законе РФ «О занятости населения в Российской Федерации» в ст. 3 сказано, что «безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. При этом, в качестве заработка не учитываются выплаты выходного пособия и сохраняемого среднего заработка гражданам, уволен-

ным в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя. В соответствии с законом к безработным относятся лица 16 лет и старше, которые в рассматриваемый период не имели работы (доходного занятия); занимались поиском работы (обращались в службу занятости, к администрации предприятия, использовали личные связи, помещали объявления в печати и др.) или предпринимали шаги к организации собственного дела; были готовы приступить к работе. При отнесении лиц к безработным должны присутствовать все три критерия, перечисленные выше»

Итак, понятие безработица в «Психологии труда» рассматривается как аспект трудовой жизни и кризисный этап профессионального становления личности труда. Изучением данной проблемы занимались: М.А. Бендюков, который разработал концепцию и стадийную модель профессионального кризиса у безработных, а А.Н. Демина, рассматривает безработицу как индивидуальный кризис занятости.

Что же с понятием «безработный» мы немного разобрались, тогда давайте рассмотрим другой аспект - понятие «ненормативный кризис». Итак «Ненормативные кризисы развития принято считать результатом случайных, непредвиденных или сверхнормативных событий. Данный тип кризиса определяется самим пониманием того, что воспринимается под «естественным», т.е. нормативным развитием который в любой момент, внезапно может быть разрушен некой жизненной ситуацией, незаконмерно превышающей привычный адаптивный потенциал индивида».

Доктор психологических наук М.А. Бендюков считает, что ненормативный кризис занятости может быть двух форм:

- **«Актуальный ненормативный кризис занятости»** — это действительно случившаяся ситуация потери работы (профессии) и поиска нового рабочего места.
- **«Латентный ненормативный кризис занятости»** — это (состояние страха и неуверенности занятых, так как они не застрахованы от безработицы в краткосрочном и отдаленном будущем)».

В своей работе «Стадийная модель ненормативного профессионально-обусловленного кризиса занятости» М.А. Бендюков представил «стадийную модель развития кризиса занятости»:

Сначала наступает **«предкризисная фаза ненормативного кризиса занятости»**. В данный период работающими индивидами переживается, во-первых оче-

редь как «состояние страха и неуверенности занятых, так как они не застрахованы от безработицы в краткосрочном и отдаленном будущем» а также как переживание или предвкушения возможной потери своего рабочего места в то время когда было сделано предупреждения о возможном факте увольнения. Далее сценарий жизни индивида может идти в двух направлениях:

В том случае если психологически ресурс индивида силен, а также профессиональные качества на соответствующем высоком уровне, да и социальные ресурсы достаточны, человек справляется с ситуацией и переходит на новую работу практически без потери статуса, имевшегося до потери предыдущей работы.

А если кризис развился, и индивид действительно потерял работу, то кризис занятости переходит в следующую стадию **«Фаза актуального ненормативного кризиса занятости»**, обусловленного реальной случившейся потерей своего рабочего места и образовавшейся безработицей. У данной фазы есть собственная стадийность развития кризиса, итак:

«Стадия 1. Формирование кризисной ситуации — это значит, что вызванная ненормативными событиями кризисная ситуация занятости возникает и развивается не сразу, а постепенно, получается, что для индивида наступает условие неопределенности будущего.

Стадия 2. Выбор стратегии разрешения кризисной ситуации – в данном случае, образовавшаяся кризисная ситуация ставит индивида перед стратегически важным выбором возможного развития профессиональной направленности. Как правило все сводится лишь к трем путям поведения безработных: самостоятельный поиск работы (т.е. рассылка резюме, регистрация на порталах с вакансиями, просмотр объявлений о работе, поиск через связи и т.п.), постановка на учет в государственную Службу занятости (для получения помощи в поиске рабочего места а также для получения пособия по безработице) и третий путь отказ от поиска работы.

Стадия 3. Углубление противоречий – в случае, если индивид достаточно быстро, примерно в течении двух-трех недель не может достигнуть стабильной трудовой занятости, то наступает следующая стадия кризиса занятости. Динамику данной стадии можно описать следующим образом: **«Первая фаза** шока, которая сопровождается активными поисками работы. На этом этапе индивидум сохраняет оптимизм и надежду, дух его не сломлен. **Вторая фаза** наступает после неудачных поисков работы, человеком овладевает беспокойство и пессимизм, он переживает сильный дистресс. Это наиболее критическое состояние. На **третьей фазе** индивидум полностью подчиняется судьбе и адаптируется к новому состоянию, которое отличается снижением

уровня запросов и ограниченным выбором. К этому моменту его прежние жизненные позиции разрушены».

Стадия 4. Ценностно-смысловая реструктуризация – в жизни человека наступает этап внутренних и внешних противоречий, которые в итоге приводят к переоценке себя, своих профессиональных качеств и востребованности, а также положения в социуме и иным внутриличностным изменениям. В качестве результата данной стадии образуется появление неких психических новообразований (прежде всего, они касаются себя лично и окружающей действительности, а также ценностно-мотивационной сферы) как непосредственный результат кризиса.

Стадия 5. Поведенческое разрешение кризиса – на данной стадии кризиса занятости, ценностно-смысловая реструктуризация должна быть реализована в поведении. В своих исследованиях, С.В. Заруцкий выявил, что на этой стадии возможны три варианта развития событий.

1. **Позитивная смысловая переориентация** – это когда индивид кардинально меняет свои требования к рабочему месту в направлении соответствия требованиям работодателей, иными словами, проявляет высокую готовность, желание и необходимость получить новую профессию.
2. **Утрата смысла в трудовой сфере**, которой характерно усиление депрессии и апатии, что в итоге приводит к экономической неактивности, поиск работы полностью прекращается, а служба занятости воспринимается и используется всего лишь как источник средств к существованию.
3. Ценностная реструктуризация не происходит, и индивид возвращается на стадию **«Углубление противоречий»** и фазу фиксации исхода ненормативного кризиса занятости. Здесь мы обнаруживаем следующее.
 - При позитивной смысловой переориентации осуществляется восстановление трудовой занятости (т.е. трудоустройство).
 - При утрате смысла в трудовой сфере наступает стабильный статус экономической неактивности (т.е. переход на натуральное самообеспечение и иждивенчество) а также отказ от участия в активных программах Службы занятости.
 - При отсутствии ценностно-смысловой реструктуризации наблюдается дальнейшее углубление противоречий, сопровождающееся нарастанием негативной симптоматики в эмоциональной сфере (по большей части депрессивной, психастенической и ипохондрической).

Ненормативные кризисы развития личности являются частью кризиса профессионального становления

личности в процессе формирования своей жизненной ниши в социуме. Но, что такое кризис профессионального становления вообще и как влияет на жизнь и психологическое состояние и развитие личности? Само понятие «Кризис» – звучит устрашающе, и в большей своей степени реально бывает критично для большинства людей во всех аспектах и направлении жизни человека. По сути своей кризис – это преграда, которую нужно и можно преодолеть, и преодолевая ее мы становимся теми кто мы есть, мы учимся и развиваемся, поэтому бояться кризисов не стоит, это просто преграда которую каждый раз преодолевая, мы совершенствуем себя. Это своего рода стимул для очередного личностного роста. Когда человек преодолевает очередной кризис он переходит на новый уровень развития, ну, а если не смог преодолеть, он возвращается назад для накопления сил и пробует снова, пока не получится.

Итак, кризисы бывают различные, но мы с Вами рассмотрим основополагающий для кризиса занятости **«Кризис профессионального становления»**. В основе профессионального развития личности лежат кризисы, выход из которых приводит в некую норму и стадию возможности, потребности и требования определенных условий труда.

Сложности в становлении и формировании профессии у личности вызываются, как правило, необходимостью принять участие в производственных конфликтах, в изучении новейших форм трудовой организации и конечно возрастными изменениями психических функций, которые являются противоречиями профессионального развития.

Известный отечественный психолог, доктор психологических наук и профессор Э.Ф. Зеер выделяет главные факторы кризисов профессионального становления:

- а. сверхнормативная активность как следствие неудовлетворенности своим положением и своим статусом;
- б. социально-экономические условия жизнедеятельности человека (сокращение рабочих мест, ликвидация предприятия, переезд и т.п.);
- в. возрастные психофизиологические изменения (ухудшение здоровья, снижение работоспособности, синдром «эмоционального сгорания»);
- г. вступление в новую должность (а также участие в конкурсах на замещение, или аттестациях);
- д. полная поглощенность профессиональной деятельностью;
- е. изменения в жизнедеятельности (смена места жительства, перерыв в работе, «служебный роман» и т.п.).

Кризисы часто сопровождаются нечетким осознанием недостаточного уровня своей компетентности и про-

фессиональной беспомощности.

Сейчас в современном обществе на личность условно возложена большая ответственность за свой собственный выбор, за проявление инициатив и т.п. Конечно, это не значит, что раньше этого не требовалось, однако интенсивно меняется окружающий человека социум, современные технологии развиваются с геометрической прогрессией и, увы, далеко не все могут быстро перестроиться под требования и возможности современного технологического мира.

Проблемой безработицы занимается не только психология, но и экономика, т.к. безработица напрямую зависит от экономического состояния страны. В современном мире в период активных социально-экономических преобразований можно выделить несколько видов безработицы из классификации, разработанной английским экономистом, основателем кейнсианского направления в экономической науке Д.М. Кейнсом:

1. **«фрикционная безработица»** (данный вид безработицы временный и как правило связан с поисками новой работы по причине принудительного увольнения или по собственному желанию).
2. **«структурная безработица»** (это когда руководитель увольняет из-за недостатка квалификации сотрудника и его несоответствия требованиям в связи с использованием новейших технологий).
3. **«застойная безработица»** (при данной форме на протяжении долгого времени отсутствует занятость гражданина и как правило большую часть составляют не только не имеющие работу, но и не ищущие ее)
4. **«скрытая безработица»** (это довольно необычный вид безработицы, основное отличие которого в том, что человек фактически числится на работе и за ним сохранены трудовые отношения, но при этом находящегося в отпуске за свой счет)
5. **«циклическая безработица»** (это форма безработицы основана на спаде производства, сокращения выпуска продукции, а также увольнение работающих).

Разумеется, появляются разногласия между имеющимся опытом индивидуума и новейшими социальными условиями труда. Конечно, у опытной взрослой личности возникает острая необходимость перестраивать свои рабочие отношения и общественные связи, изучать новые специальности или проходить обучение, повышая рабочую квалификацию, обретать способность умело и современно презентовать свои наилучшие качества, способности и умения для успешной адаптации к новым условиям труда.

Современные тенденции общества и темпы роста значительно опережают способность индивидуума

справляться с появившимися изменениями, именно поэтому возникает необходимость в повышении уровня компетентности старшего поколения к регулярно изменяющимся условиям существования.

В современном мире система образования на высоком уровне и выступает социальным институтом, способствующим формированию компетенций у современной личности, а также является неким звеном, которое соединяет общество и индивидуума при этом являясь гарантом стабильности, решая противоречия между ними.

Процессы получения высшего профессионального образования уже взрослого устоявшегося населения не так просты и сопряжены со специфическими функциями, такими как:

- **«компенсаторная»** (от слова компенсировать и вполне соответствует определению, т.к. данная функция отвечает именно за восполнение потерянных образовательных возможностей),
- **«адаптационная»** (от слова адаптация т.е. приспособление, в данном случае приспособление к конкретным новейшим запросам общества),
- **«контроль социальной грамотности»** (в данном случае подразумевается развитие основных компетенций и разновидностей функциональной грамотности),
- **«стратификация»** (имеется ввиду приравнивание личности к группе, основываясь на его образовательном уровне)

Какими же главными или как говорится ключевыми компетенциями должен обладать индивидуум чтобы открыть дверь в любую профессию и занять свое место в социуме? Полагаю, что в первую очередь это интеграция знаний, способностей, навыков и т.п., и, что немало важно, уметь их применять, умение брать на себя ответственность, а также уметь действовать самостоятельно, уметь правильно и своевременно принимать решения и отвечать за принятые решения как в работе, так и конечно за собственную жизнь в обществе.

Эти главные, т.е. ключевые компетенции состоят из многих компонентов, являются многофункциональными и многопрофильными, поэтому могут быть использованы в абсолютно любой сфере как личной, так и профессиональной деятельности человека. Хорошо развитые «ключевые компетенции» личности помогают найти выход из личностно-профессионального кризиса безработного и больше в него не попадать. Сам набор необходимых ключевых компетенций индивидуально определяется социумом, в котором живет индивидуум чтобы соответствовать социуму. Именно поэтому само развитие основных компетенций на протяжении всей жизни определено индивидуальными способностями и возможностями человека, его окружением и влиянием

учебных учреждений.

Полагаю, что для развития основных компетенций мы можем определить несколько их условий:

- В первую очередь это конечно **«социально-экономические условия»**: реструктуризация экономики а также понятие четкой политики государства; понятие самой концепции рабочей занятости населения и спецподготовки кадров; интерес и запрос работодателей на необходимые профессии высшим учебным заведениям, службе трудоустройств населения и создание условий для развития предпринимательства как индивидуального так и коллективного и т.п.;
- Второе это **«психологические условия»**: степень развития личности «Я-концепции», настрой на успех, способность рефлексировать; жизнеспособность; трудоспособность; возможность к активности и саморегуляции; умение общаться, а также сотрудничать с другими и сопереживать; способность к профессиональной этике, и ответственности; стрессоустойчивость;
- Третье это конечно **«педагогические условия»**: организационные (имеется ввиду составление и реализация учебных планов, расписаний, подготовка материалов и т.п.); содержательные (подразумевается содержание занятий, а также представление идей); технологические (сюда входят формы, методы, приемы, а также непосредственно средства обучения и использование последних технологий).

Стадии развития главных компетенций и критериев, может включать в себя три основных уровня:

- **1 уровень** – знания, укрепленные глубокими познаниями, весьма гибкое мышление личности, развитые способности, хорошо развитая позиция, логичная самооценка, самокритичность, акцент на успех, умение учиться на собственных ошибках и опыте; На данном уровне высокоразвиты ключевые умения, которые могут обеспечить исполнение и решение, профессионального и социально-

го характера практических задач.

- **2 уровень** – точные систематизированные знания, умение решать теоретические задачи, развитая субъектная позиция, логичная самооценка и оценка результатов деятельности, самокритичность, акцент на успех, умение учиться на собственных ошибках и опыте; На данном уровне развиты основные умения, которые обеспечивают необходимый уровень профессиональной и социальной компетентности.
- **3 уровень** – знания, которых достаточно для нормального уровня решения задач профессионального и социального характера, здесь конечно самооценка не всегда адекватная, да и оценка своих действий и их результаты не всегда логичны, ограничение в самокритике, настрой прежде всего на избегание неудач, и не всегда может использовать опыт; На данном уровне ключевые умения развиты не выше среднего, хоть и могут обеспечить выполнение профессионального и социального характера практических задач однако только при использовании помощи.

Предполагаю, что данная модель «ключевых компетенций безработных» может быть использована как основополагающая для разработки программы подготовки безработных. Также в программу переподготовки и повышения квалификации безработных важно и нужно включать формирование и развитие ключевых компетенций, т.к. это будет способствовать выбору того пути, который приведет к выходу из кризисной ситуации, связанной с безработицей, и конечно поможет в самореализации и социализации личности.

Однако самыми главными на наш взгляд методами развития навыков и компетенций у безработных в современном мире являются своевременная психологическая поддержка и профконсультирование, которое поможет двигаться в том направлении, которое приведет индивидуума к раскрытию внутреннего потенциала личности и полностью самореализоваться в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 N 1032-1 (последняя редакция) Статья 3. Порядок и условия признания граждан безработными
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий. Екатеринбург, 2004.
3. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997
4. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда. М.: Академия, 2012
5. Азимов, Э.Г. Словарь методических терминов / Э.Г. Азимов, АН. Щукин. -СПб., 1999.
6. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. М.: Аспект Пресс, 1998.-376 с.
7. Т.Г. Браже, Профессиональная компетентность специалиста как многофакторное явление / Т.Г. Браже // Тезисы к семинару 25-29 июня 1990; под ред. В. Т. Онушкина. Л.: НИИООВ, 1990.

8. Вишнякова, С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С.М. Вишнякова. М.: НМЦ СПО, 1999.
9. Демин, А.Н. Способы адаптации в трудной жизненной ситуации / А.Н. Демин, И.П. Попова // Социс. 2000. - № 5.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова М.: АЗЪ, 1996.
11. Переломова, Н.А. Ключевые компетенции в образовании: современный подход / Н.А. Переломова // Материалы межрегиональной конференции инженерно-педагогических и руководящих работников учебных заведений НПО. Иркутск, 2003.
12. Интернет источник: Научные материалы международного форума и школы молодых ученых ИП РАН // Раздел 3. Актуальные проблемы современной российской психологии / Бендюков М.А. Кризисы профессионального развития личности, обусловленные негарантированностью трудовой занятости. http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_3_a/bendyukov_.html#
13. Бендюков М.А. Стадиальная модель ненормативного профессионально-обусловленного кризиса занятости // Журнал: Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена, 2007
14. Агабекян Р.Л., Авагян Г.Л. Современные теории занятости. – М., 2001.
15. Леана К., Фельдман Д. Как справиться с потерей работы. – М., 1995.
16. Заруцкий С.В. Вверх по лестнице // Человеческие ресурсы. – 1999. – № 1–2.

© Белоусов Максим Владимирович (Belmax777@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Государственный Психолого-Педагогический Университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫМ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ УГРОЗАМ СТУДЕНТАМ ВУЗОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евсюк Александр Владимирович

*К.псх.н., с.н.с., Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации, Москва
avev2020@bk.ru*

METHODOLOGICAL BASES OF COUNTERING THE HUMANITARIAN INFORMATION-PSYCHOLOGICAL THREATS TO STUDENTS OF UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Evsouk

Summary: The author of the article substantiate the need to create departments of mediapsychology, subordinate to the ideas of developing students' protective mechanisms to counter information threats that entail risks of mental deformation. It is proved that potential threats turn into psychological risks only on the appropriate foundation - when there is a decrease in the level of awareness that occurs by activating the sensory-emotional reactions of a person to the detriment of the rationally conscious. According to the authors of the article, the rigidity of thinking, the external locus of control, low rates of self-attitude and imperfect mechanisms of psychological defense are the leading set of factors that does not allow individuals to counteract humanitarian information and psychological threats.

Keywords: informatization, information security, students, consciousness, mediapsychology, emotional-volitional sphere, conformity, manipulative influence.

Аннотация: Автор статьи обосновывает необходимость создания кафедр медиapsихологии, подчиненных идеям развития у студентов защитных механизмов противодействия информационным угрозам, влекущим риски деформации психики. Обосновывается, что потенциальные угрозы превращаются в психологические риски только на соответствующем фундаменте - когда имеет место снижение уровня осознанности, происходящего путем активизации чувственно-эмоциональных реакций человека во вред рационально-осознанному. По мнению авторов статьи, ригидность мышления, экстернальный локус контроля, низкие показатели самооотношения и несовершенные механизмы психологической защиты - ведущий комплекс факторов, который не даёт личности противодействовать гуманитарным информационно-психологическим угрозам.

Ключевые слова: информатизация, информационная безопасность, студенты, сознание, медиapsихология, эмоционально-волевая сфера, конформность, манипулятивное воздействие.

Актуальность

Последствия негативного влияния социальных сетей на сознание личности остаются недостаточно осознанными современной молодежью. Данный факт необходимо переосмыслить на уровне образовательных учреждений с целью формирования методологических основ разъяснительной работы, посвящённой информационно-психологическим угрозам среди студентов учебных заведений. В основу разработки новых профилактических мер, минимизирующих информационно-психологические риски необходимо положить тезис о том, что информационные потребности человека, его стремление к самоактуализации и самореализации в виртуальной среде, уже стали частью современного мира, однако, только сам человек создаёт благоприятные условия для удовлетворения данных потребностей либо в перспективном, либо в деструктивном направлении.

Массовому сознанию молодёжи уже нанесены непоправимые морально - психологические травмы, связанные с тем, что глобальная информатизация всех сфер жизни произошла слишком быстро и общество не успело к ней адаптироваться. В связи с этим произошло падение ценности человеческой жизни, утрата ее смысла; прогрессирует цинизм, ценностный и правовой нигилизм, алчность, обесценивается институт брака и семьи; открытая пропаганда нетрадиционных ориентаций, наркотиков и т.д. проникает в сознание молодых людей по всем каналам восприятия. Человечество, несомненно, осознает глубину этих проблем, но намного меньше понимает, что необходимо делать, чтобы преодолеть последствия непрерывного формирования мировоззрения молодежи в деструктивном направлении.

При таких условиях, именно педагогам высшей школы, задействованным в воспитании креативно мыслящей молодежи в университетах страны, необходимо более глубоко погрузиться в мир психологии юношества,

понять, что университетское образование подчинено единственной актуальной на сегодня и глобальной в перспективе цели преодоления многомерности негативного влияния информатизации, которая складывается из формирования собственных твёрдых жизнеутверждающих основ, намерений, речевых основ коммуникации, поведения, моральных принципов существования, организации своей воли и усилий на преодоление требований времени, наряду с сохранением исторической памяти своего народа и классического понимания роли гендера.

Цель данной статьи: исследовать возможности и перспективы объединения методологических основ противодействия гуманитарным информационно-психологическим угрозам студентам ВУЗов Российской Федерации в новую единую дисциплину «медиапсихология».

Сегодня, осознавая всю проблемность вопросов повышения качества осознанности студентов в информационном пространстве, университеты должны сконцентрировать силы и возможности гуманитарных наук, чтобы пойти на рискованный эксперимент создания кафедр медиапсихологии, подчиненных идеям развития у студентов, прежде всего, защитных механизмов противодействия информационным угрозам, влекущим риски деформации психики.

В современных условиях информационные угрозы превращаются в психологические риски только на соответствующем фундаменте - когда имеет место снижение уровня осознанности, происходящего путем активизации чувственно-эмоциональных реакций человека во вред рационально-осознанном. Если психический мир находится на стадии становления, что свойственно именно студенческому возрасту, то информационные угрозы перерастают в формирование соответствующих аттитюдов, антиценностей, деструктивных стратегий поведения, которые в дальнейшем эволюционируют и приводят к девиантному поведению и формированию психических расстройств.

Результаты эмпирического исследования авторов Л.Г. Дмитриева, Д.В. Хамзина подтвердили очень важную гипотезу, что «у студентов, которые являются активными пользователями социальных сетей, проявление черствости более выражено, чем у студентов, которые реже пользуются социальными сетями. Студенты - неактивные пользователи социальных сетей характеризуются большей чуткостью и более глубоким пониманием других людей» [2]. Ежедневно проникая в сознание студентов и воздействуя на него через личное бессознательное, используя незрелость психических процессов молодых людей, проявляющуюся в повышенной конформности, масс-медиа внушают, вводят в сознание молодёжи некую псевдореальность.

Именно поэтому, с целью обеспечения информационной безопасности студентов на уровне государства и системы образования должны осуществляться определенные защитные меры, которые необходимо базировать на следующих методологических подходах:

1. Регулирование информационных потоков и связей, в частности их количественное ограничение. Использование данной группы мер на личном уровне связано с отказом студентов от использования информации или каналов ее распространения (например, отказ от просмотра рекламной продукции) в случае невозможности проверки ее достоверности. На уровне образовательной организации необходимо создание кафедры медиапсихологии, реализующей подготовку студентов к избирательной обработке сетевой информации.
2. Целенаправленное информирование студентов, в частности, распространение просветительской информации. Сюда стоит отнести организацию информационных потоков, направленных на предотвращение и нейтрализацию воздействий определенных информационных факторов, которые могут иметь негативные последствия. На личном уровне это проявляется в инициативном поиске дополнительной информации из различных источников и в организации ее поступления другими каналами. На уровне образовательной организации рекомендуется создание сетевых сообществ под кураторией преподавателей-психологов, распространяющих качественный контент. Возможно создание специализированного Ютуб-канала для аудиально-визуального донесения опасностей информационного пространства.
3. Применение способов, методов и средств регулярного предоставления социально важной информации в ежедневном общении на занятиях по всем дисциплинам. Данная группа включает разнообразные формы регулярного предоставления социально значимой информации, в частности, через систему образования, подготовки и переподготовки кадров, распространения духовных и культурных ценностей, поддержания традиций, морально-этических норм.
4. Формирование механизмов коллективной защиты от негативных информационно-психологических воздействий. Прежде всего, эти меры связаны с организацией коллективной защиты, основанной на механизмах идентификации студентов с определенными социальными общностями. Для этого могут применяться различные приемы и средства, в частности формирование положительного морально-психологического климата в студенческих коллективах, актуализация чувства принадлежности студентов к будущей интеллектуальной элите общества, от которой зависит вектор развития всего государства.

5. Воспитание индивидуальной способности студентов к информационно-психологическому сопротивлению. Данная группа мероприятий направлена на приобретение студентами практического опыта безопасного информационно-коммуникационного взаимодействия (например, обучение с использованием специализированных форм психологической подготовки) для формирования индивидуального психологического механизма самозащиты. Вместе с тем, одним из путей обеспечения информационно-психологической безопасности студентов выступает организация безопасного личностного информационного пространства как в университете, так и в семье. Организовать безопасное информационное пространство возможно путем реализации средств и мероприятий по информационной безопасности, среди которых: правовые, технические и программные, воспитательные и организационные, моральные и этические.

А) Правовые средства – это специальные законы и другие нормативные акты, правила, процедуры и мероприятия, направленные на обеспечение безопасности личностной информационной среды на законодательной и правовой основе, для реализации единой государственной политики в сфере защиты от информационных материалов, наносящих вред здоровью и психике.

Б) Технические и программные мероприятия предусматривают использование различного рода аппаратного и программного обеспечения для предотвращения нанесения материального и морального вреда студенту (программы Родительского контроля, сетевых средств защиты данных).

В) Воспитательные мероприятия – формирование у подрастающего поколения культуры психологической безопасности, ответственности за совершенные действия в информационном пространстве, воспитание и укрепление духовно-нравственных ценностей, патриотизма, готовности родителей и педагогов к принятию личностной позиции и уважения к его самостоятельности.

Г) Организационные меры – это регламентация информационной деятельности студентов, контроль за использованием сетевых сервисов и сообществ, что исключает или ослабляет нанесение вреда личной информационной среде молодого гражданина страны.

Д) Моральные и этические меры включают в себя соблюдение студентами при осуществлении информационной деятельности норм и правил поведения в обществе, а также сетевой культуры и этики, формирующейся с распро-

странением информационных технологий в современном обществе.

6. Рекомендуем ввести обязательную комплексную дисциплину, лежащую на стыке педагогики, психологии и социологии, которая будет составлена с учётом необходимости формирования комплекса умений и навыков студентов, способствующих успешному противостоянию манипуляциям: критическое мышление (способность выстроить барьер критичности), умение избегать и игнорировать источники манипуляции, медитативные техники ауторелаксации, которые помогут избежать перенапряжения (именно при повышенной утомляемости манипуляции легко осуществимы), а также целостное укрепление «цензуры» психики и развитие здорового чувства юмора.

Важно доводить до сознания студентов то, что:

- информационный ресурс стал основным средством психологического влияния;
- происходит рост количества каналов влияния и усложняются возможности их перекрытия или блокирования;
- почти отсутствуют политические и географические ограничения в распространении информации, что влечет невозможность централизованного контроля;
- социальные сети, которые активно расширяются, становятся каналом для предоставления искаженной или угрожающей информации;
- происходит уменьшение способности пользователей абстрагироваться от ненужной информации, поскольку она проникает сквозь эмоциональное восприятие и влияет на бессознательное мышление;
- формируется зависимость пользователей информационного пространства от получения необходимой информации и стираются границы между реальными событиями и фактами и виртуальной реальностью и системой образов;
- разработаны специальные эффективные методики осуществления информационно-психологического воздействия для направления мнения молодежи в выгодном для акторов медиасреды, зачастую деструктивном, направлении.

Вторая группа методологических основ противодействия информационным стрессам: работа с психологическими структурами студентов, которые делают их уязвимой категорией для манипуляций и деформации сознания. В таблице 1 продемонстрировано соотношение внешних источников информационной среды, которые могут стать факторами опасности, с индивидуальными факторами информационно-психологического риска.

Таблица 1.

Соотношение внешних источников информационной среды, которые могут стать факторами опасности с факторами информационно-психологического риска

Внешние источники информационной среды, которые могут стать факторами опасности	Факторы информационно-психологического риска
Психологические установки общества (соответствие кодов сообщений паттернам восприятия, наличие или отсутствие дефицита времени и перегрузки оперативной памяти человека, организация информационных потоков в соответствии с алгоритмами деятельности и т.д.)	Незрелость личности, выражающаяся в неспособности к самостоятельному осознанному выбору информации, релевантной своим убеждениям, принципам, потребностям и планам. Сюда же относится отсутствие целей при поиске информации (несформулированный поисковый запрос), что способствует «поглощению» первого же попадающегося контента.
Наличие в информационных потоках специфических элементов, целенаправленно изменяющих психофизиологическое состояние больших масс людей или лиц, принимающих важные для социума решения	Установки личности на конформизм, подражательство, на готовность к восприятию манипулятивных информационных воздействий
Наличие в информационной среде (или «примешивание» к информационным потокам) модифицированных физических носителей информации, воздействующих непосредственно на физиологические носители (световые, звуковые, электромагнитные воздействия)	Измененное в негативную сторону функциональное состояние головного мозга и психики
Блокирование на неосознаваемом уровне свободы волеизъявления человека, искусственное привитие ему синдрома зависимости; утрата способности к политической, культурной, нравственной самоидентификации человека	Состояние социума, способствующее повышенной внушаемости, массовому «заражению» идеями, призывами, исходящими от харизматической личности, и вызываемое психоэмоциональным стрессом, фрустрацией, тревогой
Наполнение сознания человека определёнными стереотипами, ограничивающими суждения установками, искажению образа мира, ценностных ориентаций личности и невозможностью личностного осмысления поступающей информации,	Поверхностное мышление вследствие недостаточной начитанности

В данном аспекте можно детализировать ряд основных моментов.

1. Среди студентов ВУЗов РФ есть множество легко управляемых индивидов, которые склонны легко воспринимать манипуляторные воздействия информационного пространства, что актуализирует проблему изучения психологических основ такой уязвимости, а также эффективных психологических стратегий противодействия данным видам воздействий.
2. Студенты зачастую проявляют проекцию как механизм психологической защиты, что свидетельствует о наличии тенденции к приписыванию другим определенных чувств, желаний. Преобладание таких механизмов психологического противостояния информационным стрессам как отрицание, вытеснение, реактивное образование - позволяет с помощью соответствующих технологий информационно-психологического воздействия подсознательно направлять людей к «необходимым» мыслям, настроениям, которые в дальнейшем укрепляются в обществе и приводят к определённым действиям.
3. Педагогам важно уметь выделять такие психические качества студентов, которые важны для исследования повышенной подверженности информационным угрозам. Это качества как интел-

лектуальные, так и личностные, а именно: ригидность мышления, экстернальный локус контроля, низкие показатели самооценки и несовершенные механизмы психологической защиты.

Поскольку людям с ригидным типом мышления легче внушить те или иные социальные стереотипы, то именно это определенным образом облегчает работу масс-медиа для культивирования среди них «соответствующих» установок, ценностей, стереотипов. В силу собственной инертности, такие личности часто поддаются влиянию окружения, господствующие мысли других им кажутся своими собственными, и как следствие - они становятся главными объектами манипуляторного воздействия.

4. По нашему мнению, при совокупности таких качеств, как низкая самоуверенность, самосознание и самоответственность, а также высокой склонности к самообвинениям, - личность не имеет четко сформированной собственной позиции, она нерешительна, склонна поддаваться негативным влияниям извне. Прежде всего такие характеристики указывают на тот факт, что определенная категория студенчества не проявляет «близости к себе», им не свойственна личностная твёрдая позиция, для них характерно отсутствие стремления управлять собственной жизнью, вследствие чего

они становятся своеобразным «пластилином», который принимает формы более организованных окружающих структур.

Проведенное эмпирическое исследование Е.Ю. Кольчик, направленное на «выявление особенностей социально-психологической безопасности студентов с различной степенью выраженности параноидальных черт» [3], дало возможность говорить о том, что для реализации угроз всегда должны быть предпосылки в виде патологических акцентуаций, черт, девиаций.

5. Значительное доминирование экстернального локуса контроля указывает на склонность студентов к приписыванию ответственности за свою жизнь внешнему окружению, что проявляется в таких чертах как неуверенность в своих возможностях, тревожность, подозрительность, конформность. Чем выше уровень ригидности мышления, тем ниже уровень интернальности, поэтому студенты с такими характеристиками ищут авторитарное влияние, что в целом неплохо, при обретении разумного руководства (например, со стороны субъектов образовательной среды) и приобретает резко негативный контекст при попадании под влияние деструктивной личности.
6. В исследовании авторов Самойлова В.В. и др. приводится следующий психологический портрет интернет-зависимых студентов: «характеризуются такими показателями эмоционально-волевой сферы их личности, как высокие уровни личностной тревожности, агрессивности и враждебности. При повышении уровня интернет-зависимости отмечается последующее увеличение данных характеристик. Кроме того, для интернет-зависимых студентов свойственны низкие показатели стрессоустойчивости, самооценки и уверенности в себе» [4].

Перспективы дальнейших исследований. По-нашему мнению, дальнейших разработок требует установление причинно-следственных связей в контексте предствования патологических черт характера, формирующихся при длительно протекающей интернет-зависимости). Также важно провести исследование на большой выборке студентов с целью установления параметров интернет-зависимости и специфических черт её отличия от загруженности работой за компьютером.

Несмотря на вышесказанное, бесспорно, что информация является основным стратегическим ресурсом нового информационного общества, однако, наряду с очевидными преимуществами, это, в первую очередь, актуализирует вопросы социального и психологического комфорта личности в информационно-образовательной среде студентов и предопределяет важность изучения понятия информационная безопасность именно в

контексте влияния на сознание потребителей информации.

На сегодня информация не является абстрактным понятием, так как представляет ценность на уровне политическом, экономическом, репутационном, личностном. Кроме того, обновляются формы и процессы ее производства, хранения, повышаются риски потери, недобросовестного приобретения, владения, использования с недобрыми намерениями и тому подобное. Всё это приводит к новым стрессовым факторам, которым подвержены студенты ежедневно.

Целесообразность совершенствования понятийно-категориального аппарата в аспекте исследуемой темы. Как верно отмечено в статье С.М. Герцен, «выражения «неправильное использование Интернета» или «гигиена Интернета» пока не имеют общепринятого определения, хотя в отечественной литературе широко распространен термин интернет-зависимость» [1]. По-нашему мнению, формирование соответственного понятийного аппарата в данной сфере должно лечь в основу внедрения нового предмета в ВУЗах - медиапсихологии.

Всё вышесказанное обуславливает необходимость исследования студентами с помощью педагогов высших школ, понятия информационной безопасности как соизмеримой и прогрессивной отрасли коммуникационных технологий и социальных коммуникаций в целом, который нуждается в новом осмыслении их понятийного аппарата. Мы предлагаем рассматривать понятие «информационной безопасности» не только в смысле защищенности информации и информационной инфраструктуры от случайных и преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, которые наносят существенный вред субъектам информационных отношений, то есть пользователям и владельцам информации. Изучение понятия следует начать на глобальном уровне с кардинально иного ракурса, в частности, в контексте медиапсихологической безопасности, поскольку мы осознаем, что объектами такого нежелательного информационного воздействия могут быть как информационно-технические системы, так и массовое или индивидуальное сознание, психика человека.

Информационную безопасность следует исследовать в контексте достижений таких отраслей научных знаний, как медиапсихология и теория массовых коммуникаций, так как современное информационное пространство вышло далеко за границы средств массовой информации, охватив всю сферу межличностного общения, образования, производства.

Выводы

1. Сегодня, осознавая всю проблемность вопросов повышения качества осознанности студентов в

информационном пространстве, университеты должны сконцентрировать силы и возможности гуманитарных наук, чтобы пойти на эксперимент по созданию кафедр медиапсихологии, подчиненных идеям развития у студентов, прежде всего, защитных механизмов противодействия информационным угрозам, влекущим риски деформации психики.

2. Главные негативные тенденции в исследуемой сфере: информационный ресурс стал основным средством психологического влияния; происходит рост количества каналов влияния и усложняются возможности их перекрытия или блокирования; почти отсутствуют политические и географические ограничения в распространении информации, что влечет невозможность централизованного контроля; социальные сети, которые активно расширяются, становятся каналом для предоставления искаженной или угрожающей информации; происходит уменьшение способности пользователей абстрагироваться от ненужной информации, поскольку она проникает сквозь

эмоциональное восприятие и влияет на бессознательное мышление; формируется зависимость пользователей информационного пространства от получения необходимой информации и стираются границы между реальными событиями и фактами и виртуальной реальностью и системой образов.

3. В современных условиях информационные угрозы превращаются в психологические риски только на соответствующем фундаменте - когда имеет место снижение уровня осознанности, происходящего путем активизации чувственно-эмоциональных реакций человека во вред рационально-осознанным.
4. Если психический мир находится на стадии становления, что свойственно именно студенческому возрасту, то информационные угрозы перерастают в формирование соответствующих аттитюдов, антиценностей, деструктивных стратегий поведения, которые в дальнейшем эволюционируют и приводят к девиантному поведению и формированию психических расстройств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен С.М. Влияние социальных сетей на студентов ВУЗов // Высшее образование сегодня. 2018. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-studentov-vuzov> (дата обращения: 12.07.2020).
2. Дмитриева Л.Г., Хамзина Д.В. Особенности проявления эмпатии у студентов - пользователей социальных сетей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. №1 (834). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-empatii-u-studentov-polzovateley-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 12.07.2020).
3. Кольчик Е.Ю. Социально-психологическая безопасность у лиц с параноидальными чертами // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-bezopasnost-u-lits-s-paranoidalnymi-chertami> (дата обращения: 12.07.2020).
4. Самойлова В.В. Психологический портрет интернет-зависимого студента // Теоретическая и практическая психология в современных условиях. - 2019. - С. 138-143.

© Евсюк Александр Владимирович (avev2020@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ САМООЦЕНКИ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ И ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ В ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Жученко Ольга Александровна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Ижевск
adlog@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF SELF-ASSESSMENT OF ACADEMIC ACHIEVEMENTS AND PREDICTIVE COMPETENCE OF FUTURE PROFESSIONALS IN THE EXAM SITUATION

O. Zhuchenko

Summary: Adequate self-assessment of academic achievement is one of the resources of stress resistance. The level of mental tension, prognostic competence differs depending on the self-assessment of academic achievements. An inverse correlation of the level of stress with the level of personality-situational prognostic competence in groups of students with inadequate self-assessment of academic achievements was revealed. The results contribute to the development of a program for the development of an adequate self-assessment of academic achievements of students.

Keywords: self-assessment of academic achievement, predictive competence, anticipatory solvency, exam, stress resistance, future professional.

Аннотация: Адекватная самооценка академических достижений является одним из ресурсов стрессоустойчивости. Уровень психической напряженности, прогностической компетентности отличается в зависимости от самооценки академических достижений. Выявлена обратная корреляция уровня стресса с уровнем лично-ситуативной прогностической компетентности в группах студентов с неадекватной самооценкой академических достижений. Результаты способствуют разработке программы развития адекватной самооценки академических достижений студентов.

Ключевые слова: самооценка академических достижений, прогностическая компетентность, антиципационная состоятельность, экзамен, стрессоустойчивость, будущий профессионал.

Современный мир пронизан цифровой реальностью, что особенно ярко проявилось в условиях пандемии COVID-19: цифровые системы очень прочно вошли в нашу жизнь не только в сфере интимно-личностного общения, но и в профессиональной, и в образовательной среде, что порождает необходимость формирования и развития новых компетенций у будущих профессионалов. Согласимся с мнением профессора Т.В. Черниговской, утверждающей, что необходимо «сформировать способность жить в цифровом мире и не потерять человечность» [3]. В то же время она подчеркивает, что стрессоустойчивость является одним из важных качеств успешного человека в будущем.

В соответствии с новым ФГОС высшего образования будущий профессионал, в частности, должен уметь выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития в течение всей жизни [12]. Саморазвитие невозможно без цели, являющейся осознанным образом предвосхищаемого, желаемого результата, на достижение которого направлено действие человека [13]. Таким образом, в основе целеполагания лежит прогностическая компетентность.

Среди психологических процессов, направленных на предсказание будущего, можно выделить вероятностное прогнозирование, нацеленное на построение математической модели будущего, экспектацию (эмоционально окрашенное и мотивационно подкрепленное ожидание с привлечением характеристик желанное / нежеланное), антиципацию, включающую в себя также и деятельностный аспект [7].

При изучении свойства личности, её устойчивой характеристики, фиксирующей уровень развития антиципационных способностей и представляющей собой определённое состояние системы внутренних ресурсов личности, обеспечивающих успешность прогностической деятельности, часть учёных [11; 14; 15; 16], отождествляют дефиниции «антиципационная состоятельность» и «прогностическая компетентность». Под антиципационной состоятельностью (прогностической компетентностью) понимается способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением [9].

Е.В. Макарова [8] определила структуру прогностической компетентности в профессиональной сфере, выделив мотивационно-регулятивный (личностные особенности, регулирующие прогностическую деятельность и лежащие в основе профессиональных решений), операционально-когнитивный (профессиональные знания, отражающие существующие связи и тенденции развития объектов прогноза в рамках профессиональной деятельности) и операционально-поведенческий (поведенческая гибкость, широкий спектр поведенческих реакций) компоненты. Задачам настоящего исследования больше релевантна структура прогностической компетентности, выделенная В.Д. Менделевичем [9]:

- личностно-ситуативная компетентность — способность предвидеть поступки других людей, наступление и различные варианты развития событий,
- пространственная компетентность — моторная преднастройка, ориентация в пространстве,
- временная, или хроноритмологическая, компетентность — способность к распределению и адекватному планированию своего времени.

Работы Н.Н. Ничипоренко [10] показали, что сформированная общая прогностическая компетентность способствует стабильности, уверенности, позитивной жизненной позиции и успешности взаимодействия человека с социальным окружением. Будучи взаимосвязанной с механизмами психологической защиты и копинг — стратегиями, прогностическая компетентность сопряжена с эмоциональной стабильностью, низкой тревожностью, импульсивностью, являющимися признаками психического здоровья, обеспечивая тем самым социальную адаптацию [1; 10; 15]. Предотвращение, снижение частоты, неожиданности и остроты действия стрессогенных факторов позволяет рассматривать прогностическую компетентность как неспецифический копинг — ресурс личности [10].

Учеными проведено множество исследований, подтверждающих, что экзамен является стрессогенной ситуацией [17; 19; 20]. Перед ее началом, как и перед любой другой деятельностью, у студента есть мысленная модель (в форме представления) ожидаемых результатов [7]. В рамках нашего исследования мы систематизировали их в качестве компонентов самооценки академических достижений: желаемая оценка (та, которую студент хочет получить на экзамене), ожидаемая оценка (та, которую он ожидает получить на экзамене), оценка себе, исходя из своего уровня компетентности (перед экзаменом). Под самооценкой академических достижений мы понимаем оценку студентом своих возможностей достичь успеха в образовательном процессе, в частности, при промежуточной и итоговой аттестации. Адекватная самооценка академических достижений (САД), в основе которой лежит прогностическая компетентность, позволяет снизить неопределённость стрессогенной

ситуации, подготовиться к ней, что даёт возможность говорить о ней как об одном из ресурсов стрессоустойчивости [6]. Таким образом, развитие адекватности САД составляет актуальность исследования. Выявление связи прогностической компетентности и САД позволит точнее определить механизмы и компоненты развивающей программы, что составляет практическую значимость настоящей работы.

Цель работы: изучение влияния прогностической компетентности на адекватность самооценки академических достижений в экзаменационной ситуации.

Цель достигается через решение следующих задач:

1. анализ научной литературы, выявляющей особенности прогностической компетентности в стрессогенных ситуациях,
2. выявление различия уровня психической напряжённости и значений компонентов прогностической компетентности в зависимости от самооценки академических достижений,
3. изучение корреляции уровня психической напряжённости и компонентов прогностической компетентности в зависимости от адекватности самооценки академических достижений.

Гипотеза состоит из нескольких частей:

1. уровень психической напряжённости отличается в зависимости от самооценки академических достижений;
2. значения прогностической компетентности отличаются в группах испытуемых с разным уровнем самооценки академических достижений;
3. уровень психической напряжённости в экзаменационной ситуации влияет на прогностическую компетентность.

Предмет исследования — связь прогностической компетентности и самооценки академических достижений будущих профессионалов в стрессогенной ситуации (на примере экзамена в вузе).

Объект исследования — самооценка академических достижений студентов в экзаменационной ситуации.

Выборку составили 244 студента первых, вторых курсов ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия» агропромышленных направлений подготовки бакалавриата, ветеринарных и экономических специальностей.

Методы: модифицированная методика Дембо-Рубинштейн, определяющая самооценку академических достижений и уровень психической напряжённости в экзаменационной ситуации, тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) ТАС В.Д. Менделевича, беседа, описательная статистика,

G-критерий знаков, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Математическая обработка проводилась с помощью программы SPSS 17.0.

Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) В.Д. Менделевича проводился со студентами в обычный учебный день. Данный тест даёт возможность выявить количественные показатели антиципационных (прогностических) способностей по трем составляющим: личностно-ситуативной, пространственной и временной. Модифицированную методику Дембо-Рубинштейн студенты заполняли непосредственно перед началом экзамена, определяя желаемую, ожидаемую оценку, оценку себе, исходя из своего уровня знаний, уровень психической напряжённости в данный момент. Для каждого направления подготовки и специальности был выбран самый стрессогенный экзамен, исходя из беседы со студентами.

Нами выявлено, что адекватно прогнозируют свой результат на экзамене только 16,2% студентов. Это означает, что желаемая, ожидаемая и оценка себе, исходя из уровня знаний, студентов совпала с реальной оценкой, полученной на экзамене. В данном исследовании выделена группа испытуемых с завышенной желаемой оценкой и адекватными остальными компонентами самооценки академических достижений, так как их оказалось много: 22.1%. Все они хотели получить выше оценку по сравнению с итогом экзамена. Это может говорить об их высоком уровне притязаний и мотивации. Количество учащихся с неадекватной (завышенной и заниженной) самооценкой академических достижений, составившее больше половины выборки (36.8% и 16.7% соответственно), подчёркивает актуальность настоящего исследования.

Для определения направления сдвигов прогнозируемых оценок по сравнению с реальной оценкой, полученной на экзамене, был использован G-критерий знаков. Результаты отражены в таблице 1.

В группе испытуемых с завышенной САД отрицательные сдвиги между реальной и прогнозируемыми оценками являются типичными. G-критерий знаков показал, что сдвиг в типичную сторону достоверен ($p < 0.01$), что статистически свидетельствует о завышении компонентов самооценки академических достижений.

Занижение компонентов САД также подтверждается с помощью G-критерия знаков (таблица 1). Следует отметить, что в рамках данной выборки в этой группе наблюдается выше академическая успеваемость по сравнению с предыдущей группой и больше совпадений желаемой и реальной оценок. Это говорит о том, что для студентов, которые хорошо учатся, характерен высокий уровень притязаний, удовлетворенность собой, личностная

самооценка имеет тенденцию к завышению, отличается устойчивостью [5]. При этом уровень прогнозируемых оценок не влияет на уровень эмоционального напряжения, «проявляющегося в показателях тревожности, самочувствия, активности, настроения» [18, с. 159]. Но в то же время наименьший прирост показателя ситуационной тревожности отмечается у студентов, получивших «неудовлетворительно» на экзамене, а наибольший — у студентов, получивших «отлично» [18]. Занижение прогнозируемых оценок в данной группе, возможно, объясняется влиянием повышенного уровня психической напряженности, что статистически нашло подтверждение в данной работе.

Так же G-критерий знаков показал достоверность сдвига в типичную (отрицательную) сторону между желаемой и реальной оценкой в группе исследуемых с одноимённым названием. Ожидаемая и оценка себе при этом адекватны.

В таблице 2 представлены средние значения шкал в зависимости от адекватности САД.

В таблице 2 видно, что уровень психической напряженности перед экзаменом, личностно-ситуативная, пространственная, временная, общая прогностическая компетентность (ПК) отличаются в зависимости от адекватности САД. Для математического подтверждения гипотезы нами применен критерий Манна-Уитни (таблица 3).

Как показывает критерий Манна-Уитни и описательная статистика (таблицы 2 - 3), уровень психической напряженности в группе с завышенной желаемой оценкой (остальные прогнозируемые оценки адекватны) выше, чем в группе с адекватной самооценкой академических достижений на уровне значимых отличий ($p < 0.05$). Это объясняется высоким уровнем притязаний испытуемых и соответствующим повышением тревоги.

Личностно-ситуативная составляющая прогностической компетентности отражает коммуникативный уровень антиципации, то есть способность прогнозировать жизненные события и ситуации [9]. В настоящем исследовании не достигает статистически достоверных значений различия в уровне развития личностно-ситуативной прогностической компетентности в зависимости от САД.

«Пространственная составляющая прогностической компетентности демонстрирует способность предвосхищать перемещение предметов в пространстве, упреждать его, координировать собственные движения, проявляя моторную ловкость. Двигательная ловкость — это своего рода двигательная находчивость, но достаточно часто эта простейшая форма находчивости постепенно перерастает в умственную находчивость и изобре-

Таблица 1.

Значения G-критерия знаков для групп с неадекватной самооценкой академических достижений

Показатели	Завышенная САД	Заниженная САД	Желаемая оценка завышена, остальные адекватны
Оценка желаемая — оценка реальная	Z=0 (p<0.01)	-	Z=0 (p<0.01)
Оценка ожидаемая — оценка реальная	Z=0 (p<0.01)	Z=0 (p<0.01)	-
Оценка себе — оценка реальная	Z=0 (p<0.01)	Z=0 (p<0.01)	-

Таблица 2.

Средние значения шкал в зависимости от адекватности самооценки академических достижений

Адекватность САД	Уровень психической напряженности	Личностно-ситуативная ПК	Пространственная ПК	Временная ПК	Общая ПК
Адекватная САД	6,70	170,21	47,82	42,09	260,12
Оценка желаемая завышена, остальные адекватны	8,30	167,59	44,67	36,70	248,96
Завышенная САД	6,47	167,65	46,62	36,65	250,91
Заниженная САД	7,11	166,67	43,03	38,63	248,32

Таблица 3.

Разница значений шкал по критерию Манна-Уитни в группах в зависимости от САД

Шкалы	Адекватная САД — оценка желаемая завышена	Адекватная САД — завышенная САД	Адекватная САД — заниженная САД	Завышенная САД — заниженная САД
Уровень психической напряженности	Uэмп=541,5 (p<0,05)	-	-	-
Пространственная ПК	-	-	Uэмп=966,5 (p<0,05)	Uэмп=921 (p<0,05)
Временная ПК	Uэмп=492,5 (p<0,01)	Uэмп=333 (p<0,01)	-	-
Общая ПК	Uэмп=532,5 (p<0,05)	Uэмп=421 (p<0,05)	Uэмп=916,5 (p<0,05)	-

тательность» [9, с. 92 - 93]. Нами выявлены различия в уровне данного параметра между группами с разной САД. Причем выше всех пространственная прогностическая компетентность у студентов с адекватной САД, а ниже всех — у субъектов, занижающих прогнозируемые оценки (таблицы 1 — 2).

Временной аспект презентует хроноритмологические особенности личности: способность прогнозировать течение и точно распределять время, - что оказывает непосредственное влияние на осознание будущего, выработку плана дальнейших действий и умение принимать решения [9]. «Установки человека в отношении своего жизненного времени оказывают воздействие на его мотивационную сферу и регулируют поведение, хотя человек практически не осознает это влияние» [4, с. 82]. Значение временной прогностической компетентности выше у студентов с адекватной САД и ниже — с завышенной САД (уровень значимости 0.05). Другими словами, пунктуальные люди, умеющие распределять своё время, точнее прогнозируют свои возможности в экзаменационной ситуации.

Уровень общей прогностической компетентности

значимо отличается в группах в зависимости от адекватности компонентов САД, что подтверждает одну из частей нашей гипотезы.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена помог определить обратную корреляцию на статистически значимом уровне между показателями психической напряженности в экзаменационной ситуации и личностно-ситуативной прогностической компетентностью в группах с завышенной и заниженной САД ($r_s = -0.371$ (p<0.01) и $r_s = -0.242$ (p<0.01) соответственно). Иначе говоря, чем выше уровень стресса, тем хуже субъект антиципирует значимые события и ситуации, включая уровень академических достижений, так как в состоянии повышенной психической напряженности поведение в значительной мере характеризуется преобладанием стереотипных ответов, неадекватных реакций [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что наша гипотеза частично подтвердилась. Выявлены отличия степени психической напряженности, общего уровня прогностической компетентности студентов в зависимости от адекватности самооценки академических достижений. Субъектам, адекватно прогнозирующим свои академи-

ческие достижения, свойственны моторная ловкость и умение точно распределять время. Настоящая работа, являясь пилотажным исследованием, определила обратную корреляцию уровня психической напряженности и личностно-ситуативной прогностической компетентности в группах студентов с неадекватной самооценкой академических достижений.

Выявленные закономерности могут быть применены для разработки развития программы адекватности самооценки академических достижений, позволяющей снизить уровень стресса будущих профессионалов и повысить их возможности презентации своих компетенций в экзаменационной ситуации, что составляет перспективу исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абитов И.Р., Менделевич В.Д. Особенности совладающего поведения при психосоматических и невротических расстройствах // Вестник психиатрии и психологии Чувашии, 2008. - № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladayuschego-povedeniya-pri-psihosomaticheskikh-i-nevroticheskikh-rasstroystvah> (дата обращения: 30.04.2020).
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. - М.: Когито-Центр, 2015. - 562 с.
3. В мире рухнуло сразу все. Татьяна Черниговская о недоверии к информации и растерянном человеке. - URL: <http://izbrannoe.com/news/mysli/v-mire-rukhnuo-srazu-vsyu-tatyana-chernigovskaya-o-nedoverii-k-informatsii-i-rasteryannom-cheloveke/> (дата обращения: 07.01.2020).
4. Волоткевич О.В. Время как артефакт антиципации. // Новая наука и формирование культуры знаний современного человека. Сборник научных трудов / под ред. С.В. Кузьмина. - Казань: Издательство: Индивидуальный предприниматель Кузьмин Сергей Владимирович, 2018. - С. 79 — 83.
5. Дроздова Н.В. Особенности самооценки студентов с разной академической успеваемостью // Наука и современность, 2016. - № 46. - С. 54 — 59.
6. Жученко О.А. Адекватность прогноза исхода экзаменационной ситуации как ресурс стрессоустойчивости личности: теоретический аспект. // Alma mater. Вестник высшей школы, 2013. - № 7. - С. 117 — 119.
7. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. - М.: Наука, 1980. - 280 с.
8. Макарова Е.В. Модель формирования прогностической компетенции студентов аграрных вузов. // Казанский педагогический журнал, 2012. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-prognosticheskoy-kompetentsii-studentov-agrarnyh-vuzov> (дата обращения: 28.04.2020).
9. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. - М.: Издательский дом «Городец», 2018. - 448 с.
10. Ничипоренко Н.П. Прогностическая компетентность в системе личностных свойств. // Вопросы психологии, 2007. - № 2. - С. 123 - 130.
11. Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования // Социальная и клиническая психиатрия, 1997. - № 2. - С. 31 — 36.
12. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. - URL <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/85> (дата обращения: 07.01.2020).
13. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. - Мн.: Харвест, 1998. - 800 с.
14. Солобутина М.М. Антиципационная состоятельность в структуре профессиональной компетентности // Вестник ТГГУ, 2009. - №2 - 3 (17 - 18). - С. 133-137.
15. Сумина Н.Е., Ничипоренко Н.П. Взаимосвязь антиципационной состоятельности с личностными свойствами // Российский психологический журнал, 2007. - № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-antitsipatsionnoy-sostoyatelnosti-s-lichnostnymi-svoystvami> (дата обращения: 27.04.2020).
16. Фейгенберг И.М. Видеть — предвидеть — действовать. - М.: Знание, 1986. - 160 с.
17. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. - СПб.: Питер, 2012. - 256 с.
18. Юматов Е.А. и др. Психофизиология эмоций и эмоционального напряжения студентов. - М.: Издательство ИТРК, 2017. - 200 с.
19. Jun S., Choi E. Academic stress and Internet addiction from general strain theory framework // Computers in Human Behavior. Vol. 49. August 2015. - P. 282-287. - URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1016/j.chb.2015.03.001> (дата обращения 01.05.2020).
20. Rajoo K.S., Karam D.S., Aziz N.A.A. Developing an effective forest therapy program to manage academic stress in conservative societies: A multi-disciplinary approach // Urban Forestry & Urban Greening. Vol. 4., July 2019. - URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1618866719300123>.

© Жученко Ольга Александровна (adlog@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ ПОДРОСТКОВ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ С АКЦЕНТУАЦИЕЙ ХАРАКТЕРА

CONNECTION BETWEEN A TENDENCY TO DEVIANT BEHAVIOUR OF TEENAGERS AND ACCENTUATIONS OF CHARACTER

*D. Ivanov
T. Simonova*

Summary: The article presents the analyses of Russian and foreign literature, summarizes scientific concepts of the content of deviant behavior of teenagers, uncovers the reasons for occurring of deviant behavior. The features of aggressive, suicidal, delinquent and dependent behavior are considered. Particular attention was paid to the analysis of traits of character, namely accentuations of character as one of the most important reasons for occurring of deviant behavior during adolescence. The authors show the progress of experimental work on the study of connections between a tendency to deviant behavior of teenagers and accentuations of their characters. The results of the correlation analysis are presented. Connections between a tendency of teenagers to aggressive, dependent, suicidal, deviant behavior and accentuations of their characters are considered. Characterization of the conduct of teenagers with different accentuations of their characters is presented.

Keywords: adolescence, teenager, deviant behavior, aggressive behavior, addictive behavior, accentuation of character.

Иванов Дмитрий Викторович

*К.псх.н., доцент, Самарский государственный
социально-педагогический университет
avatory@yandex.ru*

Симонова Татьяна Сергеевна

*Самарский государственный социально-педагогический
университет
crownking.tatyana@yandex.ru*

Аннотация: В статье дан анализ отечественной и зарубежной литературы, обобщены научные представления о содержании понятия «девиантное поведение подростков», выделены причины возникновения девиантного поведения. Рассмотрены особенности агрессивного, суицидального, делинквентного и зависимого поведения. Особое внимание уделено анализу характерологических особенностей, а именно, акцентуаций характера, как из важнейших причин возникновения девиантного поведения в подростковом возрасте. Авторы излагают ход экспериментальной работы по исследованию взаимосвязей между склонностью подростков к девиантному поведению и видов акцентуаций характера. Представлены результаты корреляционного анализа. Выявлены взаимосвязи между склонностью подростков к агрессивному, зависимому, суицидальному, девиантному поведению и акцентуациями характера. Представлена характеристика поведения подростков с различными акцентуациями характера.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, девиантное поведение, агрессивное поведение, аддиктивное поведение, акцентуация характера.

В XXI веке, веке информационного прогресса, политической нестабильности, растет число подростков, склонных к девиантному поведению. Проблема отклоняющегося поведения вызывает интерес исследователей – представителей различных областей научного знания. Так Ч. Ломброзо, У. Шелдон связывают девиантное поведение человека с особенностями строения его тела. Используя антропометрический метод, Ломброзо выделял основные физиологические характеристики, присущие людям с отклоняющимся поведением. О. Конт, Г. де Тард, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Г. Сайк, Д. Матза, Дж. Мид и ряд других исследователей видели причину отклоняющегося поведения в несоответствии социальных норм и ожиданий общества. Девиации рассматривались как следствие нормативно-ценностной дезинтеграции общества. З. Фрейд, К. Лоренс, Д. Доллард говорили об агрессии, как о некоей энергии, которая накапливаясь в нервной системе внутренним напряжением, может явиться причиной девиантного поведения личности.

Среди отечественных психологов проблему девиантного поведения изучали Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.В.

Петровский, В.С. Мухина и другие. Как и зарубежные исследователи, они находили причину девиантного поведения в социальной среде индивида, а также выделяли роль семьи в формировании девиаций.

Немецкий психиатр К. Леонгард считал, что отклонение в поведение, суицидальные наклонности, вандализм и другие виды девиантного поведения могут быть следствием аномалий характера, то есть они обусловлены акцентуациями и психопатиями. Позже, опираясь на труды П.Б. Ганнушкина и К. Леонгарда, эти идеи нашли развитие в трудах А.Е. Личко, который составил собственную типологию акцентуаций характера.

Несмотря на накопленный в XX веке эмпирический материал, до сих пор не изучена до конца взаимосвязь акцентуаций характера подростков и девиантного поведения. Это связано с тем, что в современном мире достаточно разнообразны причины и факторы формирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Потому часто бывает сложно определить истинную причину совершаемого подростком того или иного поступка. Также стоит отметить, что спектр проявлений

девиантного поведения очень широк, и на сегодняшний день этот перечень вариантов девиаций продолжает расширяться.

Различные формы отклоняющегося поведения имеют общие свойства. Одним из таких существенных признаков считается деструктивность – разрушительность. Девиантное поведение приводит к разрушению чего-либо – здоровья, отношений, личности, общественного порядка и даже к прерыванию самой жизни [1, с. 82]. Деструктивность, в свою очередь, тесно связана с такой базовой человеческой характеристикой, как агрессия [2, с. 44].

Агрессивное поведение является одним из видов отклоняющегося поведения. Взаимосвязь агрессии и агрессивного поведения очевидна, однако вместе с этим сложно определить, направляется ли поведение человека его внутренней агрессией или же агрессивное поведение является результатом взаимодействия различных факторов. Мы не можем однозначно определить наличие и степень выраженности внутренней агрессии конкретной личности, но мы можем оценить степень и характер ее внешних проявлений [1, с. 85].

Одним из таких видов агрессивного поведения является насилие. Любое насилие – это акт агрессии, по отношению к другому человеку. Наиболее распространенной формой проявления насилия в образовательных учреждениях на сегодняшний день является школьный буллинг.

Рассмотрим другие виды девиантного поведения. Нельзя не отметить такую форму отклоняющегося поведения, как суицидальное поведение. На сегодняшний день нет единой классификации суицидального поведения. Так, по мнению А.Г. Амбрумовой, следует выделять: самоубийства – истинные суициды; попытки самоубийства – незавершенные суициды. По мнению А.Е. Личко, суицидальное поведение у подростков бывает: демонстративным, истинным и аффективным [2, с. 85].

К форме отклоняющегося поведения относится и делинквентное поведение подростков. Преступная карьера, как правило, начинается с плохой учебы и отчуждения от школы. Затем происходит отчуждение от семьи на фоне семейных проблем и «непедагогических» методов воспитания. Следующим шагом становится вхождение в преступную группировку и совершение преступления [1, с. 105].

Одним из проявлений делинквентного поведения могут быть побеги из дома и бродяжничество. Данное поведение характерно для подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Такие подростки проводят свою жизнь на улице, для них характерны употребление психоактивных

веществ, сексуальная свобода, поиски пищи и места для ночлега, стычки с полицией. Такой образ жизни они находят интересным и увлекательным [3, с. 56]. Он может выступать, как форма выражения протеста, как демонстрация самостоятельности, мнимой зрелости, обиды, гнева и мести, или же наоборот выступать, как способ избегания родительского наказания.

Еще одна распространенная форма девиантного поведения – зависимое поведение. Выделяют следующие аддикции, которые наиболее часто встречаются в подростковой среде: химическая зависимость, нарушения пищевого поведения, гемблинг и сексуальные аддикции.

Определим основные причины, приводящие к появлению девиаций у подростков. Первая причина, которая может влиять на появление того или иного отклоняющегося поведения – это индивидуально-психологические особенности. Вторая причина – особенности протекания кризиса подросткового возраста. Третьей причиной девиаций является негативное влияние референтной группы. Еще одной из важнейших причин возникновения девиантного поведения является наличие психологических особенностей, а именно, акцентуаций характера, определяющих дисгармонию личности. Многие подростки, обладающие выраженными акцентуированными чертами характера, склонны к девиантному поведению.

Наличие у подростка акцентуации говорит, прежде всего, о том, что у данного подростка на границе с нормой доминирует определенная черта характера. Как отмечают П.Б. Ганнушкин, К. Леонгард, А.Е. Личко, акцентуации характера необязательно связаны с девиантным поведением, но такие подростки обладают меньшей устойчивостью к пагубному воздействию окружающей социальной среды. Подростковый возраст с его бурными нейроэндокринными сдвигами считается фактором, способствующим возникновению девиаций. К ведущим новообразованиям подросткового периода относят притязания на взрослость, рефлексивные процессы, специфические особенности когнитивной, эмоционально-волевой и поведенческой сфер личности, взаимосвязи между нарушениями поведения и особенностями самосознания, проблемы в общении с взрослыми и сверстниками, проблемы подростков в отношениях с родителями [4, с. 67].

В подростковом возрасте на первый план выходит процесс социализации, что приводит к тому, что у подростка возникают трудности, связанные с психологическими особенностями. Причина заключается в акцентуациях характера, которые наиболее часто манифестируют себя именно в пубертатном периоде. Каждому типу акцентуаций характера, согласно исследованиям А.Е. Личко, присуща та или иная форма девиантного

поведения [5].

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о том, что на сегодняшний день растет тенденция к увеличению разнообразных форм девиантного поведения среди подростков. При этом бывает сложно определить истинную причину той или иной девиации у несовершеннолетних. Сегодня до сих пор недостаточно исследованы взаимосвязи акцентуаций характера подростков и девиантного поведения. На выявление таких взаимосвязей и было направлено наше исследование.

Экспериментальное исследование было направлено на проверку предположения о наличии взаимосвязи между склонностью подростков к агрессивному, зависимому, суицидальному, делинквентному поведению и акцентуациями характера. Респондентами выступали учащиеся одной из школ Самарской области, возраст которых составлял 14-15 лет. Всего в исследовании приняли участие 30 подростков, среди которых 18 девочек и 12 мальчиков. Эксперимент был согласован с руководством и педагогом-психологом образовательного учреждения. Подростки, вошедшие в экспериментальную группу, составляют так называемую «группу риска» и находятся под наблюдением педагога-психолога образовательного учреждения. Это такие подростки, которые были замечены в употреблении психоактивных веществ, либо входящие в так называемые «группы смерти» в социальных сетях, часто участвующие в драках, либо состоящие на учете в районном ПДН ОВД.

Аналитическое исследование было проведено поэтапно, оно включало в себя 4 этапа. На первом этапе была проведена диагностика склонности подростков к различным формам девиантного поведения с помощью методики СДП (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев) [6, с. 268-278]. Результаты позволили нам сделать вывод о наличии склонности к девиантному поведению у исследуемых подростков, а также выявить наиболее распространенные среди них формы девиантного поведения. На втором этапе была проведена диагностика выраженности агрессивных и враждебных реакций у подростков с помощью опросника агрессивности А. Басса и А. Дарки [7, с. 273-276]. Анализ результатов позволил нам выявить общий индекс агрессивности данных подростков. На следующем этапе нами проводилось выявление акцентуаций характера у подростков с помощью методики «Чертова дюжина» (А.С. Прутченков и А.А. Сиялов) [8, с. 5]. Последний этап заключался в проведении корреляционного анализа на основе полученных результатов (использовался коэффициент корреляции Пирсона, компьютерная программа SPSS Statistics 23).

В результате применения методики СДП было обнаружено, что сформированную модель социально-обусловленного поведения имеют 23% учащихся, что свиде-

тельствует об их высокой адаптированности к обществу. Ориентацию на социально обусловленное поведение имеют 77% учащихся, что говорит о наличии потребности у данных подростков в принадлежности к группе.

Сформированную модель делинквентного поведения имеют 33% подростков. Они могут совершать административные правонарушения, пренебрегать дисциплинарными правилами. Эти подростки чаще всего замечены в вандализме, в кражах, в причинение вреда здоровью окружающих. Ориентация на делинквентное поведение обнаружена у 50% учащихся, что говорит о склонности данных подростков к различным административным правонарушениям. И у 17% учащихся данная ориентация на делинквентное поведение не была обнаружена.

У 23% подростков обнаружена сформированная модель зависимого поведения. Они систематически употребляют психоактивные вещества. Ориентация на зависимое поведение обнаружена у 70% учащихся, что говорит о склонности подростков к употреблению. И у 7% учащихся отсутствует ориентация на зависимое поведение.

Сформированная модель агрессивного поведения выявлена у 20% подростков. Им свойственна физическая и вербальная агрессия, которая может быть направлена как на близких, так и на не знакомых людей, также этим подросткам свойственен негативизм. У 73% подростков обнаружена ориентация на агрессивное поведение, что говорит о склонности данных подростков к вербальной или физической агрессии. У 7% подростков данная ориентация отсутствует.

Ориентация на самоповреждающее поведение обнаружена у 50% подростков, что говорит о склонности к причинению вреда себе. Это может выражаться в навязчивых действиях, в целенаправленном нарушении пищевого поведения, в преднамеренном повреждении собственного тела. Сформированная модель аутоагрессивного поведения обнаружена у 10% учащихся, что говорит о стремлении данных учащихся причинить себе боль или физических вред. И у 40% учащихся данная ориентация не обнаружена.

Таким образом, в результате анализа данных методики СДП, обнаружены устойчивая ориентация учащихся на делинквентное – 33%, зависимое – 23%, агрессивное – 20% и самоповреждающее поведение – 10%. Это показывает нам, что у 86% подростков исследуемой выборки сформирована ориентация на ту или иную форму девиантного поведения.

Далее была проведена диагностика выраженности агрессивных и враждебных реакций у подростков ис-

следуемой выборки с помощью опросника агрессивности А. Басса и А. Дарки. Сильная выраженность физической агрессии наблюдается у 27% учащихся, что говорит о готовности данных подростков использовать физическую силу. У 60% учащихся данная агрессия выражена умеренно, у 13% учащихся выражена слабо. Вербальная агрессия сильно выражена у 23% учащихся. Это говорит о том, что данные подростки выражают негативные чувства через ненормативную лексику, склонны к крикам, оскорблениям, словесным угрозам. У 40% учащихся эта агрессия имеет умеренную выраженность и у 37% слабую выраженность.

Сильную выраженность косвенной агрессии имеют 7% учащихся. Такие подростки склонны направлять агрессию окольными путями, то есть вымещать её не на самого оппонента, а на другое лицо, его заменяющее. У 60% данная агрессия выражена умеренно и у 33% имеет слабую выраженность. Сильную выраженность негативизма показали 30% учащихся. Такие подростки пассивно или активно вступают в борьбу против установившихся правил и законов. У 50% подростков негативизм имеет умеренную выраженность и у 20% эта выраженность слабая. Сильная выраженность раздражения выявлена у 13% подростков, что говорит о готовности данных подростков при сильном возбуждении проявить грубость и раздражение в отношении другого человека. У 70% учащихся данная шкала имеет умеренную выраженность. У 17% подростков выявлена слабая выраженность.

Умеренная выраженность подозрительности выявлена у 50% учащихся, у 13% подозрительность имеет слабую выраженность. Сильная выраженность подозрительности обнаружена у 37% подростков, что говорит о их убежденности в том, что окружающие намерены нанести им вред. Сильная выраженности обиды выявлена у 20% подростков, что говорит о зависти и ненависти данных подростков по отношению к другим людям. У 60% учащихся эта выраженность умеренная и у 20% подростков слабая выраженность. Сильно выраженное чувство вины испытывают 33% подростков, что говорит о наличии у них негативных убеждений, касающихся их личностных качеств. У 50% учащихся данная шкала имеет умеренную выраженность. И у 17% подростков эта выраженность слабая. Таким образом, у подростков обнаружено преобладание умеренной выраженности агрессивных и враждебных реакций.

Для выявления акцентуаций характера нами была использована методика А.С. Прутченкова и А.А. Сиялова «Чертова дюжина». Самыми распространенными типами акцентуации характера являются психотипы: «эпилептоид», «истероид» и «циклоид». Подростки – «эпилептоиды» стремятся поддерживать порядок во всех сферах жизнедеятельности. Они не заводят случайных знакомств, а предпочитают общение с друзьями детства

и школьными товарищами. Отличаются повышенной консервативностью. В обыденной жизни зачастую проявляют гневливость, агрессивность, придирчивость по отношению к окружающим. Подростки – «истероиды» в первую очередь отличаются демонстративностью и повышенным эгоцентризмом. Они стремятся находиться центре внимания. Ненасытная жажда постоянного внимания к себе, восхищения, почитания, иногда толкает подростков на лицемерие и лживость. Подростки с психотипом «циклоид» отличаются тем, что им характерна частая смена двух противоположных состояний – гипертимного и гипотимного.

Для выявления взаимосвязи между склонностью подростков к агрессивному, зависимому, суицидальному, делинквентному поведению и акцентуациями характера был проведен корреляционный анализ. Рассмотрим выявленные корреляционные взаимосвязи. Прямая корреляционная взаимосвязь между шкалами «эпилептоид» и «вербальная агрессия» ($r = 0,672$; $p \leq 0,01$) может свидетельствовать о том, что чем более у подростка выражены черты психотипа «эпилептоид», тем выше у него уровень вербальной агрессии. Чем больше подросток стремится к аккуратности, граничащей с педантизмом, а также к установлению и поддержанию порядка во всех сферах жизнедеятельности, тем выше его склонность к агрессии, которая выражается сквернословием и угрозами в сторону тех людей, которые так или иначе нарушают установленный эпилептоидом порядок.

Взаимосвязь между шкалами «эпилептоид» и «косвенная агрессия» ($r = 0,454$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем более у подростка выражены черты психотипа «эпилептоид», тем более он склонен к косвенной агрессии. Чем выше проявления таких черт характера, как тщательность, исполнительность, педантизм, тем выше склонность подростка проявлять агрессию не на прямую на оппонента, а окольными путями.

Взаимосвязь между шкалами «эпилептоид» и «раздражение» ($r = 0,368$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем больше у подростка проявляются такие черты характера, как скрупулезность, агрессия, чрезмерная требовательность, аккуратность, переходящая в педантизм, тем сильнее подросток проявляет раздражение по отношению к тем, кто нарушает или не соблюдает установленный эпилептоидом порядок.

Взаимосвязь между шкалами «гипотим» и «негативизм» ($r = 0,381$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем больше подросток испытывает уныние, постоянное пониженное настроение, ранимость, обиду на родителей или на окружающих людей, тем больше он будет проявлять негативизм к своему окружению, предполагающий бессмысленное, необоснованное сопротивление какому-либо воздействию. Такой подросток будет либо отказы-

ваться совершать требуемые действия, либо наоборот, выполнять действия, следуя строго своему внутреннему плану.

Взаимосвязь между шкалами «гипертим» и «вербальная агрессия» ($r = -0,400$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем больше подросток склонен к вербальной агрессии, тем меньше он проявляет альтруизм, открытость в общении с людьми и меньше испытывает радость от этого общения.

Взаимосвязь между шкалами «гипертим» и «раздражение» ($r = -0,389$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем меньше подросток склонен к проявлению раздражения, тем больше у него выражены такие черты психотипа, как отходчивость, щедрость, искренность, жизнерадостность. Подросток, который не проявляет раздражения по отношению к окружающим, легко втягивается в компанию, где является весельчаком и балагуром.

Взаимосвязь между шкалами «лабильный тип» и «подозрительность» ($r = -0,451$; $p \leq 0,05$) указывает на то, что чем меньше подросток подозрителен, тем больше он склонен к искренней привязанности, глубоким чувствам и изменчивому настроению. Такой подросток в силу своего настроения легко устанавливает новые контакты. Лабильные подростки способны к хорошо развитой интуиции по отношению к людям, что позволяет им определить наиболее значимых для них людей, не испытывая подозрительности.

Взаимосвязь между шкалами «параноик» и «социально-обусловленное поведение» ($r = -0,450$; $p \leq 0,05$) указывает на то, что чем больше подросток склонен к социально-обусловленному поведению, тем реже он проявляет агрессивность, раздражительность, гневливость по отношению к окружающим людям. Такой подросток ориентирован на соблюдение моральных, этических, социальных норм и правил.

Взаимосвязь между шкалами «параноик» и «самоповреждающее поведение» ($r = -0,404$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем ярче у подростков проявляются такие черты характера, как целеустремленность, энергичность, самостоятельность, независимость, тем ниже склонность подростков к суицидальному поведению.

Взаимосвязь между шкалами «конформный тип» и «зависимое поведение» ($r = 0,371$; $p \leq 0,05$) говорит о том, что чем больше подросток проявляет безволие, несамоостоятельность, тем больше он склонен к зависимому поведению. Подросток, который привык полагаться на других, не отстаивать свое мнение, не выделяться, не проявляет критичность в отношении себя или других. Такой подросток зачастую зависит от социальной группы.

Подводя итоги охарактеризуем подростков с различными акцентуациями характера. Подростку с акцентуацией характера «параноик» свойственно наличие социальной дезадаптации, при этом у него не наблюдается проявление суицидального поведения. Эпилептоиду свойственно проявлять чаще всего вербальную, косвенную агрессию или же раздражение. Гипертиму, напротив, несвойственно проявление вербальной агрессии и раздражения. Подростку с акцентуацией характера «гипотим» характерно испытывать негативизм. А подросток с конформным типом акцентуации проявляет чаще всего зависимое поведение. Наличие акцентуации «лабильный» предполагает отсутствие у подростка чувства подозрительности.

Наиболее встречающиеся формы девиаций у подростков – это агрессивное и зависимое поведение. Зависимое поведение наиболее характерно для подростков с конформной акцентуацией характера. Агрессивное поведение чаще всего свойственно подросткам с эпилептоидной и гипотимической акцентуациями характера.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что существует взаимосвязь между склонностью подростков к агрессивному, зависимому, суицидальному, делинквентному поведению и акцентуациями характера. Полученные в нашем исследовании результаты могут быть использованы в образовательных учреждениях в консультативной и коррекционной работе с учащимися подросткового возраста. Выявленные взаимосвязи позволяют спрогнозировать к какой именно форме отклоняющегося поведения может прибегнуть подросток с той или иной акцентуацией характера. На основе обнаруженных взаимосвязей психолог, консультирующий подростков, может разработать коррекционные программы, в которых будут учтены характерологические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.
2. Азарова Л.А., Сятковский В.А. Психология девиантного поведения: учеб.-метод. комплекс. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 164 с.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – Санкт-Петербург: Речь, 2009. – 256 с.
4. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Трикта: Акад. Проект, 2005. – 334 с.

5. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983. – 256 с.
6. Леус Э.В., Соловьев А.Г., Сидоров П.И. Диагностика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 268-278.
7. Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А.А. Карелин. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
8. Прутченков А.С. Эй ты, параноик!!!: О психотипах личности, о диагностике акцентуации характера детей и пед. помощи им / А.С. Прутченков, А.А. Сиялов. – М.: Новая шк., 1994. – 62 с.

© Иванов Дмитрий Викторович (avatory@yandex.ru), Симонова Татьяна Сергеевна (crownking.tatyana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный социально-педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВОСПИТАННИКОВ КАДЕТСКИХ УЧИЛИЩ МО РФ

Найденова Ирина Алексеевна

Аспирант, ОАНО ВО «МПСУ»; педагог- психолог,
ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище»,
naydenova1968@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MILITARY-PROFESSIONAL ORIENTATION OF PUPILS OF CADET SCHOOLS OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION

I. Naydenova

Summary: The article contains the results of a scientific study on the urgent problem of the formation and development of the military professional orientation of pupils of cadet schools of the Ministry of Defense of the Russian Federation, as potential cadets of military universities, the conditions of its formation and development. The article presents a comparative analysis of the development of the military professional orientation of the cadets, recommendations are developed to increase the military professional orientation of the cadets.

Keywords: cadet education; cadet education; military professional orientation; cadet school; professionally important qualities.

Аннотация: Статья содержит результаты научного исследования по актуальной проблеме формирования и развития военно-профессиональной направленности воспитанников кадетских училищ МО РФ, как потенциальных курсантов военных вузов, условиях ее формирования и развития. В статье представлен сравнительный анализ развития военно-профессиональной направленности кадет, разработаны рекомендации по повышению военно-профессиональной направленности кадет.

Ключевые слова: кадетское образование; кадетское воспитание; военно-профессиональная направленность; кадетское училище; профессионально-важные качества.

Социально-экономические и политические процессы, происходящие в последнее время в России, затрагивают и его Вооружённые Силы. Подготовка профессиональных военных кадров требует новых подходов к образованию, обучению и воспитанию воспитанников кадетских училищ МО РФ, высоких требований к ним.

На современном этапе руководство Министерства обороны РФ уделяет большое внимание подготовке выпускников довузовских образовательных организаций к формированию и развитию военно-профессиональной направленности, качественно меняя характер требований к выпускникам кадетских училищ МО РФ.

Военно-профессиональная направленность занимает важное место в структуре личности воспитанников кадетских училищ Министерства обороны Российской Федерации и играет огромную роль в формировании и развитии профессионально важных качеств личности кадет. Она включает интерес к военной профессии, призвание, профессиональные намерения и ожидания, склонности и способности на будущем военном поприще. В связи с этим актуальными становятся требования по подготовке кадет как будущих офицеров:

- повышение и устойчивость военно-профессиональной направленности воспитанников;
- внедрение мероприятий и учебных дисциплин в учебно-воспитательном процессе кадетского училища с учетом реализация военной составляющей;
- совершенствования военно-профессионального саморазвития, самопознания и самосовершенствования кадет;
- воспитание у кадет профессионально-важных качеств таких качеств, как способность взять на себя ответственность за решение сложных задач, умение поддержать инициативу, мобилизовать свою волю в трудных жизненных ситуациях. [5, с. 31-33].

Гипотеза исследования: состоит в предложении о том, что развитие военно-профессиональной направленности кадет будет продуктивнее при следующих педагогических условиях:

- рассматривать педагогические условия формирования военно-профессиональной направленности кадет как важнейший фактор данного процесса;
- учебно-воспитательный процесс в условиях кадетского училища строится на основе разрабо-

танной программы военно-профессиональной ориентации воспитанников, с учетом возрастных особенностей кадет.

Формирование и развитие военно-профессиональной направленности личности изучали такие военные психологи и педагоги В.Н. Ромашин, А.Ю. Асриев, В.П. Дьяченко, Л.Ф. Железняк, Л.А. Кандыбович, И.Б. Нагаев, А.В. Барабанщиков, Н.Ф. Феденко и др. Основными положениями об основных понятиях развития психологического процесса занимались (А.В. Барабанщиков, С.Л. Рубинштейн, В.С. Мерлин, А.Н. Леонтьев, П.Н. Городов, Г.И. Щукина, А.В. Петровский и др.). О непрерывном процессе развивающего обучения и воспитания идеи дидактики рассматривали в своих работах (Ю.К. Бабанский, Н.В. Кузмина, В.Н. Герасимов, Ю.И. Тарский и др.). Выводы и положения по проблемам оптимальности и преемственности в профессиональной подготовке кадров изучали и определили (Ю.К. Бабанский, Л.Г. Лаптев, В.П. Жуковский и др.). Основные теории и практики формирования военно-профессиональной направленности были досконально изучены и разобраны (Кандыбович Л., М.И. Феденко, Л.Ф. Железняк, и др.). Мотивации военно-профессионального самовоспитания и самосовершенствования в воинской деятельности описали (В.В. Богуславский, Г.А. Волковицкий, Л.Н. Уваров, А.А. Кобенко и др.). [8, с.24-26]. В работе под термином «уровень военно-профессиональной направленности» понимается степень сформированности профессионально-важных качеств у кадет, в соответствии с их возрастными возможностями.

В педагогике принят уровневый подход при характеристике сформированности качеств личности. Так, В.И. Лутовинов, Ю.П. Квятковский, Т.Д. Дубовицкая, Л.Ф. Железняк, выделяют три уровня профессиональной направленности: высокий, средний и низкий.

При важности отмеченных исследований степень разработанности проблемы формирования военно-профессиональной направленности кадет является недостаточной: вне поля зрения исследователей остался вопрос о значении военно-профессиональной направленности кадет-выпускников при поступлении в военные вузы и проблема формирования направленности в процессе дальнейшего обучения. Практически отсутствуют исследования, посвященные педагогическим условиям формирования военно-профессиональной направленности воспитанников кадетских училищ МО РФ.

В научно-теоретическом плане актуальность исследования определяется необходимостью преодолеть фрагментарность данных о технологиях развития профессиональной направленности личности, выработать целостные теоретические представления о развитии военно-профессиональной направленности будущих офи-

церов в кадетском училище.

Все сказанное выше позволило выявить противоречие между потребностью общества в офицерах с развитой военно-профессиональной направленностью и недостаточной разработанностью научно-методических основ её формирования в реальном образовательном процессе довузовской образовательной организации МО РФ.

Указанное противоречие позволило сформулировать проблему исследования - каковы теоретические предпосылки и технология эффективного формирования военно-профессиональной направленности кадет в учебно-воспитательном процессе кадетского училища. Решение данной проблемы составило цель исследования.

Цель данной статьи – выявить уровень развития военно-профессиональной направленности воспитанников в процессе обучения в кадетском училище.

Объект: исследования- военно-профессиональная направленность воспитанников кадетских училищ МО РФ. В соответствии с проблемой, объектом исследования поставлены следующие **задачи:**

- проанализировать научную литературу с целью раскрытия сущности понятия «военно-профессиональная направленность личности»;
- экспериментально исследовать психологические особенности развития военно-профессиональной направленности личности воспитанников кадетского училища;
- разработать рекомендации по повышению уровня военно-профессиональной направленности кадет в разные возрастные периоды обучения в кадетском училище.

Военно-профессиональная ориентация включает в себя:

- формирование у кадет военно-профессиональной направленности, психологической готовности к осознанному выбору профессии офицера с учетом склонностей, способностей и особенностей личностного развития;
- адресное психологическое сопровождение выбора профессии посредством внедрения индивидуальных рекомендаций по саморазвитию и профессиональному самоопределению кадет на этапе ранней предпрофильной и профильной подготовки;
- разъяснение требований военно-профессиональной деятельности к индивидуальным психологическим качествам и оказание помощи в выборе конкретной военной специальности в соответствии с интересами и склонностями кадет;

- формирование мотивации у кадет к самовоспитанию волевых качеств;
- привлечение к поступлению в вузы МО РФ наиболее подготовленных и дисциплинированных кадет, способных овладеть знаниями и практическими навыками, необходимыми для успешного исполнения служебных обязанностей на должностях офицерского состава.

Для того чтобы определить результативность развития и сформированности военно-профессиональной направленности в кадетском училище использовали социально-педагогический мониторинг. В проведенном исследовании в качестве основного средства мониторинга выступал набор анкет для различных возрастных категорий кадет, который позволил выявить изменения в развитии военно-профессиональной направленности кадет в зависимости от возрастного периода обучения в училище.

Исследования проводились с помощью анкет: «Моя будущая профессия», анкета «Военно-профессиональная направленность кадет» и по трём методикам: «Краткий ориентировочный тест» (КОТ), (S-test), «Опросник военно-профессиональной пригодности» (ВПП).

Анализ показателей развития военно-профессиональной направленности воспитанников 5-7 классов на начальном этапе позволил сделать вывод о преобладании среднего уровня сформированности военно-профессиональной направленности у 76 % респондентов, лишь у 24% респондентов был выявлен низкий уровень развития военно-профессиональной направленности.

85% респондентов 5 классов выбирают военную профессию. Но вместе с этим, незначительная часть 15% респондентов ориентированы на гражданскую службу 46% респондентов отмечают, что на выбор профессии большее влияние оказывают родители; 64% респондентов считают, что самостоятельно выбрал военную профессию, без какого-либо влияния со стороны, полагаясь на свои интересы и способности.

По результатам анкетирования 6 классов самой популярной оказалась военная сфера. На ней остановили свой выбор 64% респондентов. Но вместе с этим, 36% респондентов ориентированы на гражданскую службу.

Основными преимуществами будущей профессии для респондентов являются: «быть защитником Родины» - 56%; «найти применение моим способностям» - 38%.

Качества характера, необходимые для того, чтобы состояться в выбранной профессии респонденты отметили, такие как самостоятельность, терпение, трудолюбие, мужество, отвага, доброта, образованность, смекалка

и сосредоточенность. Следует отметить, что по результатам анкетирования респондентов 5-6 классов роль педагогов в их военно-профессиональной ориентации является ведущей.

Результаты респондентов 7 классов показали, что 85% уверены, что образовательная среда кадетского училища способствует выбору военной специальности в будущем. 63% респондентов уже сейчас уверены, что в будущем будут поступать в военные вузы МО РФ. На первом месте у 59% опрошенных респондентов стоят понятия о высоких морально-волевых качествах военнослужащего. А это является важным компонентом формирования и укрепления здоровых ценностных ориентаций подростков и результатом эффективного воспитания 85% респондентов отмечают, что училище дает возможность получить достойное и хорошее образование, 49% отмечают, что обучение в ОПКУ способствует физическому и духовному развитию молодых людей. 72% респондентов положительно относятся к мероприятиям военно-патриотической направленности и с удовольствием принимают в них участие 78% респондентов на вопрос о готовности пожертвовать собой ради России ответили утвердительно. Полученные результаты отражают возрастные особенности респондентов, которые, несмотря на выраженное стремление к самостоятельности в принятии решений, во многом зависимы от взрослых и нуждаются в их дальнейшей поддержке. 58% респондентов 7 классов рассматривают карьеру офицера как приоритетную в выборе профессии после окончания училища.

По результатам исследования можно сделать соответствующие выводы, чем взрослее становятся респонденты, тем больше задумываются над выбором профессии военного, соизмеряя со своими способностями и возможностями. Если в 5 классах 85% кадет выбирает профессию офицера. Необходимо учитывать, что обучение в училище на данном этапе в первую очередь привлекает их внешней стороной (ношение формы, новый социальный статус, новый распорядок дня и др.). То в 6 классах 64 % респондентов хотят быть военными. В 7 классах 63% респондентов выбирают профессию офицера.

Полученные данные убеждают в актуальности поставленного вопроса и говорят о безусловной необходимости системного педагогического сопровождения формирования военно-профессиональной направленности. Проведенное анкетирование в 8 - 9 классах показало, что у 58% респондентов обнаружена достаточно зрелая социальная позиция, считающих выбор будущей профессиональной деятельности обусловленностью своей гражданской позицией и сформированностью патриотических чувств привитыми в кадетском училище.

42 % респондентов нельзя сказать, что они облада-

ют в полной мере развитыми профессионально-важными качествами. Хотя 85% респондентов 8 классов считают, что условия училища способствуют развитию профессиональных интересов благодаря проводимым воспитательным мероприятиям, учебному процессу, дополнительному образованию и др.). 58% респондентов рассматривают карьеру офицера как приоритетную в выборе профессии после окончания училища. При анализе ответов кадет на вопрос о личной значимости профессии офицера, отмечается, что большинством респондентами 76% осознается основная роль офицера как защитника Родины. На втором месте стоит возможность быть максимально полезным для общества составляет 46%. И на третьем месте, что составляет 41% выступает личная заинтересованность респондентов, как «возможность достичь высокого положения в обществе».

78% респондентов по окончании 9 класса планируют продолжить обучение в Оренбургском президентском кадетском училище до 11 класса. 83% респондентов считают, что образовательная среда в училище помогает им в выборе будущей специальности. 60% респондентов планируют после окончания кадетского училища поступать в вузы МО РФ, 26% уже сейчас выбирают гражданскую профессию, 14% пока до конца не определились с этим вопросом.

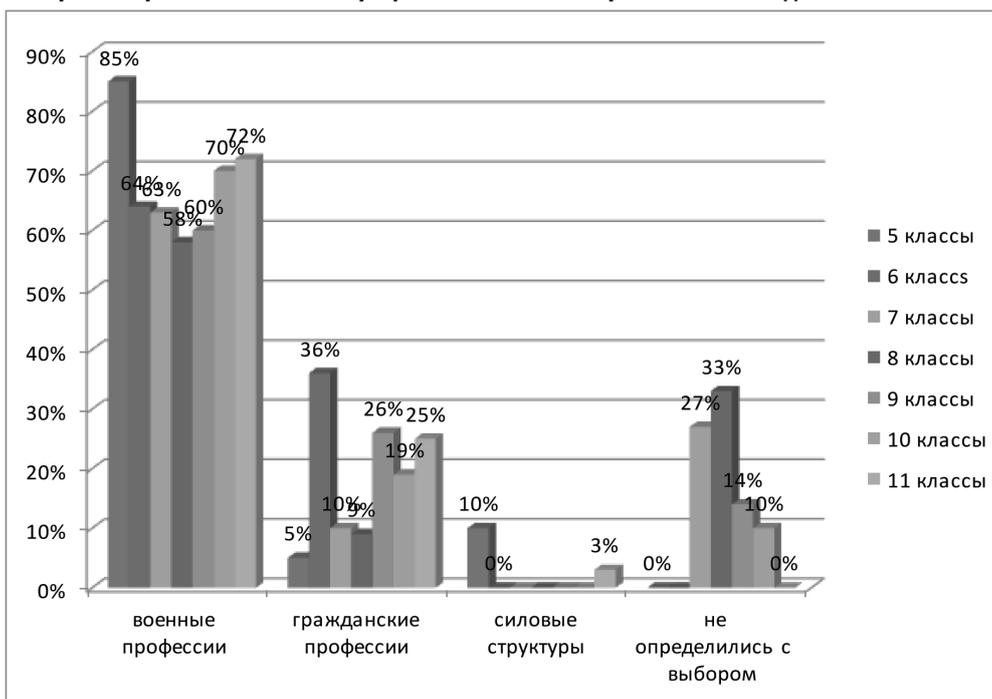
58% респондентов 9 классов отметили, что сами определяют свое отношение к выбору профессии, демонстрируя тем самым независимость и самостоятель-

ность своей точки зрения, 32% указали семью, 21% - воспитателей и педагогов училища.

Осознанный выбор профессии респондентами 10-11 классов является следствием решения возрастных задач. Формирование внутренней готовности кадет к осознанному и самостоятельному планированию, корректировке своих профессиональных планов и интересов на основе самопознания, возможно только при условии эффективного психолого-педагогического сопровождения. 70 респондентов 10-11 классов выбирают вузы МО РФ, 19% гражданские вузы, 11% так и не смогли определиться с выбором.

На основании результатов исследования можно отметить, что: 18% респондентов имеют высокий уровень сформированности военно-профессиональной направленности. Отмечается позитивное отношение к военной службе в целом, выраженный интерес к овладению воинскими специальностями, с ярко выраженной мотивацией достижения успеха, готовностью преодолевать возможные трудности на пути к достижению цели. Их отличает высокий уровень самооценки, разнообразные интересы, высокий уровень активности. Положительное отношение к военной службе, готовность к овладению воинскими специальностями, достаточно высокий уровень активности с выраженной мотивацией отмечается у 69% респондентов выше среднего, хороший уровень респондентов. Умеренно выраженную положительную направленность на овладение воинскими специальностями показали 13% респондентов.

Диаграмма №1.
Уровень развития военно-профессиональной направленности кадет 5-11 классов

Сравнивая показатели военно-профессиональной направленности воспитанников кадетского училища, можно отметить, что просматривается волнообразная тенденция к повышению уровня данного показателя в процессе обучения в довузовском образовательном заведении. К концу обучения в кадетском училище (выпускной курс) у кадет преобладает высокий уровень и уровень выше среднего сформированности военно-профессиональной направленности. По результатам исследования разработаны рекомендации по повышению уровня военно-профессиональной направленности кадет период обучения в кадетском училище.

Таким образом, цель достигнута, задачи решены, выдвинутая гипотеза получила полное эмпирическое подтверждение.

Выполненное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы, но существенно дополняет разделы изучения психологических особенностей развития военно-профессиональной направленности воспитанников кадетских училищ, открывает новые перспективы для дальнейших исследований данной проблемы в области психолого-педагогических дисциплин. Сравнивая уровень развития и сформированности показателей военно-профессиональной направленности кадет, можно отметить тенденцию их повышения. К концу обучения (7 курс) у кадет выпускников определяется высокий уровень развития военно-профессиональной мотивации. Компетентные педагоги, воспитатели, офицеры создали здоровую, психологически комфортную атмосферу в училище, сумели привить кадетам интерес к учебной деятельности. Как следствие, кадеты Оренбургского президентского кадетского училища показали высокие результаты развития военно-профессиональной направленности. В училище внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию обучающихся, подготовке юношей к выбору военного вуза. В училище созданы

все необходимые условия по развитию и формированию военно-профессиональной направленности кадет. Полученные в ходе названного исследования аналитические данные, позволили не только выработать рекомендации по совершенствованию подготовки кадет к выбору военного вуза и предложить конкретные пути по повышению качества обучения в целом в довузовских образовательных учреждениях, определить основные направления по индивидуальной работе с кадетами, испытывающими трудности в психологической адаптации к выбору военной специальности.

Рекомендации:

Оценивать возможности поступления в высшее военное учебное заведение с учетом уровня успеваемости, состояния здоровья, физической подготовленности каждого кадета; при необходимости - корректировать выбор профиля учебного заведения и военной специальности.

Осуществлять контроль за ходом формирования военно – профессиональной направленности личности на каждом возрастном этапе /контроль знаний, оценка профессионально значимых свойств и качеств личности каждого кадета/.

Координировать работу классных руководителей по преемственности проф. ориентационной работы между ступенями образования, по организации индивидуальной работы с обучающимися и их родителями для формирования обоснованных профессиональных намерений в выборе профессии офицера.

Педагогическому коллективу проводить активное военно-профессиональное просвещение кадет посредством реализации основных и дополнительных образовательных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М., 2001. С.234-236.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды //Под ред. Д.И. Фельдштейна М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДОК», 2001.
3. Вагнер И.В. Механизмы развития у школьников опыта самоопределения в ситуациях выбора в условиях реализации программ воспитания и социализации. Часть 3. Социальное проектирование: проектная деятельность как форма реализации детских социальных инициатив //И.В. Вагнер// Вопросы науки. – 2014. – № 1(6). – С.22-29.
4. Жукова Е.Ю. Формирование у кадет ценностного отношения к воинскому долгу. Современные проблемы науки и образования. М., 2012. – № 3.
5. Лалаев М.С. Кадетские корпуса России //Исторический очерк вузов, подведомственных Главному их Управлению М.,1980.С. 31-33.
6. Педагогический сборник / ред. Н.Х. Весель, А.К Острогодский, И.С. Симонов. - СПб. -Несколько слов о наших кадетских корпусах// Педагогический сборник. - 1903- №7.
7. Томилин А.Н. Концепция формирования профессиональной направленности офицера-воспитателя ВМФ. Учеб.-метод. пособие. – Новороссийск: МГА им. адм. Ф. Ф. Ушакова, 2010.
8. Филиппов Э.М. Кадетские корпуса в России: прошлое и современность. - СПб.,1997- С.24-26.

© Найденова Ирина Алексеевна (naydenova1968@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ, В СВЯЗИ С ПАНДЕМИЕЙ

Сафронова Татьяна Валерьевна

Аспирант, Московский институт психоанализа
tsafronova2@gmail.com

RELATIONSHIP OF EMOTIONAL STATE AND STRESS RESISTANCE UNDER FORCED ISOLATION CONDITIONS IN CONNECTION WITH PANDEMIC

T. Safronova

Summary: The article is devoted to the study of the specificity of the emotional-behavioral component in the structure of subjective factors of confronting the stressful situation of self-isolation in connection with the pandemic. Purpose of the work: to study the relationship between emotional states and stress resistance, to show the features of experiencing emotional stress depending on the formation of the structural components of stress resistance. The article studies the stress factors of conditions of forced self-isolation, describes emotional experiences, objective and subjective factors that determine their appearance. The essence of stress resistance is revealed, its relationship with the quality of psychoemotional characteristics of a person during the period of self-isolation is proved.

Keywords: forced isolation, stress resistance, emotional state, pandemic, anxiety, adaptive capabilities, coping strategies.

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики эмоционально-поведенческого компонента в структуре субъективных факторов противостояния стрессогенной ситуации самоизоляции в связи с пандемией. Цель работы: исследовать взаимосвязь эмоциональных состояний и стрессоустойчивости, показать особенности переживания эмоционального стресса в зависимости от сформированности структурных компонентов стрессоустойчивости. В статье изучены стрессогенные факторы условий вынужденной самоизоляции, описаны эмоциональные переживания, объективные и субъективные факторы, обуславливающие их появление. Выявлена сущность стрессоустойчивости, доказана ее взаимосвязь с качеством психоэмоциональных характеристик личности в период самоизоляции.

Ключевые слова: вынужденная изоляция, стрессоустойчивость, эмоциональное состояние, пандемия, тревожность, адаптационные возможности, копинг-стратегии.

Ситуация вынужденной самоизоляции, вызванная пандемией коронавируса в нашей стране, влияет на психоэмоциональное состояние людей, имеет ряд психологических последствий, связанных с переживанием нестабильности, неопределенности, страхов в разных сферах жизни. В этот период человек чувствует свою незащищенность и недостаток жизнестойкости проявляется именно в критические моменты, требующие стрессоустойчивости и высоких адаптационных способностей.

Выход из зоны комфорта влечет за собой нарушение равновесия привычной жизни и, как следствие, представляет собой значимый стрессогенный фактор. В данных обстоятельствах психоэмоциональный статус колеблется от состояния «нормальной тревоги», в которой человек способен подготовиться к угрозам и эффективно им противостоять, до патологических проявлений тревожности. В условиях пандемии и вынужденной самоизоляции тревожность может стать «постоянной, чрезмерной и не полезной». [7]

Поведение человека с таким эмоциональным само-

чувствием, когда тревожность становится проблемой, становится «нерешительным, беспорядочным и неконтролируемым». [7] Неосознаваемые угрозы как источник патологической тревоги способствует нарастанию стресса.

Личностная тревожность становится ключевым психологическим феноменом в ситуации пандемии, в связи с нарастанием «психоэмоциональной нагрузки, угнетением адаптационных механизмов на субъективном уровне, психических нарушений». [8]

Проблему тревожности и сопутствующих ей эмоциональных состояний поддерживает ряд объективных и субъективных факторов. К объективным относят: социальные, организационные, управленческие, информационные, экономические и другие. Субъективные факторы можно разбить на три группы: «когнитивные, эмоционально-поведенческие, мотивационно-рефлексивные». [2]

По мнению экспертов, к наиболее значимым факторам можно отнести следующие:

1. Наличие социальной изоляции как следствия физического дистанцирования.
2. Страх заражения, смерти.
3. Тревога и озабоченность материальными ценностями (потеря работы и дохода).
4. Блокированная потребность в безопасности, защищенности.
5. Влияние СМИ, в том числе фейковых новостей, способствующих развитию панических настроений и т.д. [3]

Здесь следует отметить, что данные факторы бытия конкретного человека обнажают экзистенциальные данности одиночества, изоляции, свободы, смерти, бессмысленности существования, что также оказывает влияние на специфику эмоционально-поведенческого компонента. При этом человек с осознанным отношением к жизни, зрелыми защитными механизмами и развитыми адаптационными возможностями (в том числе, стрессоустойчивостью) будет занимать рефлексирующую позицию, в противоположном случае - высока вероятность депрессивных эмоциональных состояний.

Соглашаясь с мнением В.В. Касьянова, значимость субъективных факторов значительно возрастает в «депривационных условиях социальной среды». [2] Человек, в условиях самоизоляции, пандемии коронавируса не может повлиять на многие объективные факторы существования, образ жизни меняется, повышается неудовлетворенность качеством жизни и вытекающие из этого патологии эмоционально-поведенческих проявлений.

Стрессоустойчивость является одним из внутренних, субъективных факторов, который может стать условием успешного противостояния тревожности, мобилизации физиологических и личностных ресурсов человека. Нами была проанализирована сущность стрессоустойчивости, ее влияние на динамику эмоционального состояния при пандемии. На рисунке 1 представлены основные характеристики данного теоретического конструкта.

Многочисленные исследования доказали, что стрессоустойчивость как системное, интегративное качество личности включает эмоциональный компонент, поэтому «существует прямая взаимосвязь между уровнем тревожности и подверженности стрессу». [7]

Благодаря качествам стрессоустойчивости личность становится способной действовать продуктивно в ситуациях неопределенности, нестабильности. В целом – в критических ситуациях. При этом человек в кризисные моменты способен уменьшать «степень неопределенности за счет выявления связей и законов ситуации, и за счет осознанного направления собственной активности и подгонки ситуации «под себя». [6] Мы считаем, что в данном определении стрессоустойчивой личности, ярко проявляются факторы жизнестойкости (По С. Мадди): вовлеченности, контроля, принятия риска. Именно эти качества делают человека осознанным, способным использовать необходимые стратегии защитно-сводящего поведения, иметь в приоритете способность к развитию, даже в самых трудных жизненных обстоятельствах.

Изучая взаимосвязь эмоционального состояния лич-

Рис. 1. Сущностные характеристики стрессоустойчивости

ности и ее стрессоустойчивости, следует отметить, что эмоциональный стресс в условиях самоизоляции обладает значимым психотравмирующим воздействием. Динамика психоэмоциональных состояний будет зависеть от сформированности характеристик стрессоустойчивости и других индивидуально-личностных качеств субъекта.

В частности, учеными отмечается несколько значимых механизмов, участвующих в преодолении психотравмирующих событий, стрессогенных ситуаций:

1. Защитные механизмы личности, «функционирующие на уровне бессознания и направленные на первичное снятие напряжения» [4]
2. Специфики используемых копинг-стратегий, имеющих сознательный характер и выраженных в рамках когнитивно-поведенческих усилий субъекта по снижению стресса;
3. Личностных образований (тревожности, эмоциональной стабильности, коммуникабельности и других).

Данные компоненты должны взаимодействовать друг с другом, и, при необходимости, дополнять. Именно такой тип взаимоотношений будет способствовать устойчивости адаптационных возможностей субъекта.

Алгоритм включения адаптационных механизмов в рамках достижения оптимальной психической саморегуляции по Г.Ш. Габдреевой демонстрируют нам следующие этапы взаимодействия механизмов: «За актуализацией тревожности должна следовать активизация психологических защитных механизмов, для снижения уровня этого состояния...» [1] А при чрезмерной напряженности «неконструктивных защит и копинг-стратегий - должна актуализироваться тревожность» [1] как сигнал о неэффективном совладающем поведении.

При сформированной «личностной тревожности» как относительно стабильном качестве личности, ее

стрессоустойчивость снижается. В условиях пандемии усиливается и ситуативно-обусловленная тревожность, что несомненно, влияет на низкие способности противостоять стрессу. Все это порождает возникновение «неблагополучных типов стресс-реакций».

Исследования Мельниковой М.Л. [4] подтверждают данные сочетания адаптационных механизмов, показывая, что низкий уровень стрессоустойчивости и высокая невротизация личности активизируют защитные механизмы отрицания и регрессии, усиливая «общую напряженность психологических защит». При этом ведущими копинг-стратегиями становятся фантазирование и самообвинение, также не предполагающие активные рефлексивные и эмоционально-поведенческие компоненты в целях адекватной адаптации.

В заключении следует отметить, что длительное воздействие эмоционального стресса является катализатором развития психических расстройств личности. [5] Для того чтобы преодолеть его разрушительное воздействие, необходимо развивать структурные компоненты стрессоустойчивости, анализировать и использовать эффективные стратегии совладающего поведения. Все это будет способствовать реализации активности в процессе стресса, активизации рефлексивных механизмов и механизмов ценностно-смысловой сферы. Важен также и опыт преодоления стрессогенных ситуаций: накопление когнитивных и эмоционально-поведенческих паттернов поведения.

Таким образом, способность противостоять стрессу в условиях вынужденной самоизоляции (в контексте пандемии) зависит от качества эмоционального состояния личности, способностей противостоять импульсным реакциям внешней среды, устойчивости к стрессогенным факторам с повышенным эмоциональным напряжением, активности и умений проявить большую решительность, жизнестойкость и ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдреева Г.Ш. Место тревожности в структуре развивающейся психологической защиты личности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 6. С. 233-243.
2. Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Васьков М.А. Российское население в условиях режима самоизоляции: анализ депривационного влияния на социальное здоровье // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 204-208.
3. Крахмалева О.Е., Кузьмина К.Н., Ермолова И.М. Дистантная медико-психологическая помощь в условиях вынужденной изоляции // Омский психиатрический журнал. 2020. № S2-1 (24). С. 11-15.
4. Мельникова М.Л., Чебыкина И.В. Копинг-стратегии и защитные механизмы личности студентов-педагогов // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 84-98.
5. Назарьев Н.В., Чахнашвили М.Л., Иванов Д.В., Лищук А.Н., Колтунов А.Н. Психосоматические расстройства после вспышки коронавирусной инфекции (клинические случаи) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. № 3. С. 7-16.

6. Сидячева Н.В., Зотова Л.Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты//Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 218-225.
7. Хэллем, Р. Консультирование по проблемам тревожности.- М...: ПЕРСЭ; Институт консультирования и системных решений.- 191 с.
8. Чистякова Н.В., Качур Н.С. Личностная тревожность как психологический феномен covid-19//Modern Science. 2020. № 5-3

© Сафронова Татьяна Валерьевна (tsafronova2@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский институт психоанализа

БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАНИЯ

Секацкая Екатерина Олеговна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
mus-ekaterina@yandex.ru

BASIC BELIEFS OF A PERSONALITY, PERCEPTIONS AND THEIR RELATIONSHIP WITH COVERAGE STRATEGIES

E. Sekatskaya

Summary: Goal. The purpose of the article is to study the relationship between deep personal beliefs and coping behavior. The results of a pilot study of 70 people are analyzed.

Procedure and methods of research. The theoretical basis is the cognitive-behavioral approach. The study used the questionnaire "Methods of coping behavior" by R. Lazarus, the method "Personal differential" and the Yanov-bulman scale of basic beliefs.

Research result. Based on the results, a conclusion is made about the relationship of deep beliefs, as well as personal properties with coping strategies. It is suggested that the personal characteristics of a person are more conscious than deep beliefs, so the connection with coping behavior is more pronounced.

The practical significance is to identify a person's ideas about himself, his beliefs and their relationship with the behavioral aspect, which is expressed in coping behavior.

Keywords: basic beliefs, coping strategies, assessment of personal qualities.

Аннотация: Цель. Целью статьи является изучение взаимосвязи между глубинными убеждениями личности и копинг поведением. Анализируются результаты пилотажного исследования в количестве 70 человек.

Процедура и методы исследования. Теоретической опорой выступает когнитивно-поведенческий подход. В исследовании использовался опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, методика «Личностный дифференциал» и шкала базисных убеждений Янов-Бульман.

Результаты исследования. На основании результатов, сделан вывод о взаимосвязи глубинных убеждений, а также личностных свойствах с копинг стратегиями. Высказывается предположение, о том, что личностные свойства человека более осознаваемы, чем глубинные убеждения, поэтому связь с копинг поведением более выраженная.

Практическая значимость заключается в выявлении представлений человека о себе, его убеждений и взаимосвязи их с поведенческим аспектом, который выражается в копинг поведении.

Ключевые слова: базисные убеждения, копинг стратегии, оценка личностных качеств.

Введение

В настоящее время все больше прослеживается интеграция когнитивно-поведенческого подхода в рамках психологии и психотерапии. На данный момент в Зарубежной и Отечественной литературе опубликовано более 500 исследований, которые доказали эффективность когнитивно-поведенческого подхода в работе не только с психическим расстройством и соматическим заболеваниями с психологической составляющей, но и в норме. (Beck 2009) В настоящее время, с одной стороны, увеличивается рост обращений за оказанием помощи в области психологического здоровья, с другой стороны, нарастание депрессий, панических атак и тревожности. [5]. В рамках когнитивной модели депрессия и тревожность содержат три основных паттерна: негативное отношение человека к самому себе, собственному будущему и настоящему опыту. Актуальным вопросом становится детальное изучение дезадаптивных убеждений относительно самой личности, а также окружающего мира и выявления взаимосвязи с поведенческим компонентом.

Основная часть

В основе когнитивно-поведенческой модели лежит теория, сформулированная Аароном Беком о том, что мыслительная деятельность и восприятие себя и окружающего мира определяется «когнитивными схемами». В когнитивной психотерапии понятия убеждения, схемы, правила, когнитивные паттерны, когниции в целом являются взаимозаменяемыми [9]

Изначально, Ф. Бартлетт, разработал понятие «схемы» определив ее как «бессознательная ментальная структура», которая дает представления или знания об окружающем мире. Более поздняя разработка понятия схемы Дж. Келли, привела к появлению термина «конструкт». Конструкт, в рамках теории данного автора, позволяет интерпретировать или предсказывать свой опыт и имеет форму мысли или идеи. Важный вклад в дальнейшую разработку понятия конструкта внес С. Эпштейн. В исследованиях, он доказал, что люди реконструируют реальность и себя в ней, двумя способами: рациональным и эмпирическим. Конструкты, построенные с помощью рациональной системы есть убеждения. Конструкты,

формирующиеся эмпирическим путем, есть имплицитные убеждения или схемы.

В рамках когнитивно-поведенческого подхода под «когнитивной схемой» все чаще используется термин «глубинное убеждение», которые составляют основу концептуализации относительно самой личности и окружающего мира.

Механизм убеждения, как и представления о себе, других людях и мире, формируются у людей с детства. (Джудит Бек) Самые важные *глубинные убеждения* — это определенные интерпретации, которые так фундаментальны и глубоки, что люди не могут их четко сформулировать даже для себя. Человек относится к этим идеям как к истине в последней инстанции — они описывают, как все есть «на самом деле» (Beck, 1987).

Глубинные убеждения – самая фундаментальная форма убеждений; они глобальны, ригидны и чрезмерно обобщены.

Основная функция глубинных убеждений – успешная социальная адаптация индивида, возможная благодаря организации полученного опыта и пониманию себя и окружающего мира. (Rosen, 1988).

Дальнейшая разработка теории Яноффом-Бульманом, позволила сформулировать следующее определение: «базисные убеждения – имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека».

Убеждениям свойственна направленность: по отношению к себе, по отношению к миру и по отношению ко прошлому/будущему. [8]

Критерием для оценки убеждения можно выделить ее адаптивность: дезадаптивные убеждения - представления о себе и о мире, которые не ведут к успешной социальной адаптации, могут приводить к повышению тревожности и невротизации личности.

Убеждения реализуются в поведенческой сфере через копинг стратегии.

Копинг поведение, в глубинной основе своей - механизм социальной адаптации человека, формирующийся на самых ранних этапах онтогенеза, трансформирующийся и развивающийся по мере взросления человека.

На сегодняшний день, копинг поведение как феномен, изучен достаточно подробно.

Копинг-поведение понимается как сложный динами-

ческий процесс, который начинается с оценки ситуации, включает когнитивные и поведенческие попытки ее преодоления, зависящие от личностных и ситуационных факторов.

Диспозициональный подход указывает на влияние личностных качеств на копинг поведение и преодоление стрессовых ситуаций.

Динамический подход сосредоточивает внимание на изучении изменчивых ситуационных факторов, а также когнитивных усилий, направленных на управление внешним и внутренним факторам. [3]

Представители интегративного подхода, такие как Р. Моос, Дж. Шеффер, А. Биллинг рассматривают личностные и ситуационные факторы, как предикторы, влияющие на выбор копинг-усилий (Р. Моос, Дж. Шеффер (1993). Копинг в данном случае выступает одним из «аспектов способностей человека, который вместе с ресурсами служит преобразованию ситуации, устранению угрозы» (Р. Моос, А. Биллинг, 1982; Г. МакКуббин, 1987)

В Отечественной психологии копинг поведение переводится как совладающее поведение или адаптивное поведение. Совладающее поведение – это «целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справиться с трудной жизненной ситуацией (или стрессором) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации - через осознанные стратегии действия» (Кочкарева 2013). Современная тенденция в вопросе копинг поведения проявляется в том, что пристальное внимание уделяется «психологическим чертам личности, обеспечивающим использование способов поведения, с помощью которых человек справляется с трудностями, несмотря на наличие тяжелых переживаний и вопреки длительному действию стресса» [2]

Но особенно важным, является внимательное изучение влияния личностных особенностей человека на копинг поведение. Результатом этого изучения может стать возможность человека: трансформировать представление о себе и окружающем мире, изменять самооценку и влиять на процесс социальной адаптации, варьируя свое поведение в зависимости от поставленных целей, ценностно-смысловых структур личности.

Методологические исследования

Гипотеза пилотажного исследования состояла, во-первых, в предположении о взаимосвязи между базисными убеждениями и стратегиями совладания, и во-вторых о взаимосвязи между личностными оценками себя и стратегиями совладания, в-третьих о том, что количество взаимосвязей зависит от направленности убеждения.

Цель исследования:

Основной целью исследования было качественно проанализировать характер и направленность взаимосвязей между базисными убеждениями личности, оценкой личностных свойств и копинг стратегиями.

Выборка составила 70 студента Северо-Западного филиала РАНХиГС, студенты с первого по четвертый курс, очной и заочной форм обучения.

Среди них: 55 женщин, 15 мужчин. Средний возраст составил 21 год.

Методы исследования:

В качестве диагностического материала были использованы следующие методики:

1. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк. Эмоционально ориентированные и проблемно-ориентированные фокус представлен следующим образом:
 - Конфронтация
 - Дистанцирование
 - Поиск социальной поддержки
 - Принятие ответственности
 - Бегство-избегание
 - Положительная переоценка
2. Методика Личностный дифференциал. Адаптирована сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Методика «Личностный дифференциал» состоит из 21 пары полярных прилагательных, через которые респонденты описывают представление относительно самого себя.
3. Шкала базисных убеждений - опросник, основанный на когнитивной концепции базовых убеждений личности. Разработана Ронни Янов-Бульман, адаптирована без стандартизации О. Кравцовой, затем адаптирована и рестандартизирована. Методика состоит из 8 шкал, в основе которых лежат базисные убеждения личности о: благосклонность мира, доброте людей, справедливость мира контролируемости мира, случайности как принципа распределения происходящих событий, ценности собственного «Я», степени самоконтроля (контроля над происходящими событиями), степени удачи, или везения.

Обработка результатов происходила на базе компьютерной программы JUSP.

Основные результаты:

Наибольшее количество корреляционных связей

проявилось между оценкой личностных свойств и стратегиями совладания:

Значимые корреляционные связи проявились больше всего между:

«Бегство-избегание» и «нелюдимость» ($r=0,398^*$, $p < 0,001$)

Соответственно, чем больше человек характеризует себя как «нелюдимый», тем больше в его поведении проявляется стратегия избегания.

Стратегию «Бегство избегание» также реализуют респонденты, которые менее других уверены в себе ($r=-0,398^*$, $p < 0,001$). Обратная корреляция указывает на то, что чем меньше человек уверен в себе, тем чаще он использует данную стратегию.

Эта же стратегия имеет взаимосвязь с такой характеристикой как «деятельностный» ($r=0,415^*$, $p < 0,001$). Характеристика «Деятельностный» относится к фактору «Активность», что может говорить об интенсивности реализации данной стратегии в зависимости от оценки человеком себя.

Стратегия «Конфронтация» на уровне тенденции взаимосвязана с «Раздражительностью» ($r=0,243^*$, $p < 0,05$) Чем больше человек воспринимает себя как «раздражительный», тем больше он реализует в поведенческом аспекте стратегию конфронтации, что может приводить к высокой частоте конфликтов в его жизни и повышенному уровню стресса.

Стратегия «конфронтации» также имеет связь с такой характеристикой как «Разговорчивость» ($r=0,282^*$, $p < 0,05$). Интерпретация такой взаимосвязи может выглядеть следующим образом: чем больше человек активен в коммуникации, тем чаще он применяет стратегию «конфронтации» имея возможность опираться на свой коммуникативный навык.

Важно обратить внимание на такое качество человека как «несамостоятельность».

В данном исследовании четко прослеживается, что такое определение себя вызывает 2 основные поведенческие стратегии: «Дистанцирование» ($r=0,252^*$, $p < 0,05$) и «Бегство-избегание» ($r=0,244^*$, $p < 0,05$). Это достаточно тревожный факт, поскольку именно эти две стратегии считаются наименее эффективными стратегиями, которые человека могут приводить к социальной депривации.

Важно сказать, что «Уверенность» приводит человека к более эффективным, адаптивным стратегиям совладания, таким как «Планирование решение проблемы» ($r=0,288^*$, $p < 0,05$)

Более выраженная взаимосвязь с качеством человека «Деятельный» и стратегией «Планирование решение проблемы» ($r = 0,371^*$, $p < 0.001$)

Отрицательная корреляционная связь обнаружена между «черствостью» и «планированием решения проблемы». Таким образом, чем более человек себя интерпретирует как «черствый», тем менее реализуется данная стратегия. Планирование решение проблемы носит характер проблемно-ориентированной копинг стратегии, в то время как черствость как оценочный фактор указывает на «критическое отношение человека к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями личности, на недостаточный уровень принятия самого себя»

Необходимо заметить что «черствость» также имеет еще одну взаимосвязь, которая носит более адаптивный характер: Поиск социальной поддержки» ($r = 0,236^*$, $p < 0.05$)

«Принятие ответственности» как стратегия совладания коррелирует с уверенностью человека в самом себе. ($r = 0,364^*$, $p < 0.01$) Данная взаимосвязь очень важна для дальнейшей разработки исследования, поскольку ключ к формированию адаптивных стратегии совладания может находится в плоскости изменения «Я - образа»

«Самоконтроль» как стратегия показал взаимосвязи на уровне тенденции с «нелюдимостью» связан с такой оценкой себя как «расслабленностью» и замкнутостью, и разговорчивостью, и нелюдимостью. Отрицательная связь наблюдается с показателями нелюдимости и замкнутость, положительная - с расслабленностью и разговорчивостью.

Блок 2. Основывается на взаимосвязи между стратегиями совладания и убеждениями

Здесь важным является тот факт, что выявлена только одна корреляционная взаимосвязь. Планирование решения проблемы и справедливость этого

мира ($r = 0,428^*$, $p < 0.01$)

Блок 3. По результатам корреляционного анализа между базисными убеждениями и оценкой личностных свойств выявлена единичная значимая взаимосвязь между убеждением о «ценности собственного Я» и «справедливостью мира». ($r = 0,289^*$, $p < 0.05$)

Основные выводы:

1. Проведенное пилотажное исследование подтвердило гипотезу о том, что есть взаимосвязь между стратегиями совладания и индивидуальным, субъективным представлением о себе. Подтверждение гипотезы имеет большой практический смысл, поскольку понимание причинно-следственных связи дает возможность варьировать копинг поведение.
2. Качественный анализ результатов показал, что связи между оценочными личностными характеристиками и копинг стратегиями выражены сильнее, чем взаимосвязь между убеждениями и копинг стратегиями. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что все-таки взаимосвязь проявляется больше, когда направленность имеет внутренний, а не внешний характер.

Поскольку исследования проводилось не на клинической выборке, то убеждения можно назвать адаптивными. Адаптивные убеждения внешней направленности имеют меньшую выраженность по сравнению с оценкой личностных свойств и копинг стратегиями.

Благодарности

Автор благодарит за помощь в написании работы научного руководителя доктора псих. наук, профессора Елену Владимировну Куфтяк и кандидата педагогических наук Ларису Львовну Карама за помощь в организации исследования на территории Северо-Западного филиала РАНХиГС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы современной психологии материалы международной научной конференции: Совладающее поведение: аналитический обзор зарубежных исследований / А.Н. Гарбер//г. Челябинск, февраль 2015 г.). — Челябинск: с. 17-19.- материалы Междунар. науч. конференции
2. Крюкова Т.Л. Психология совпадающего поведения: современное состояние, проблемы, и перспективы» // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. - Кострома. 2008 с-
3. Рогачев В.А. Коноплева И.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения сотрудников правоохранительных органов // Медицинская психология в России. 2015. Выпуск №2
4. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал № 29(4), 2007 98 - 106
5. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учеб. пособие для студентов вузов. Москва, 2002. 339 с.

6. Шматова Ю.Е. Динамика статистических и социологических показателей состояния психического здоровья населения России. // Проблема развития территории 2019г. №3 с. 76
7. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. / Самара: «Бахрах-М», 2001)
8. Яковлев М.И. Влияние отношений личности к прошлому, настоящему и будущему на развитие личностного самоопределения специалиста в процессе профессионального становления // Сибирский педагогический журнал. 2009. №4
9. Bartlett F.S. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 374p.
10. Judith. Beck «Cognitiv Therapy» Пер. с англ. - М.: ООО «И.Д. Ви- льямс», 2006. 110 p.
11. Aaron Beck, Arthur Freeman. Cognitive Therapy of Personality Disorders, 1990. 412p.

© Секацкая Екатерина Олеговна (mus-ekaterina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ДЕТСКАЯ ЖЕСТОКОСТЬ, КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

CHILDREN RIGIDITY
AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

N. Ushanova

Summary: The article analyzes scientific research on the psychological characteristics of the formation of child cruelty. Theoretical approaches to the study of the cruelty process are highlighted, the psychological characteristics of child cruelty are described. Aggression and sadism, emotional and behavioral components that form the image of a cruel child, the psychological characteristics of their relationship and the process of their formation are considered.

Keywords: cruelty, aggression, bullying, violence, Rudeness, egoism, indifference, mercy.

Ушанова Наталья Викторовна

Аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
ushanova_nata@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются научные исследования, посвященные психологическим особенностям формирования детской жестокости. Выделяются теоретические подходы к изучению процесса жестокости, описываются психологические особенности детской жестокости. Рассматриваются агрессивность и садизм, эмоциональный и поведенческий компоненты, формирующие образ жестокого ребёнка, психологические особенности их взаимосвязи и процесс их формирования.

Ключевые слова: жестокость, агрессия, буллинг, насилие, грубость, эгоизм, равнодушие, милосердие.

Постановка проблемы

Социальные кризисные процессы, происходящие в современном обществе, разрушительно влияют на психику личности, способствуют развитию тревожности, напряженности, озлобленности, враждебности и, как следствие, жестокости. В связи с этим, в последнее время ученые - представители различных научных отраслей (психологии, социологии, педагогики и т.д.), такие как Б.Г. Ансеньева[1], Г.П. Звездина[5], Г.Р. Чернова [12] и др. обращаются к характеристике понятий, всесторонне раскрывающим феномен жестокости. Не исключением является социальная педагогика, ведущие категории которой (социальное воспитание, социализация, адаптация) связаны и обусловлены этим негативным явлением общественной жизни.

Целью статьи является теоретический анализ психологических исследований, посвященных проблеме формирования и развития детской жестокости.

Основное изложение материала

Для определения особенностей жестокого поведения личности как социально-педагогической категории, необходимо выяснить суть таких понятий, как «жестокость» и «агрессивность», проанализировав их значение и смысл в различных научных областях. Одна из главных проблем в определении этих понятий состоит в разнообразии и многогранности их толкования с точки зрения различных наук.

Научный интерес к проблемам жестокости существенно вырос в последние годы. Проблема жестокого

обращения личности является объектом исследования различных наук: философии, медицины, юриспруденции, психологии, педагогики, социальной педагогики. Анализ научной литературы по проблеме жестокости как личностной характеристики показал, что понятие «жестокость» часто используется как синоним понятий «агрессия» или «насилие», но они не являются тождественными.

Проблема жестокости и жестокого поведения стала рассматриваться как отдельная лишь в конце XX в., что связано с появлением новой науки - вайоленсологии (от лат. Violentce - насилие - наука о насилии), в то время как феномен агрессии исследовали еще в Древнем Китае (Сюн-цзы, Мэн-цзы и другие), считая, что каждый человек имеет «злую природу».

Поскольку феномен агрессии широко изучается в различных научных областях, это привело к возникновению большого количества определений этого явления, которые трудно поддаются сопоставлению и обобщению. В современном понимании «агрессия» (от фр. Agressif - воинственность) - это действие, направленное на причинение морального или физического ущерба другим [4].

В течение прошлых столетий выдающиеся мыслители неоднократно обращались к проблеме человеческой агрессии. В XX в. природу агрессивного поведения исследовал австрийский ученый Фрейд, который считал, что причинами человеческой агрессии являются деструктивные, саморазрушительные импульсы. Это способ переноса врожденной энергии примитивного стремления к смерти на других людей [7]. Одновремен-

но К. Лоренц, исследуя инстинктивное поведение всех живых организмов, считал, что агрессия берет начало, прежде всего, из врожденного инстинкта борьбы за выживание, который естественно присущ человеку, как и любому другому живому существу [9]. Автор предполагал, что этот инстинкт является результатом длительной эволюции и имеет биологическую основу. Однако и Фрейд, и Лоренц придерживались мнения о том, что агрессия по своей природе является инстинктивной и врожденной особенностью каждого человека.

Проведенный анализ научных источников позволяет утверждать, что впервые, в 1939 году в коллективной монографии «фрустрация и агрессия» (Ж. Доллард, Л. Дуб, О.Моурер и др.), агрессия была определена как акт, целевой реакцией которого является нанесение вреда организму [10]. Однако большинство исследователей отказались от такого определения из-за недостаточной основательности и объективности. Так, зоопсихолог Л. Воробьев рассматривал агрессию как специфически ориентированное поведение, направленное на устранение или преодоление всего того, что угрожает физической и (или) психической целостности живого организма [4].

Таким образом, вышеуказанные определения демонстрируют широкую природу агрессии - от обычной самозащиты к умышленным актам нанесения вреда другому.

Н. Чудова [12] употреблял понятие «агрессия» исключительно в отношении поведения, которое связано с самозащитой с ответной реакцией на угрозу, а так выделил «доброкачественную агрессию» и «жестокость». Он выделял два абсолютно разных вида агрессии. Это «защитная, доброкачественная» агрессия, которая способствует выживанию человека, имеет биологические корни и затухает как только исчезает опасность или угроза жизни. Другой вид – «злокачественная» агрессия – это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и определяются различными психологическими и социальными факторами.

Проведенный анализ научных идей позволил выделить ряд признаков, характеризующих агрессию как поведенческое проявление человека. Во-первых, агрессия всегда является целенаправленной, преднамеренным действием, нацеленным на причинение вреда другому. Во-вторых, к агрессивному поведению более склонны те лица, которые имеют внутреннюю готовность к использованию насильственных средств для реализации собственных целей и удовлетворения личных потребностей. Поэтому считаем, что агрессия является первым шагом к жестокости.

Целесообразным для изучения феномена человеческой жестокости является рассмотрение понятия «на-

силие», используемый в различных отраслях знаний, который определяется и исследуется с разных сторон, в соответствии с задачами конкретной науки, особенностей ее предмета и объекта исследования.

И.А. Бабаева рассматривает насилие как социальное явление и определяет его как «умышленное действие, осуществляемое социальной группой или индивидом, которая напрямую связана с нанесением или угрозой нанесения физического, психологического, имущественного ущерба другому лицу»[3]. Однако, такое определение насилия является достаточно противоречивым, ведь тогда деятельность представителей милиции, например, во время ареста виновного и использования в случае необходимости оружия для самозащиты, - нарушение психологического и даже физического состояния виновного, и тогда по вышеприведенному определению, действия милиции можно считать насильственными. В связи с этим, более четким и полным считаем определение А. Гусейнова: «насилие - это такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие - это посягательство на свободу человеческой воли»[6].

Итак, анализ определений понятия «насилие» показал, что оно является более негативным социальным явлением, чем агрессия, формируя основу для возникновения жестокости личности и проявляя в ней негативных личностных черт.

В толковом словаре понятие «жестокий» (относительно человека) определяется «как проявляющий суровость, резкость, немилосердность, ярость, бессердечность, безжалостность; превышающий обычную норму, меру чего-либо; а «жестокость» - как свойство характера личности» [7]. В связи с этим, вполне уместно утверждение о том, что поступки человека обусловлены характером человека. Соответственно более склонными к проявлению жестокости являются те лица, в характере которых четко прослеживается наличие таких качеств как строгость, ярость и тому подобное.

В толковом словаре понятие «жестокий» (относительно человека) определяется «как проявляющий суровость, резкость, немилосердность, ярость, бессердечность, безжалостность; превышающий обычную норму, меру чего-либо; а «жестокость» - как свойство характера личности» [11]. В связи с этим, вполне уместно утверждение о том, что поступки человека обусловлены характером человека. Соответственно более склонными к проявлению жестокости являются те лица, в характере которых четко прослеживается наличие таких качеств как строгость, ярость и тому подобное.

В словаре-справочнике для социальных работников и социальных педагогов понятие «жестокость» опре-

делена как «морально-психологическая черта, которая означает отсутствие сострадания, милосердия, жалости к людям, строгость, бессердечность. Жестокий человек не может иметь проявлений сочувствия к жертве. Проявление жестокости в обращении означает эксплуатацию, издевательство, расправу физически, материально, нанесение ущерба» [10]. Из определения понятно, что жестокость обычно не касается только личности обидчика, а характеризуется как поведение, которое обижает и унижает другого, нанося ему вред. Итак, жестокость личности как личностная характеристика сама по себе не имеет значения, ведь оказывается только по отношению к другому. Следует обратить внимание на специфичность трактовки термина «жестокое обращение» в юриспруденции. Так, представители юридической науки рассматривают «жестокое поведение» как пытки и жестокое бесчеловечное обращение, унижающее достоинство и включает любые формы телесных наказаний, коллективные наказания, взятие заложников, акты терроризма, надругательство над человеческим достоинством, бесчеловечное и оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции, непристойные посягательства в любой форме, рабство и работорговлю во всех формах, ограбления и угрозы совершения любых из перечисленных действий».

Итак, как видим, понятие «жестокости» и «жестокое обращение» с позиции психологической, юридической, социальной, педагогической науки трактуется по-разному на основании различных критериев оценки данного явления. Интерес представляет характеристика этих понятий в социальной педагогике как проявление личностных черт не только взрослых, но и детей как наиболее острую социальную проблему. Так, жестокость определяем как морально-психологическую негативную личностную особенность, характеризующуюся отсутствием гуманности, толерантности, милосердия и сострадания к другим лицам; препятствует налаживанию отношений и взаимодействия людей в обществе. Социально-педагогический аспект жестокого поведения характеризует ее как фактор социального риска, что приводит к углублению социально-психологической и моральной разобщенности, взаимного недоверия и враждебности, грубости и жестокости в межличностном общении.

Проведенный анализ ключевых понятий «агрессия», «насилие», «жестокость», «жестокое обращение» с пози-

ции различных научных отраслей позволил определить соотношение данных феноменов с целью выяснения социально-педагогического аспекта понятия «жестокость».

Установлено, что агрессия как личностная характеристика, психический феномен, присущая всему живому, и насилие как общественное является предпосылками жестокости как социального явления, присущего исключительно человеку, и зависит от него и оказывается как негативные действия по отношению к другому живому существу, которому наносят вред. В жестокости четко прослеживается негативность феномена, который может иметь разные формы проявления в обществе.

Социально-педагогический аспект жестокости в отношении детей позволяет выделить суть понятия, который заключается в пренебрежении интересов личности, которая может проявляться в различных видах и формах, но их результат всегда наносит серьезный ущерб для здоровья, развития ребенка и социализации личности, иногда - угрозу его жизни или даже смерть.

Выводы

1. Теоретический анализ публикаций по теме детской жестокости показал, что на данном этапе развития научной мысли понятие «жестокость» рассматривался комплексно в качестве предмета исследования.
2. Проанализировав публикации и литературу, мы видим, что тема детской жестокости важная, распространенная и актуальная. Жестокость среди детей растет с огромной скоростью.
3. Согласно многочисленным исследованиям, сейчас проявления детской жестокости являются одной из наиболее распространенных форм нарушения поведения, с которыми приходится иметь дело взрослым - родителям и педагогам.
4. Исследователи выделяют следующие факторы жестокого поведения детей: биологически обусловленные (особенности нервной системы), психологические (направленность личности, мотивация, дефекты характера, наличие установок на девиантное поведение, неудовлетворенность базовых потребностей), социальные (нарушение процесса социализации в семье, нарушение направленной деятельности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 томах / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 232 с.
2. Арестова О.Н. Мотивация / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Гуманитарные исследования в интернете / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Можайск-Терра, 2000. – с. 55-76.
3. Айзенк, Г., Айзенк, М. Исследования человеческой психики / Г. Айзенк, М. Айзенк. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 480 с.

4. Воробьева, Е. В. Исследование взаимосвязи принятия агрессии и эмоционального интеллекта / Е. В. Воробьева, М. А. Перков, Д. П. Щетинина // Российский психологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 28- 50.
5. Звездина, Г. П. Проблема формирования мировоззренческой безопасности как средства профилактики экстремизма в молодежной среде / Г. П. Звездина // Российский психологический журнал. – 2010. – № 5-6 – С. 76–80.
6. Зекерьяев Р.И. Психологические особенности коммуникативной деятельности флеймеров и кибербуллеров в интернет-пространстве / Р.И. Зекерьяев // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2018. - №3(13). – с. 66-71.
7. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2006. – №20. – С. 264-280.
8. Лебедева, Н. М. Культура как фактор общественного прогресса / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М.: Юстицинформ, 2009. – 408 с.
9. Подгорная И.С. детская жестокость : основные факторы и особенности / И.С. Подгорная // Вестник ОНУ им. И.И. Мечникова. Психология. – 2014. – №1(31). – с. 251-261.
10. Цариценцева О.П. Факторы детской жестокости (на примере юношеского возраста) / О.П. Цариценцева, Н.Н. Бутрова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – №12. – с. 76-80.
11. Чернова Г.Р. Феномин детской жестокости – М.: «Просвещение». -346 с.
12. Чудова Н.В. Психология агрессии / Н.В. Чудова, Ю.М. Кузнецова. – М.: Издательство ЛКИ – 224 с.

© Ушанова Наталья Викторовна (ushanova_nata@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ АССЕРТИВНОСТИ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Шильцова Юлия Вячеславовна

К.псих.н., доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
j.shiltsova@gmail.com

ACTUALIZATION OF THE STUDY OF ASSERTIVENESS IN ADDRESSING ISSUES OF SOCIAL ADAPTATION OF ADOLESCENTS

J. Shiltsova

Summary: The article considers assertiveness as a quality of personality that allows you to resist the negative social phenomena of our time and adapt in society. Based on the material studied, the main indicators through which one can study the possession of human assertive behavior are identified. Forms have been developed and a thematic plan for training adolescents in a conscious approach and skills of assertive behavior has been presented. As a result of the work (forming experiment), the main indicators of assertive behavior have undergone significant changes in the direction that contributes to the "correct" social adaptation: teenagers' self-esteem, their self-confidence have grown, anxiety and aggressiveness have decreased. Adolescents have acquired skills in understanding life values, their rights and responsibilities, communication skills, and conflict resolution.

Keywords: self-esteem, opposition to manipulation, values, norms, rights, rules, open behavior, effective adaptation.

Аннотация: В статье рассматривается ассертивность как качество личности, позволяющее противостоять негативным социальным явлениям современности и адаптироваться в обществе. На основании изученного материала выделены основные показатели, через которые можно исследовать обладание человеком ассертивным поведением. Разработаны формы и представлен тематический план обучения подростков осознанному подходу и навыкам ассертивного поведения. В результате проведённой работы (формирующего эксперимента) основные показатели ассертивного поведения претерпели значительные изменения в сторону, способствующую «правильной» социальной адаптации: выросла самооценка подростков, их уверенность в себе, снизилась тревожность и агрессивность. Подростки получили навыки понимания жизненных ценностей, своих прав и обязанностей, навыки коммуникации и способов решения конфликтов.

Ключевые слова: самооценка, противостояние манипуляциям, ценности, нормы, права, правила, открытое поведение, эффективная адаптация.

Введение

Проблема социальной адаптации является в современном социокультурном пространстве одной из ключевых в воспитании подростка. Непрерывные социальные конфликты и их отражение в семье, в образовательных и развивающих структурах, состояние «liquid reality» (как определяет нестабильность З. Бауман) [1] создаёт множество препятствий в овладении детьми элементарными нормами и правилами поведения, в понимании социальных ролей, усвоении необходимых форм деятельности, не подверженности так широко сейчас распространённым манипуляциям - основным факторам, способствующих социальной адаптации личности.

Сформированная *ассертивность* как способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, при этом, не нарушая прав других, может способствовать более эффективной адаптации личности подростка в условиях современного социума. Ассертивность в психологических исследованиях понимается как прямое, открытое поведение, способность отстаивать свои потребности, не направленное на причинение вре-

да другим людям, как «интегративная характеристика личности, отражающая её достижения в развитии отношений с другими людьми, дающая возможность эффективно выстраивать своё поведение в зависимости от конкретных условий и в соответствии с принятыми в социуме нормами» [14, С.3].

Ассертивность поведения представляет собой некую «золотую середину» между агрессивностью и пассивностью в поведении человека.

Проблемой исследования, рассматриваемой в настоящей статье является изучение принципов, условий, форм способствующих формированию и развитию ассертивности в условиях образовательного учреждения – средней школы.

Объектом исследования в настоящей статье является ассертивность, как свойство личности подростков. *Предметом* исследования становятся формы развития ассертивности в воспитании социальной адаптации подростков в образовательно-воспитательном процессе средней школы.

Современные исследователи, озабоченные создавшейся ситуацией, подчёркивают, что обладание асертивностью, как социальным свойством личности делает человека сильнее, увереннее в своих убеждениях и соответственно адаптивным к интенсивно меняющимся условиям (Т.В. Антонова, 2004; А.М. Прихожан, 2001; В.Г.Ромек, 1999; Р. Альберти (Alberti, R., 1975); Дж. Вольпе (Wolpe, J., 1958); Р. Васта, М. Хайт и С. Миллер (Vasta, R., Haith, M.M., & Miller, S.A., 1999); Д. Гелдард и К. Гелдард (Geldard, D. & Geldard, K., 1999); С. Риис и Р. Грехам (Rees, S. & Graham, R.S., 1991); М. Потерам, М. Армстронг и К. Бураем (Rotheram, M.J., Armstrong, M., & Booraem, C., 1982) и др.

При создании и реализации специальной программы обучения подростков асертивности, дети усваивают знания о себе, о социальных нормах поведения, учатся анализировать образцы и модели требуемого обществом поведения. Как отмечает Е.А. Сорокоумова (2009) [9] при обучении детей нормам и правилам построения отношений происходит одновременное познание ими «образа мира» и «образа своего Я».

В современном обществе становится очевидным, что необходимо профессиональное сопровождение детей в работе по формированию самосознания, способностей понимать себя и другого человека.

Складывающиеся противоречия между необходимостью формирования эффективной адаптивности детей, как интегративного качества юной личности и очевидной неразработанностью ключевых вопросов механизмов развития адаптивности, побуждает к проведению исследований в сфере развития адаптивной личности и поиску оптимальных способов её воспитания.

Из научных исследований можно выделить следующие компоненты асертивности. На основе анализа работ К. Стьюарта и В. Левиса [7] – высокую самооценку личности; на основе исследований Х. Уолкера и С. Макконнелла [7] – уверенность в себе; на основе работ Дж. Вольпе [2] – низкую тревожность; из исследований и выводов В. Таннера и У. Холлимана [14] – «конструктивную» (низкую) агрессивность.

В процессе нашей работы проведён теоретический анализ сущности и содержания асертивности, охватывающей: когнитивно-смысловые, аффективные и поведенческие компоненты. Формирование асертивности представляется возможным при условии воздействия на каждую из обозначенных сфер.

Рассмотрим специфику работы с каждой из названных сфер. Поскольку когнитивно-смысловой компонент представляет собой ориентирование и адекватную оценку окружающей действительности, в когнитивной сфере личности возможно формирование убеждений, асертивных установок и соответственно жизненной позиции. Ведущим показателем когнитивно-смыслового компонента асертивности является достаточно высокая самооценка.

В эмоциональной сфере представляется возможным формирование открытого выражения своих чувств, мыслей, взглядов «...а также эмоциональная уравновешенность поведения; - асертивная позиция личности субъекта адаптации, включающая независимость, настойчивость, ответственность, способствует направлению агрессии в конструктивное русло, является развивающей, стимулирующей и плодотворной в решении жизненных ситуаций» [13, С.13].

Поведенческий компонент предполагает закрепление асертивных форм поведения, что находит своё выражение в определённых поведенческих умениях и навыках, моделях поведения, позволяющих приспосабливаться к изменяющимся условиям. «Асертивное поведение как основа совладающего поведения обеспечивает использование субъектом адаптации внутренних и внешних ресурсов для разрешения сложной ситуации» [13, С.13]. Изученный материал и проведённый его анализ позволяет заключить, что для формирования асертивности требуется разработка стратегий и специальной программы, в которой системно и последовательно внедряются способы, позволяющие развивать асертивные компоненты и качества.

«Обучение асертивности удовлетворяет условиям формирования эффективной социальной адаптации. Асертивность влияет на показатели социальной адаптации ребёнка., асертивность представляет собой один из психологических механизмов развития социальной адаптации...» [13, С.14].

Исследовательская работа

Исходя из представленных теоретических положений, было начато исследование учащихся в двух классах: дети в возрасте 12-13 лет всего 63 человека. Один из классов был обозначен как контрольный (31 человек), а второй как экспериментальный (32 человека), в котором проводилось специально подготовленным психологом-педагогом поступенчатое обучение навыкам асертивности. Для эксперимента разработана специальная программа, целью которой стало формирование асертивности как развития её ведущих компонентов: высокой самооценки, уверенности в себе, снижения тревожности, конструктивной (низкой) агрессивности и умений «правильной коммуникации». В комплексе с обозначенными компонентами следует развитие конструктивных навыков общения, организация на принципах гуманистической психологии взаимодействия между подростками и взрослыми. Основными руководящими принципами гуманистической педагогики в проводимой работе являлись: принятие других такими, какие они есть; стремление к взаимопониманию, к пониманию интересов других людей; создание безопасности и поддержки.

Психолог-педагог в лекционной и практической

формах представляла детям инструменты – психологические средства, обеспечивающие их личностное развитие: понимание самих себя, своих потребностей; понимание других людей; закономерности общения. Психологические средства представлены в формах теоретических занятий (лекции), практических (тренинги) и

деловой игры.

Курс экспериментального обучения был рассчитан на 18 часов дополнительных занятий в первой и второй четвертях 2019 года: 6 часов лекционных занятий, 11-тренинги, 1-«деловая игра».

Таблица 1.

Тематический план

	Лекции	Тренинги	Задания для самостоятельной работы
1.	Ассертивность – качество человеческой личности; духовно-нравственная категория		
2.		Обучение навыкам ассертивного поведения	Припомнить или придумать жизненные ситуации, в которых необходимо проявить навыки ассертивного поведения
3.	Социальные ценности в современной жизни; понимание смысла собственной жизни; социальная безопасность.		Рассмотреть особенности личностных ценностей человека
4.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Работа с ситуациями, где необходимы навыки ассертивного поведения
5.	Самооценка; самоактуализирующаяся личность		Рассмотрение ситуаций с проявлением моральных принципов и прав ассертивного человека.
6.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Рассмотрение ситуаций с проявлением самоактуализации личности
7.	Взаимоотношения подростков и взрослых. Подключение родителей к обучению навыкам ассертивного поведения.		Рассмотрение ситуаций с проявлением взаимоотношений взрослых и подростков
8.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Рассмотрение ситуаций с проявлением качеств взаимопонимания, милосердия, взаимопомощи
9.	Взаимоотношения в коллективе сверстников: преодоление агрессии.		Рассмотрение ситуаций с проявлением взаимоотношений в коллективе сверстников
Этап промежуточного контроля			
10.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Рассмотрение ситуаций с проявлением ситуации преодоления агрессивного поведения
11.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Описать качества ассертивного человека и охарактеризовать значимость этих качеств
12.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Охарактеризовать ответственность как необходимое качество личности
13.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Охарактеризовать внешние проявления ассертивного человека
14.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Охарактеризовать атмосферу, которую ассертивный человек может создавать в кругу своих сверстников
15.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Может ли ассертивный человек изменить свою точку зрения под влиянием аргументов?
16.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Как защитить себя от нечестных и корыстных манипуляций?
17.		Закрепление навыков ассертивного поведения	Охарактеризовать основные функции ассертивного поведения личности. Что представляет собой социальная зрелость личности?
18.		Деловая игра: противостояние позициям манипуляторов.	
Диагностический этап «Деловая игра»			

Согласно представленного плана, работа по формированию навыков асертивного поведения началась со второй недели сентября 2019 года по согласованию с администрацией школы, коллективом педагогов и родителями.

По завершении первого полугодия бы проведён диагностический этап, который позволил выявить результаты эксперимента. Изучение изменений в поведении учащихся проводилось на основании следующих показателей: развития самооценки; развития уверенности в себе; снижения тревожности; снижения агрессивности.

Изучение самооценки проводилось на основании теста по методике (опроснике) Р.В. Овчаровой [5]. Перед началом практической работы были продиагностированы все учащиеся двух классов.

Таблица 2

Показатели самооценки в % в начале констатирующего эксперимента

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	10	63	27
контрольный	13	69	18

На этапе промежуточного контроля показатели самооценки в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	30	45	25
контрольный	14	69	17

Уровни самооценки в экспериментальном классе поднимались достаточно медленно до высокой и средней. На завершающем этапе формирующего эксперимента появились достаточно выпуклые результаты работы с учащимися.

Таблица 3.

Показатели самооценки в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	60	35	5
контрольный	17	70	13

Уровни самооценки в экспериментальном классе до высокого и среднего значительно поднялись. По методике В.Г. Ромека [8] определены показатели уровней уверенности в себе.

Показатели уверенности в себе в % в начале констатирующего эксперимента.

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	12	60	28
контрольный	15	69	16

На этапе промежуточного контроля показатели уверенности в себе в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	39	36	25
контрольный	15	69	16

Уровни самооценки в экспериментальном классе поднимались достаточно медленно до высокой и средней.

На завершающем этапе формирующего эксперимента появились достаточно высокие результаты работы с учащимися.

Показатели уверенности в себе в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	63	33	4
контрольный	17	70	13

Уровни уверенности в себе в экспериментальном классе до высокого и среднего значительно поднялись. В контрольный группе отмечены совсем незначительные изменения, которые можно объяснить влиянием образовательного процесса на повышение самосознания подростков и соответственно повышения их самооценки и уверенности в себе.

Далее исследованы уровни тревожности по методике Ч.Д.Спилбергера [10].

Таблица 4.

Показатели уровня тревожности в % в начале констатирующего эксперимента

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	10	50	40
контрольный	12	50	38

На этапе промежуточного контроля показатели уровня тревожности в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	7	43	50
контрольный	12	47	41

На завершающем этапе формирующего эксперимента появились достаточно высокие результаты работы с учащимися.

Показатели тревожности в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	3	17	80
контрольный	12	47	41

В результате работы в экспериментальной группе замечено значительное снижение уровня тревожности. Показатели тревожности в контрольной группе остались прежние.

В исследовании такого показателя как агрессивность нами были использованы методики опросника «Агрессивность» А.И. Крупнова [4], опросник «Самооценка форм агрессивного поведения (модифицированный вариант А.Басса-Дарки)».

Таблица 5.

Показатели уровня агрессивности в % в начале констатирующего эксперимента

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	15	47	38
контрольный	18	50	32

На этапе промежуточного контроля показатели уровня агрессивности в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	10	55	35
контрольный	12	56	32

На завершающем этапе формирующего эксперимента появились достаточно высокие результаты работы с учащимися.

Показатели агрессивности в %

классы	Уровни самооценки		
	Высокий	Средний	Низкий
экспериментальный	5	20	75
контрольный	12	38	50

Заключение

В настоящей статье рассматриваются результаты проведённого эксперимента по формированию асертивного поведения подростков 12-13 лет. Представлены основные составляющие асертивного поведения подростков, через исследование которых видится возможным выявить результаты работы согласно представленного в статье тематического плана теоретических и практических занятий, позволяющих объяснить многие вопросы проблематики социальной адаптации в современных условиях. Перед началом эксперимента были изучены теоретические и практические материалы по проблематике асертивности, был разработан тематический план и материалы работы с учащимися (тексты, ситуации для анализа, вопросы). На основных этапах эксперимента были отмечены показатели уровня самооценки, уверенности в себе, снижения тревожности и снижения уровня агрессивности до конструктивной (т.е. необходимой).

Во время чтения лекций и проведения практических занятий был отмечен значительный интерес учащихся к решению проблемных ситуаций, связанных с социальной адаптацией, отмечено желание учащихся принимать участие в психологических играх, стремления к пониманию многих сложных вопросов, старания измениться в лучшую сторону. Кроме тестовых обследований, были использованы методы наблюдения, констатации отдельных замеченных изменений, бесед с участниками эксперимента, их родителями и учителями-предметниками – это послужило дополнительным материалом для выводов:

- асертивность, как качество личности, способность убедительно отстаивать свои права без ущемления прав других, как способность открыто выражать своё мнение, как позитивная открытость и настойчивость представляет собой сложное образование, содержащее следующие компоненты; когнитивно-смысловой, аффективный и поведенческий. Самооценка представляет собой ключевой параметр асертивности в поведении личности. Уверенность в себе и низкая (нормальная) тревожность является ключевым компонентом аффективного компонента. Конструктивная (низкая, необходимая) агрессивность представляет собой ключевое звено поведенческого компонента;
- направленная на формирование в экспериментальной группе обозначенных компонентов асертивности программа, как показывают данные на констатирующем и формирующем этапах эксперимента, представляется достаточно эффективной, поскольку разработанные и проведённые занятия с подростками выпукло представляют результаты формирующейся асертивности;
- проведённые согласно программы теоретические и практические занятия с подростками способствовали развитию таких компонентов асертивности, как достаточно высокий уровень самооценки и уверенности в себе, снижение уровней тревожности и агрессивности;
- уровень самооценки позитивно коррелирует с уровнем уверенности в себе и отрицательно коррелирует с снижением тревожности и агрессивности;

Таким образом, проведённое исследование показало, что умения решать вопросы коммуникации и взаимодействия с окружающим миром – асертивное поведение подростков позволяет существенно повысить их социальную адаптацию. Участвовавшие в эксперименте подростки высказали своё желание и далее получать навыки социальной адаптации в дополнительном образовании в школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман, З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240с.
2. Вольпе, Дж. На пути к созданию научной психотерапии // Эволюция психотерапии / Дж. Вольпе. – 1998. Т.2. Москва: НФ «Класс». – 272с.
3. Каппони, В. Новак, Т. Сам себе психолог / В. Каппони, Т. Новак. – СПб. Питер. 2001. – 224 с.
4. Крупнова, А.И. Сборник научных статей, посвященный 70-летию А.И. Крупнова. – М.: РУДН, 2009. – 269-277 с.
5. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства / Р.В. Овчарова. - М., Институт психотерапии. – 2003. – 319 с.
6. Реан, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.
7. Роджерс, К. Консультирование и психотерапия / К. Роджерс. Перевод с англ. / К. Роджерс. – М., 2005. – 98 с.
8. Ромек, В.Г. Понятие уверенности в себе в современной социальной психологии / В.Г. Ромек // Психологический вестник Ростовского государственного университета, Выпуск 1, Часть 2. Изд-во РГУ, 1996. – С.132-146.
9. Сорокоумова, Е.А. Возрастная психология: краткий курс / Е.А. Сорокоумова. – Изд.: Питер. 2009. – 208 с.
10. Ханин, Ю. Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера / Ю.Л. Ханин – Л., 1976. – 18 с.
11. Харламенкова, Н. Е. Самоутверждение подростка / Н.Е. Харламенкова. – М. : ИП РАН, 2007. – 384 с.
12. Шильцова, Ю.В. Ассертивность как механизм социальной адаптации дошкольников/ Ю.В. Шильцова. Научное издание. LAP, Lambert Academic Publishing GmbH&Co.KG. Saarbruken, 2012. – 172 с.
13. Шильцова, Ю.В. Ассертивность как один из психологических механизмов развития социальной адаптации у детей старшего дошкольного возраста. Автореферат канд. дисс. психол. наук/ Ю.В. Шильцова. –М. 2012. –22с.
14. Alberti, R. & Emmons, M. (1982). Your perfect right: A guide for assertive living. California: Impact, San Luis Obispo. –178 p.

© Шильцова Юлия Вячеславовна (j.shiltsova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Шматова Елена Викторовна

Аспирант, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»
helenavic@mail.ru

CONCEPTUAL AND THEORETICAL DEFINITION OF SELF-REALIZATION

E. Shmatova

Summary: The article substantiates the problem of conceptual definition of self-realization in the history of psychology and philosophy. Studying the research of the process of self-realization, by scientists of different cultures and worldviews, determined the need to formulate and solve the following tasks: highlight the main approaches defining self-realization; to reveal trends in the concepts of definitions and research by scientists of personality self-realization, to analyze the common and different meanings in the definitions of self-realization, on the basis of the material studied, to create a generalizing conceptual-theoretical definition of personality self-realization.

Keywords: definition of personality self-realization, theoretical meaning of self-realization, connection between self-realization and motivation, personality needs, personal effectiveness, self-realization.

Аннотация: В статье обоснована проблема концептуального определения самореализации в истории психологии и философии. Изучение исследований процесса самореализации, учёными разных культур и мировоззрений, определила необходимость постановки и решения следующих задач: выделить основные подходы к определению самореализации; раскрыть тенденции в концепциях определений и исследований учеными самореализации личности, проанализировать общее и отличающиеся значения в определениях самореализации, на основе изученного материала, создать обобщающие концептуально-теоретическое определение самореализации личности.

Ключевые слова: определение самореализации личности, теоретическое значение самореализации, связь самореализации и мотивации, потребности личности, личностная эффективность, самоактуализация.

Понятие «самореализация» используется в науке очень давно. Оно активно изучается как педагогами, так и социологами, философами и психологами. Но однозначного определения самореализации так и нет, как и нет описания концепта самореализации, четкого описания факторов, влияющих на самореализацию.

Рассмотрим несколько подходов к определению самореализации.

I. Подход к определению самореализации личности, с точки зрения привычек, согласно философии Канта и Дьюи.

И. Кант охарактеризовал человека как социальное существо, которое принадлежит одновременно двум мирам: феноменальному, - чувственно воспринимаемому и причинно-следственному миру явлений, и noumenal, - свободно- нравственному миру. Основы моральной философии, данные Кантом в «Критике практического разума» [3], где показано, что моральный закон и нравственность есть фундамент морального поведения человека, его стремлений и цели.

Сюда же можно отнести и концепцию Дьюи, «импульс и разум» [8], являющиеся второстепенными по отношению к привычке, которую можно рассматривать только как систему убеждений, желаний и целей, которая формирует-

ся во взаимодействии биологических способностей с социальной средой, создавая моральный опыт личности.

II. Фрейдистский подход, с точки зрения инстинкта и стремления к удовольствию.

По Зигмунду Фрейду, самореализация рассматривается как инстинктивный процесс «стремления к удовольствию» [2]. Имеет свою основу в бессознательном слое человеческой психики. Этому инстинкту потребности в самореализации, противостоят навязанные обществом требования культуры нормы, традиций, правил и т.д., основная функция которых состоит в цензуре бессознательных, подавленных инстинктивных потребностей

III. Подход юнгианский, с точки зрения познания и понимания себя.

Карл Юнг включает самореализацию в процесс индивидуализации, которая ставит одной из главных задач жизни человека - стремление человека стать собой, понять, познать себя, стать гармоничной личностью.

IV. С точки зрения открытости опыту и мотивации, Гольдштейна и Роджерса.

Концептуальное оформление идея самоактуализации впервые получила в работах Гольдштейна.

Гольдштейн считал, что организмом движет актуализировать заложенные в нем возможности. Способности реализовать собственную «природу». Удовлетворение любой потребности, которая стала ведущей, служит для самореализации всего организма в целом.

Согласно его размышлениям, самоактуализация является основой развития и совершенствование организма, творческая тенденция человеческой природы. Так как люди имеют различный внутренний потенциал и окружение, то различаются и цели и пути их самореализации.

Гольдштейн отдавал предпочтение сознательным мотивам, обозначая бессознательное как фон, в который вступает сознательное и из которого оно возникает, по мере необходимости для самореализации.

Согласно К. Роджерсу, процесс самореализации происходит при открытости человека внутреннему и внешнему опыту, «...при осознании всех его сторон, путем ясного восприятия и адекватной символизации человеком своих выборов, проверки своих гипотез, различения им прогрессивного и регрессивного поведения» [4].

Из множества сформировавшихся или не полностью сформировавшихся возможностей организма, как мощный компьютер, выбирают ту, которая наиболее точно удовлетворяют внутреннюю потребность, или ту, которая устанавливает более эффективные отношения с миром, которая открывает более простой и удовлетворяющий человека способ восприятия жизни.

Карл Роджерс исходил из идеи, что развиваться по направлению к самореализации может человек только самостоятельно. Никто не может его в этом направлении подталкивать.

Роджерс рассматривал стремление к самореализации как квинтэссенцию всего того, что можно связать со словом «мотивация».

V. Подход к определению самореализации Маслоу, с точки зрения личного потенциала, целей, потребностей.

Дискуссии о сущности самореализации личности в гуманистической психологии в основном сводятся к понятию «потребность». Маслоу возводит самореализацию в ранг мета- потребностей, высших ценностей, то есть в разряд духовных потребностей как ценности высшего порядка.

Он подчеркивает, что человек отличается от всех остальных живых существ способностью к ценностной самоактуализации и даже потребностью в ней.

К характеристикам самореализации А. Маслоу добавляют «...создание своей личности в процессе свободного выбора путем принятия решений, способствующих личностному росту» [9]. Этим самым он пытается расширить экзистенциальные границы человека.

Маслоу приводит следующие характеристики самореализованных людей: более эффективное восприятие реальности, принятие себя, других и природы, непосредственность, простота и естественность, собранность, независимость, потребность в уединении, автономия, свежесть восприятия, вершинные переживания, общественный интерес, глубокий межличностные отношения, демократический характер, разграничение средств и целей, чувство юмора, креативность, сопротивление окультуриванию.

VI. Подход к определению самореализации Фромма, с точки зрения личной продуктивности.

Представление о самореализации содержит и в работах Э. Фромма. Прежде всего, под истинной человеческой ориентацией, Фромм понимает ориентацию на бытие, как на продуктивное использование личностью своих способностей к единению с миром. По его мнению, самореализация присуща каждому человеку и предполагает наличие продуктивной активности. Самореализация, по Фромму, имеет социально- детерминированный характер.

Фромм отмечает, что человек отличается от животного тем, что ставит целью выйти за пределы непосредственных и утилитарных запросов. Хочет знать не только то, что необходимо ему для выживания, но и стремится познать смысл жизни и сущность своего истинного Я . Неотъемлемый атрибут самореализации – «продуктивная самореализация», предполагает «быть» вместо «каяться» и «иметь» («обладать») [6].

VII. Подход к определению самореализации с точки зрения влияния внешнего фактора.

Если представители гуманистической психологии видят источник саморазвития, самоактуализации человека в нём самом, в его существующих потребностях, то представители других научных направлений отдают предпочтение внешним детерминантам. Автор теории «экологической самоактуализации», Юрг Вилли, полагает, что личность может сама себя реализовать только тогда, когда находится во взаимодействии с внешним миром, окружающими. Мартин Бубер настаивает на том, что необходимым условием раскрытия и актуализации личности, является наличие «Другого».

VII. С точки зрения пережитых травм и социальных установок Л.В. Миллера (2014), Л.А. Коростелевой (2000).

Ещё одна позиция, рассмотрение самореализации с точки зрения пережитых человеческих травм. Долгосрочная травма может стать хронической природой и заставить личность отойти от активной самореализации.

Психологические травмы возникают под влиянием тяжелых ситуаций и случаев, которые наносят ущерб состоянию разума. В исследованиях этих ученых отмечается, что негативные последствия таких ситуаций приводит к доминированию адаптивной энергии, в отличие от энергии самореализации, а индивидум тратит свою энергию не на самореализацию, а на адаптацию.

Результаты проведенного в данной работе теоретического анализа концепции самореализацией, позволяют сформулировать следующие

Выводы:

1. Понятие самореализации в современной науке находится в стадии изучения и разработки. Общепринятого определения термина, в научной литературе нет. Необходимо дальнейшее глубокое эмпирическое и теоретическое исследование данной темы.
2. На особенности самореализации личности влияет огромное количество внешних и внутренних, способствующих и препятствующих реализации, факторов. Общая закономерность состоит в том, что в каждом человеке природой заложен внутренний потенциал, особенности реализации которого, в течение жизненного пути, зависит от реакции человека на внешнее воздействие. К потенциалу и особенностям личности, можно перечислить следующие характеристики:
Направленность личности - мотивы и потребности в творчества (мотивы самоактуализации) и

ценностных ориентаций личности.

Качества индивидуальности - способностей личности являющейся важнейшим фактором (фундаментом) самореализации.

Опыт личности- способствуют или препятствуют самореализации личности, это не только непосредственный опыт, но установки пережитой травмы.

Отношение к себе - представляет собой элемент самосознания личности. Оно включает в себя понимание своих возможностей, которое выражается в осознании своих возможностей, талантов, призвания, особенного предназначения.

Влияние социальных факторов определяет, какие из заложенных природой возможностей человека будут развиты и реализованы, какие нет... То, в какой мере они будут развиты, зависит также от внутренних факторов, внешних условий среды и взаимодействия между собой.

3. Существует самые разные виды и уровни самореализации. Высший уровень самореализации соответствуют критериям удовлетворённости и продуктивности (полезности) самореализации как для личности, так и для общества.

В связи с вышеизложенным, можно прийти к следующему определению самореализации:

Самореализация – процесс реализации человеком заложенных в него возможностей и, одновременно с этим, процесс разностороннего развития человека. Под возможностями мы понимаем задатки, способности, имеющиеся у человека, его ценности и интересы. Самореализация, как процесс, предполагает удовлетворение человеком своими достижениями в различных видах деятельности, собой как Личностью и своими взаимоотношениями с людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.scilib.com/>
2. Зигмунд Фрейд. Психология бессознательного. <https://profilib.net/chtenie/75994/zigmund-freyd-psikhologiya-bessoznatelnogo.php>
3. Иммануил Кант. Критика практического разума. 1788. Кант, Иммануил, Сочинение в шести томах. М., Мысль, 1965. (филосов. наследие). Т.4 ч.1. с. 311-501
4. Роджерс, К. К науке о личности. // История зарубежной психологии 30-60 гг XX в) [Текст]. М.: Издательство Московского Университета, 1996
5. Роджерс, К. Несколько важных открытий // Гуманистическая персональная психология [Текст]: Хрестоматия/созд. К.В. Сельченко. / К. Роджерс :- Мн. Хорвест, М.: АСТ 2015.
6. Фромм Э. Психоанализ и Этика (основы гуманистической характерологии) [Текст] /Э. Фромм –М. 1993.
7. Юнг К.Г. Архетип и Символ. <http://knigosite.org/library/read/45737>
8. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. Пер. с англ Н.М. Никольский-. Совершенство, 1997
9. Леонтьев Д.А. Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу // Вопросы психологии-1987. <http://www.voppsy.ru>
10. М. Бубер. Я и ты. М.: Высшая школа, 1993.
11. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере.- СПб.: Изд-во «Речь», 2005.

© Шматова Елена Викторовна (helenavic@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СОВМЕСТИМОСТИ ПРИНЦИПОВ СЛЕДЯЩЕГО КАПИТАЛИЗМА С ОСНОВАМИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Климович Александр Павлович

Финансовый Университет при Правительстве РФ,
Липецкий Филиал
allexgut@gmail.com

ON THE COMPATIBILITY OF THE PRINCIPLES OF SURVEILLANCE CAPITALISM WITH THE FOUNDATIONS OF A DEMOCRATIC SOCIETY

A. Klimovich

Summary: This article analyzes the term of surveillance capitalism proposed by S. Zuboff, and provides a brief description of the causes of the phenomenon indicated by this term. The principles of surveillance capitalism are considered, the mechanisms underlying its basic functioning are examined. The contradictions between the principles of surveillance capitalism and the foundations of a democratic social order are revealed. The procedure of transition from the technique of surveillance and collection of behavioral information to the technique of manipulating social behavior is considered. The topic of the concentration of knowledge and the related emergence of a new type of power - instrumental power is highlighted. The issue of the spread of discursive practices and the influence on them of the processes associated with the development of surveillance capitalism is considered. The main directions of counteraction to the negative effects associated with the onset of the era of surveillance capitalism are presented.

Keywords: surveillance capitalism, behavioral surplus value, instrumental power, big data, artificial intelligence, discursive practices.

Аннотация: В данной работе проводится анализ предложенного Ш. Зубофф термина следящего капитализма, делается краткое изложение причин возникновения явления, обозначенного этим термином. Рассматриваются принципы следящего капитализма и исследуются механизмы, лежащие в основе его функционирования. Выявляются противоречия между принципами наблюдающего капитализма и основами демократического общественного устройства. В статье изучена процедура перехода от техники наблюдения и сбора поведенческой информации к технике манипулирования социальным поведением. Освещена тема связи концентрации знаний с возникновением нового типа инструментальной власти. Рассмотрен вопрос распространения дискурсивных практик и влияния на них процессов, связанных с развитием наблюдающего капитализма. Выводятся направления противодействия негативным эффектам, связанным с наступлением эпохи следящего капитализма.

Ключевые слова: следящий капитализм, поведенческая прибавочная стоимость, инструментальная власть, большие данные, искусственный интеллект, дискурсивные практики.

Кремниевая долина

Для понимания феномена успеха Кремниевой долины прежде всего следует рассмотреть пример компании Google, которая наиболее точно отражает суть технологических преобразований, приведших современный мир к глобальной цифровой трансформации. Всего за несколько лет Google из небольшого стартапа превратился в цифрового гиганта, влияние которого очень скоро вышло за рамки технического новаторства и отразилось в экономическом, политическом, научном и культурном измерениях. С самого начала основателями была заявлена амбициозная миссия - «организация мировой информации, обеспечение её доступности и пользы для всех». [1] Организаторы компании обращали внимание не только на техническую сторону продукта, но и на важность взаимодействия с обществом. Это определило высокие стандарты корпоративной этики внутри компании, а также и ее имидж в публичном пространстве. В 2011 году Google была признана компанией с наилучшей репутацией в США, опередив Microsoft, Sony и другие компании. Однако секрет

успеха компании был обусловлен не новым корпоративным стандартом и даже не разработкой уникальных технических решений, которые, безусловно, имели место. Решающим фактором, благодаря которому удалось опередить конкурентов, стало открытие новой экономической модели развития. Руководству компании удалось применить принципиально иную логику, отличную от той, что лежала в основе классической модели капитализма 20 столетия. Так ознаменовалось начало новой экономической эры, которую американская исследовательница, экономист, Шошона Зубофф назвала эрой **сле- дящего или наблюдающего капитализма** (Surveillance capitalism). [2]

Каждая новая экономическая логика и ее коммерческая модель обнаруживаются в определенное время в определенном месте, затем, распространяясь, совершенствуется в процессе применения на практике. Изобретение массового производства в начале 20 века позволило уменьшить себестоимость продукта и обеспечить его доступность и широкомасштабный спрос. Классическим примером применения такой логики

было открытие массового производства автомобилей. В результате оптимизации процесса цена автомобиля была снижена настолько, что всего трехмесячной зарплаты рядового рабочего завода Форд было достаточно, чтобы приобрести собираемую им на этом заводе Т-Модель. [3] Низкая цена привела к рекордному спросу, сделав эту модель самым продаваемым автомобилем в мире. Менее чем за 10 лет с заводских конвейеров в США сошло более 15 млн. экземпляров. [4] Открытие Фордизма и Тейлеризма стало образцом внедрения новой экономической логики, сформировавшей капитализм массового производства 20 столетия. Подобным образом в начале 21 века в Кремниевой долине была открыта экономическая логика, потеснившая классический принцип массового производства с вершины олимпа прибыльности. Построенная на производстве продукта, основанного на сборе данных, эта логика легла в основу бизнес модели компании Google, ставшей пионером эпохи следящего капитализма.

В интервью Джону Нотону из издания «Гардиан» Зубофф назвала 2001 год, годом, когда был изобретен наблюдающий капитализм. По ее словам, именно тогда началась точка отчета новой эпохи. Поначалу предложенная руководством компании модель в первую очередь решала проблему потери доверия акционеров, возникшую в связи с общей ситуацией на рынке доткомов. По мере усиления давления инвесторов основатели Google были вынуждены отказаться от своей задекларированной ранее антипатии к рекламе. Вместо этого они решили увеличить рекламный доход, используя свой эксклюзивный доступ к пользовательским данным для генерирования прогнозов кликов пользователей. [5] Реклама Google оказалась более эффективной, чем практически любая другая реклама в Интернете, поскольку она была связана с поисковыми запросами. Поисковые запросы, поставляя информацию о поведении, обеспечили преимущество в качестве таргетирования. Изобретением стало открытие метода продаж этой информации, на основе онлайн-аукциона. Цена за клик стала рассчитываться в соответствии с вероятностью того, что пользователь действительно нажмет на рекламу. [6] В такой системе расчетов рекламодатель по факту начал платить не за показ рекламы, а за переход на свой, рекламируемый ресурс. Естественно, что многие рекламодатели по достоинству оценили новый принцип, и охотно переориентировали свои бюджеты в рекламу на поисковой платформе. Хела Вариана, шефа по экономике Google, называют «Адамом Смитом из Googlenomics» и «крестным отцом» его рекламной модели. Тогдашний генеральный директор, Эрик Шмидт, назвал первое исследование Вариана о рекламных аукционах компании моментом, когда они осознали истинную природу бизнеса Google: «Мы неожиданно осознали, что занимаемся аукционным бизнесом». [7]

Первая модель ценообразования была основана на «кликах», ключевым показателем качества в которой стал коэффициент, прогнозирующий клики пользователей по определенному поисковому запросу. Следующим шагом стало расширение модели за пределы поисковой страницы и превращение всего Интернета в основу целевой рекламы. Эта реклама, таргетируемая на контент, основанная на запатентованных методах Google, получила название AdSense. В компании быстро осознали прогнозирование как точную количественную науку о предсказаниях поведения, назвав ее «физикой кликов». [8] Именно успехи в этой науке стали фундаментом беспрецедентного роста рыночной капитализации компании. Приоритеты реинвестирования Google сместились с простого улучшения услуги в области предоставления информации на создание и институционализацию самой глубокой и технологически продвинутой операции поиска ресурсов таргетинга, которую когда-либо видел мир. Этот поворот ясно отражен в зарегистрированном в 2004г. патенте под недвусмысленным названием «Генерация пользовательской информации для использования в целевой рекламе». [9] Таким образом, Google решил переориентировать свою бизнес-модель, в которой анализ поведения в Интернете, производимый всеми доступными средствами ради рыночного преимущества, вышел на первое место. В этой новой парадигме пользователь больше не был самоцелью, а стал средством достижения целей других людей.

Внедрение новой бизнес модели Google привело к значительному прорыву, который ярко иллюстрируется экономическими показателями. В 2002 году выручка компании выросла до 347 миллионов долларов США, спустя год, в 2003 году поднялась до 1,5 миллиарда долларов США, а еще через год, в 2004 году, когда компания стала публичной, достигла 3,5 миллиардов долларов США. Применение аукционной модели продажи рекламы позволило меньше чем за четыре года увеличить рыночную капитализацию компании на 3950%. [10] В 2016 году 89% доходов материнской компании Alphabet приходилось на целевые рекламные программы Google. [11] В 2017 году система обрабатывала в среднем 40 000 поисковых запросов в секунду - это более 3,5 миллиардов поисковых запросов в день и 1,2 триллионов поисковых запросов в год. В сентябре 2017 года рыночная стоимость компании оценивалась в 649 млрд. долларов. К началу 2020 года суммарная стоимость акций компании Alphabet (головной компании Google) оценивалась цифрой более 1,2 триллиона долларов США.

Открытие ценности информации о поведении стало критическим поворотным моментом не только в собственной биографии Google, но и для всех глобальных игроков наблюдающего капитализма. Лишь с не-

большим отставанием новая логика начинает использоваться и крупнейшей социальной сетью Facebook. Генеральному директору Марку Цукербергу было понятно, что миссию компании «соединить каждого со всем миром» невозможно реализовать с помощью услуги, за которую люди должны платить, поэтому компания оказалась перед необходимостью поиска иного способа финансирования. В марте 2008 года Цукерберг принял на работу бывшего исполнительного директора Google Шерил Сэндберг. Примечательно, что в Google она как раз возглавляла развитие новой методологии наблюдающего капитализма, разрабатывая и внедряя ряд инструментов бизнеса онлайн-рекламы. По мнению ее коллег, именно Шерил создала AdWords - платформу бизнес модели Google. [12] Сэндберг проницательно разглядела в Facebook социальную сеть, которая была потрясающим источником данных, необходимых для создания системы сбора поведенческой информации. Она хорошо понимала, что благодаря хитрому манипулированию культурой Facebook, основанной на близости и общении, можно будет не только использовать информацию о поведении для удовлетворения спроса, но и для его создания. Facebook очень быстро освоил механизм сбора и обработки пользовательского поведения. Особенно сильным инструментом было наличие кнопки «мне нравится», а с 2010 года дальнейшее расширение функционала для целей таргетированной рекламы позволяло передачу в систему социальной сети информации о деятельности из других доменов. [13] Сбор информации о поведении пользователей осуществлялся бесперебойно; акционеры компании были щедро вознаграждены. В 2017 году Financial Times оценила увеличение продаж на 71%. Информация была подана под заголовком «Facebook: признак истинного величия». С двумя миллиардами активных пользователей в месяц рыночная стоимость компании выросла почти до 500 миллиардов долларов. В первом квартале 2017 года Facebook занимал седьмое место в рейтинге 100 ведущих компаний мира. Еще годом ранее его не было в списке вообще. [14] Во втором квартале 2017 года почти каждый заработанный доллар поступил от рекламы (в большей степени мобильной). Реклама составила 9,2 из 9,3 млрд. [15]

Еще одним ярким примером, в котором роль сбора информации о поведении имеет центральное значение, является облачный цифровой помощник Cortana. Рекламная стратегия, направленная на пользователей программного продукта, выстроена на том, что Cortana знает о пользователе больше, чем он сам. «Я так много знаю о тебе и поэтому могу помочь больше, чем ты ожидаешь. Я вижу паттерны твоего поведения, которых не видишь ты. Вот в чем моя магия». [16] Появление новой операционной системы Microsoft Windows 10 в июле 2015 года показало, насколько серьезно компания относилась к созданию и обеспечению маршрутов по-

ставок данных для формирования поведенческой информации. Сбор данных откровенно декларируется в самой бизнесмодели продукта. «Сегодня Cortana знает о вас, вашей компании и окружающем мире. В будущем Cortana узнает все о вашей профессиональной сети и поделится с вами новой идеей развития. Вы всегда на шаг впереди». [17]

Вскоре после открытия модели следящего капитализма, сразу ряд компаний осознал экономический потенциал новой методологии. В первую очередь к сбору поведенческих данных подключились телекоммуникационные и кабельные компании. Постепенно в круг охотников за данными вовлекаются все больше отраслей и участников. Интернет вещей (IoT), индивидуальная медицина, автономное вождение - это лишь некоторые примеры массовой охоты за поведенческими данными. В современном мире наблюдающего капитализма большие данные стало принято называть «новой нефтью» по аналогии с тем, что именно нефть была основой строительства крупного капитала прошлого столетия.

Принципы следящего капитализма

Информация о покупательском поведении с давнего времени использовалась для улучшения и оптимизации продукта. В эпоху массового производства спрос измерялся на основе данных о действиях клиентов. Анализ покупательского поведения определял, производство каких товаров следовало увеличить, а каких, напротив, стоило сократить, и служил источником понимания, какие качества товаров полезны, а какие не востребованы рынком.

С момента, когда технически стало доступно хранение и обработка больших данных, возник потенциал вывода использования поведенческой информации за границы области оптимизации продукта. Применение искусственного интеллекта для обработки больших данных открыло возможности не только всестороннего анализа, но и прогнозирования покупательского поведения. По определению Зубофф, наблюдающий капитализм основан на преобразовании человеческого опыта в данные о поведении, которые декларируются собирающими их компаниями как запатентованные. Из этих данных при помощи искусственного интеллекта изготавливаются прогнозы поведения, которые на вероятностной основе предсказывают, что вы будете делать в будущем. [18] Массовая реализация прогностического продукта потребовала создание рынка нового типа, который Зубофф называет рынком поведенческих фьючерсных контрактов. Экономика быстро отреагировала на появление новой ценности, и капиталистическая система начала стремительно перестраиваться, создавая новые модели, основанные на включении стоимости информации о поведении, в

свои активы. Собираемые данные стали представлять собой новые средства производства, способные создавать прогностический продукт на основе поведения пользователя. Теперь, собрав, сохранив и обработав эту информацию, из нее можно извлечь предиктивную ценность, основанную на предсказании поведения.

Предлагаемый американской исследовательницей термин **«поведенческая прибавка»** (Behavioural Surplus) определяется в качестве экономической сущности, обладающей стоимостью, которую сами капиталисты склонны тщательно скрывать. Подобно тому, как во времена становления капиталистической системы марксистский анализ раскрыл суть прибавочной стоимости, современная ситуация требует глубокого осмысления экономической сути поведенческой прибавки и осознания её значения в современном мире. Поведенческая прибавка превратилась в ценный товар, который стал определяющим моментом эпохи следящего капитализма. Модель компании Google основана на сборе «дополнительных данных», которые извлекаются из каждого поиска, производимого в настоящем, анализа следа, оставленного в прошлом и в конструировании прогноза на будущее. Новая модель капиталистического накопления, использует человеческое поведение, а в действительности человеческую природу в качестве сырья. Поведенческая прибавка превратилась в изменяющий всю экономическую игру актив с нулевыми затратами, который переключил приоритет компании с «улучшения качества поиска на беспрецедентно сверхприбыльный рыночный обмен». [18] Основываясь на нулевой себестоимости поведенческой информации, инвестиции логичным образом стали все больше ориентироваться на параметр увеличения количества пользователей. Для реализации этой цели на рынок был выведен широкий спектр «бесплатных» сервисов, благодаря которым уже в скором времени Google оставил своих конкурентов далеко позади. В действительности уровень прибыльности, который стал возможен в Google, после открытия **поведенческой прибавочной стоимости**, был настолько велик, что привел к фактической монополии в веб-поиске. Таким образом мы можем видеть, как рыночная востребованность прогностического продукта привела к созданию поведенческой стоимости, а бесплатный доступ к сырью, необходимому для создания этого продукта, обеспечил сверхприбыльность и как следствие агрессивный характер роста спонсов и объемов сбора поведенческих данных.

Охота на поведенческие данные в скором времени достигла беспрецедентного масштаба. Ларри Пейдж, один из основателей Google, описывая перспективы развития IT индустрии, делает акцент на центральной роли сбора информации о поведении. «Люди будут генерировать огромные объемы данных. Все, что вы когда-либо видели, испытывали или слышали, будет доступно для поиска. Вся ваша жизнь будет доступна для поиска». [19]

В эпоху следящего капитализма сбор данных получил новое назначение и стал использоваться в качестве базовой архитектуры извлечения прибыли. Так если Google - это «поисковая компания», то почему она активно инвестирует в устройства для умного дома, индивидуальную медицину и технологии автономного вождения? Если Facebook - это социальная сеть, почему компания работает над разработкой дронов и дополненной реальностью? Такое разнообразие областей инвестирования привлекает внимание наблюдателей, но обычно объясняется как мотивированное ставкой на отдаленное будущее. Однако фактически действия, которые кажутся разнообразными и даже разбросанными по случайному выбору отраслей и проектов, являются одной и той же деятельностью, направленной на одну и ту же цель: захват рынка поведенческих данных. Преследуемая компаниями цель всегда одна и та же: получение информации для извлечения поведенческой прибавочной стоимости. Интересно, что на вопрос, почему Google предлагает линейку из 150 «продуктов», генеральный директор Эрик Шмидт сказал: «Вы можете воспринимать это и как критику, и как стратегию. В действительности целью компании является удовлетворение клиента. Лучший ответ на этот вопрос будет звучать так: у Google есть главный продукт - удовлетворенность клиентов». [20]

Скорее всего, так оно и есть, однако следует учесть, что действительные клиенты компании - клиенты рекламы, которые платят за прогнозы Google. Так как в процессе извлечения поведенческой прибавочной стоимости пользователь выступает всего лишь как средство для поставки данных и не требуется никакой денежной платы за его использование, то главной стратегической целью акторов наблюдающего капитализма становится борьба за монополию пользовательского сырья.

История мобильной операционной системы Android - показательный пример борьбы за захват рынка сбора поведенческих данных. Google бесплатно предоставил лицензию платформы Android производителям смартфонов в обмен на предустановку на их устройствах поискового сервиса и других своих приложений. Показательно, что в июле 2018 года компанию обвинили в нарушении антимонопольного законодательства. Еврокомиссия наложила на техногиганта рекордный штраф около 5 млрд. долл. По заявлению еврокомиссара по вопросам конкуренции Маргрет Вестагер (Margrethe Vestager), компания Google использовала платформу Android как инструмент для достижения доминантного положения своей поисковой системы. [21]

Поведенческая парадигма инструментальной власти

Итак, настоящим продуктом, производимым Google, является не декларируемая компанией услуга поиска

информации, а результат деятельности, который Google создает в действительности, - предсказания о нашем поведении. Этот товар IT гигант поставляется не нам, а своим реальным клиентам, мы же являемся объектами, из которых Google получает сырье для своих фабрик прогнозирования. Интеллект машины, а следовательно, и качество его предсказаний, напрямую зависит от того, сколько данных он поглощает в процессе обучения. В этом отношении новые средства производства принципиально отличаются от традиционно изготовленного продукта of-line, для которого существует напряжение альтернативы между параметром количества и качества. Сосредоточив ресурс на одном, неизбежно приходится жертвовать другим. Модель наблюдающего капитализма позволяет снять это напряжение, синтезировав оба параметра. Чем большее количество поведенческих данных используется для обучения алгоритмов, тем выше качество предлагаемого продукта. Точная оценка вероятности клика для рекламного объявления оказывает решающее влияние на прибыль от поисковой транзакции. Увеличение точности предсказания всего на доли процента, в таком производстве может принести сотни миллионов долларов дополнительной прибыли. Чем точнее предсказание, тем ниже риск для покупателя и тем выше продажи. В процессе формирования такого продукта пользователь оказывается средством достижения целей других людей. Суть этой модели заключается в том, что прибыль извлекается путем трансформации нашей жизни в поведенческие данные, предназначенные для того, чтобы предсказательные системы могли лучше контролировать нас. С самого начала продукты прогнозирования были в основном направлены на продажу целевой рекламы. Но, как оказалось позднее, реклама была только началом проекта наблюдения, а не целью. Изобретенная Фордом модель массового производства, первоначально примененная в автомобилестроении, очень скоро была использована в других сферах экономики. Точно так же, новая система прогнозирования, разработанная для рекламного бизнеса, оперативно была распространена на целый ряд других доменов IT индустрии.

К. Маркс назвал приватизацию природных ресурсов причиной, которая привела к «первоначальному накоплению капитала». [22] По аналогии с присвоением природных ресурсов приватизация поведенческой стоимости приводит к концентрации капитала в цифровую эпоху. Человеческий опыт, осознанный в качестве «поведения», отчуждается от источника, его производящего, и присваивается при помощи механизма, конституируемого наблюдающим капитализмом. Знание, авторитет и власть консолидируются в руках собирающих поведенческую информацию компаний, для которых пользователь является лишь ресурсом, производящим данные. Результатом этой концентрации является то, что наблюдающий капитал, приобретая все больше возмож-

ностей, использует находящиеся под его контролем автоматизированные машинные процессы не только для прогнозирования пользовательского поведения, но и, в конечном итоге, для его формирования. Масштаб сбора поведенческих данных претерпевает значительный сдвиг от фиксации пользовательской веб-активности к сканированию всего жизненного пространства человека. Без такого расширения масштаба, например, уже немислимо конкурентное развитие технологий интернета вещей или области индивидуальной медицины.

Архитектура повсеместного мониторинга становится хорошо оснащенной системой для широкомасштабного вмешательства во все сферы человеческой жизни. Именно в связи с активацией техник поведенческого анализа и применением машинного обучения с так называемыми **технологиями подталкивания** можно говорить о слиянии методологий обработки данных и поведенческих наук. Теория подталкивания - это концепция поведенческой экономики, которая была придумана экономистом Ричардом Талером и ученым-правоведом Кассом Санстейном и описана в изданной в 2008 г. книге «Nudge. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье» (Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness). Под подталкиванием понимают метод влияния на поведение людей, не прибегая к ограничениям и возможностям выбора. Подталкивание направлено на формирование решения, которое спроектировано внешним воздействием и не является волеизъявлением самого индивидуума. [23] Реалии сегодняшнего дня таковы, что специалисты в области обработки данных, работающие над решением задач, связанных с **экономикой действий**, считают вполне допустимым овладение искусством цифрового подталкивания во имя коммерческих интересов своей компании. Этические претензии в адрес механизма подталкивания в доцифровую эпоху обычно отклонялись по причине их патерналистских намерений. Авторы теории подталкивания высказывались за так называемый «либертарианский патернализм», сочетавший методологию классического патернализма с идеями либерализма. В целом признавалось, что подталкивание через подсознание человека манипулировало его поведением, но делалось это во имя блага самого человека, обеспечивая ему более долгую и безопасную жизнь. [24]

В эпоху следящего капитализма подталкивание может принимать гораздо более зловещую форму. Не регулируемое законодательно и не контролируемое правительством, встроенное в сложную архитектуру алгоритмического кода интеллектуальных устройств, подталкивание становится основой для создания новой науки о крупномасштабной модификации человеческого поведения. [25] Вооруженная машинным интеллектом технология подталкивания представляют собой гораздо более могущественную силу для манипулирования

поведением в политических, социальных и экономических интересах, чем в доцифровую эпоху.

Несмотря на то, что наблюдающий капитализм нацелен на контроль и модификацию человеческого поведения, было бы неверным отождествлять его с тоталитарными режимами 20-го века. Тоталитарная власть реализуется с помощью непосредственного прямого давления на личность. Внутренняя жизнь каждого формируется постоянной, персонифицированной угрозой наказания. Анонимного, скрытого воздействия недостаточно для перманентного поддержания атмосферы страха, которая является базовым условием осуществления тоталитарного правления. Напротив, наблюдающий капитализм не интересуется нашими сознательными представлениями о власти, не обладает желанием участвовать в трудоемком стиле правления, основанном на формировании дисциплинарного страха, характерном для тоталитарных режимов.

В отсутствие исторического прецедента Зубофф развивает понятие **инструментальной власти**, суть которой заключается в «использовании поведения в качестве инструмента для достижения целей модификации, монетизации и контроля». [26] Поведение человека становится все более важным знанием, которое инструментальная власть использует для наиболее эффективного решения задачи прогнозирования. Парадигма поведенческих наук, поставившая перед собой задачу преобразовать скрытое естество человеческого желания в научный факт, была предложена бихевиоризмом. Этот эпистемологический режим был выявлен достаточно давно, однако новые технологии позволили сделать применение этой парадигмы заметно более эффективным. Одним из влиятельнейших представителей этого направления является американский ученый Беррес Фредерик Скиннер. Вместо объяснений поведения человека на основе индивидуальных процессов Скиннер предложил интерпретировать действие человека как функционально зависимое от наблюдаемых внешних раздражителей. Разработанная им методология перевела исследование поведения из разряда гипотетических теорий в разряд эмпирически подтвержденных, научно обоснованных экспериментов. Поведение можно предсказать и контролировать при помощи организации среды, в которую вовлечен организм. При этом нет необходимости изучения внутренних механизмов, которые не поддаются выявлению в результате эксперимента. С точки зрения Скиннера, идеи свободы и автономии являются в определенном смысле «вводящими в заблуждение». [26] Они якобы ложно связывают поведение человека с организующим влиянием внутреннего мира. В бихевиористском подходе методология влияния на индивидуум смещается от стратегии построения человеческого духа к стремлению формирования его действия. При установлении инструментальной власти

это определяет переход государственной политики, нацеленной на утверждение индивидуальной свободы и ответственности, к политике, более узко ориентированной на изменение внешнего проявления.

С приходом возможности широкомасштабного использования поведенческих данных уходят в прошлое старые теории, построенные на методологии поиска причин, объясняющих почему что-то может или не может произойти. Им на смену приходят новые методы, предсказывающие то, как люди будут действовать. Теперь становится неважным, какие именно причины вызывают эти действия, важно, что возникает возможность предсказать их исход с небывало высокой степенью точности. [27]

Крис Андерсон, главный редактор издания Wired, в известном размышлении о «Конце теории» в 2008 году высказался о влиянии прикладной математики Google на большие поведенческие данные: «Каждой теории, касающейся человеческого поведения, от лингвистики до социологии, следует забыть таксономию, онтологию и психологию. Важно не то, почему люди делают то, что делают. Важно то, что появилась возможность отслеживать, измерять и предсказывать то, что они будут делать с беспрецедентной точностью». [26]

В доцифровую эпоху отсутствие инструментов, позволяющих осуществить контроль и обработку социально-экономической действительности, заставляло правительства действовать в русле неолиберального мировоззрения, используя рынки для обеспечения устойчивого функционирования. Поскольку участники только свободного рынка могли позволить ему функционировать так, как он должен, свобода становилась залогом экономического успеха и стабильности. Успех инструментальной власти опирается на факт, что она действует в режиме стабильности. Опасность заключается в том, что теперь стабильность не обязательно обеспечивается наличием либеральных рынков, основанных на свободе. Свобода перестает быть гарантом устойчивой экономики. Данных, собираемых наблюдающими капиталистами, может оказаться вполне достаточно для того, чтобы предсказания поведения обеспечили бесперебойную работу экономической системы. Может показаться, что инструментализм представляет собой гораздо меньшую угрозу либеральным ценностям и социальным институтам, чем цифровой тоталитаризм, появляющийся, например, в современном Китае. Однако, несмотря на его очевидную совместимость с либеральными нормами, инструментализм разрушает демократию изнутри, пожирая человеческие возможности и самопонимание, необходимые для поддержания демократической жизни. Тем самым, его обманчивая невинность может представлять собой дополнительную опасность.

Дискурсивные практики в эпоху больших данных

Следует отметить, что угроза демократическим институтам, исходящая от применения технологий, усматривалась и в доцифровую эпоху. Критический анализ, предпринятый М. Хоркхаймером и Т. Адорно [29] и в особенности Г. Маркузе, [30] вскрыли механизмы деструктивного действия технического прогресса на общество. В процессе модернизации одним из важных механизмов, способствующих сохранению демократического общества, по мнению Ю. Хабермаса, должно стать обеспечение открытого публичного пространства, формируемого дискурсивными практиками. [31] В этой связи целесообразно рассмотреть, какое влияние на формирование таких практик оказывает следящий капитализм.

Начнем с того, что рассмотрим вопрос с теоретической точки зрения. Наблюдающий капитализм основан на поиске паттернов поведения и использовании их для прогнозирования дальнейших действий. Если полученное таким методом описание является лишь упрощенно-редуцированной версией поведения человека, в реальности действующего иррационально, то возникает вопрос, насколько это предсказание может быть успешным в процессе формирования поведения путем внешнего влияния? В данном случае можно говорить о так называемом поведенческом парадоксе: если человеческая природа изначально непредсказуема, то как удастся свести поведение человека к управлению машинным интеллектом? Применительно к технологии сбора поведенческой информации это выглядит следующим образом. Как только человеку становится известен факт предсказания, возникает новая ситуация, не сводимая к совокупному объему данных, собранных на основе предыдущего поведения. Перед человеком предстает новый список фактов, и его реакция остается открытой для выбора. Поэтому для успешной манипуляции поведением, факт предсказания должен быть выведен из-под осознанного внимания индивидуума, а внешнее воздействие должно оказываться через подсознательный канал восприятия. Становится еще более понятным стремление следящих IT платформ организовать систему наблюдения таким образом, чтобы исключить вовлечение критического осознания самих наблюдаемых. Ведь в противном случае, прогностический эффект, скорее всего, будет сведен к нулю.

Рассматривая вопрос о формировании дискурсивных

практик с практической стороны, прежде всего стоит обратить внимание на фактор скорости развертывания следящего капитализма. Цифровое господство, изменяя весь знакомый уклад вещей, устанавливается с опережением еще до того, как у нас появилась возможность обдумать и принять решение. Небывалая скорость развития технологий сбора и обработки поведенческих данных открывает необычный формат прикладного утопизма. В отличие от его традиционной версии, когда между теоретической декларацией утопии и ее практическим воплощением существует временной промежуток, позволяющий сформироваться критическому дискурсу и разностороннему осознанию. Техники наблюдающего капитализма имеют тенденцию быть развернутыми, прежде чем в обществе возникнет социальное понимание последствий их применения.

Таким образом, реализация дискурсивных практик в процессе развития цифровых технологий осложнена по меньшей мере двумя причинами:

Во-первых, дискурсивные практики основаны на информированности и вовлеченности всех сторон в предмет дискурса. В случае цифровых технологий эффект асимметрии распределения знания приводит к затруднению установления дискурсов, построенных на коммуникативном действии. Вместо этого коммуникативное действие замещается стратегическим, при этом логика понимания уступает логике эффективности, которая при необходимости может оправдывать и применение механизмов манипулирования. [32]

Во-вторых, сказывается фактор скорости развития цифровых технологий. Дискурсивные практики, построенные на коммуникативном действии, реализуются со скоростью овладения человеком сути и понимания предмета, в отличие от сверхскоростей, которые характерны для разворачивания современных методов обработки данных.

В целом можно отметить, что опасность инструментализации жизненного мира, описанная Хабермасом в контексте критической оценки влияния технологий на современное общество, имеет место и в цифровую эпоху. Эту критику, безусловно, следует распространить и на технологии обработки поведенческих данных, с той разницей, что с приходом наблюдающего капитализма эффект от негативных последствий становится еще более угрожающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корпоративная информация Google. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://about.google/intl/ALL_ru/.
2. Shoshana Zuboff. Das Zeitalter des Überwachungs-Kapitalismus. 2018. Campus Verlag GmbH Frankfurt New York. ISBN 978-3-593-50930-3. Die amerikanische Ausgabe: The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. 2019 bei Public Affairs, New York.
3. Joachim Hirsch, Roland Roth: Das neue Gesicht des Kapitalismus. Vom Fordismus zum Post-Fordismus. VSA, Hamburg 1986.

4. FORD MODEL T STARS IN THE DESIGN MUSEUM TANK. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.carpages.co.uk/ford/ford-model-t-07-04-08.asp>
5. The Guardian. J.Naughton. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2019/jan/20/shoshana-zuboff-age-of-surveillance-capitalism-google-facebook>
6. Peter Coy. The Secret To Google's Success [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2006-03-05/the-secret-to-googles-success>
7. Steven Levy, Secret of Googlenomics: Data-Fueled Recipe Brews Profitability. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.wired.com/2009/05/ner-googlenomics/>
8. Interview Eric Schmidt and Jonathan Rosenberg, How Google Works [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3tNpYpcU5s4&feature=youtu.be&t=3287>
9. Generating user information for use in targeted advertising. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://patentimages.storage.googleapis.com/3a/d3/a0/6a40089c5bc051/CA2552181A1.pdf>
10. Amendment No. 9 to Form S-1 Registration Statement Under the Securities Act of 1933 for Google Inc., Securities and Exchange Commission, 18. August 2004. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1288776/000119312512025336/d260164d10k.htm>
11. Selected Financial Data for Alphabet Inc., Form 10-K, Commission File, United States Securities and Exchange Commission, 31. Dezember 2016 [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1652044/000165204417000008/goog10-kq42016.htm>
12. David Kirkpatrick, The Facebook Effect: The Inside Story of the Company That Is Connecting the World. New York: Simon & Schuster, 2011. S.257.
13. WO2011097624 - Communicating Information In A Social Network System About Activities From Another Domain. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2011097624&tab=PCTBIBLIO>
14. Global Top 100 Companies by market capitalisation 31 March 2016 update. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.pwc.com/gr/en/publications/assets/global-top-100-companies-by-market-capitalisation.pdf>
15. MENLO PARK, Calif., Feb. 1, 2017 /PRNewswire/ -- Facebook, Inc. (NASDAQ: FB) today reported financial results for the fourth quarter and full year ended December 31, 2016. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://investor.fb.com/investor-news/press-release-details/2017/Facebook-Reports-Fourth-Quarter-and-Full-Year-2016-Results/default.aspx>
16. Here's What Really Makes Microsoft's Cortana So Amazing [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://time.com/3960670/windows-10-cortana/>
17. Microsoft LinkedIn Conference Call Chris Suh, Satya Nadella, Jeff Weiner, Amy Hood, Brad Smith Monday, June 13, 2016. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.microsoft.com/en-us/Investor/events/FY-2016/microsoft-linkedin.aspx>
18. Shoshana Zuboff. Das Zeitalter des Überwachungs-Kapitalismus. 2018. Campus Verlag GmbH Frankfurt New York. S.23
19. Douglas Edwards. I'm Feeling Lucky: The Confessions of Google Employee Number 59. 432 pages Published 2011 by Houghton Mifflin Harcourt. P. 339.
20. Ken Auletta, Googled: The End of the World as We Know It. New York: Penguin, 2010, Kindle, P.1105–1113
21. Экономическая правда. Монополист Google: можно ли спрятаться? [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.epravda.com.ua/rus/publications/2018/07/27/639078/>
22. Karl Marx, Das Kapital: Kritik der politischen Ökonomie. Karl Marx, Friedrich Engels, Werke, Bd. 23. Berlin: Dietz, 1962. S. 777ff.
23. Richard Thaler, Cass Sunstein: Improving decisions about health, wealth and happiness. Yale University Press. 2008, 304 P. P. 6.
24. Rhys Jones, Jessic Pykett, Mark Whitehead. Changing Behaviours: On the Rise of the Psychological State. Edward Elgar. 2013, 232 P.
25. Shoshana Zuboff. Das Zeitalter des Überwachungs-Kapitalismus. 2018. Campus Verlag GmbH Frankfurt New York. S.335
26. Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. London: Jonathan Cape.1972. 240 Pages.
27. Pentland, Alex, Social Physics: How Good Ideas Spread-the Lessons from a New Science, New York, NY: The Penguin Press, 2014. 320 Pages.
28. Anderson C. The end of theory: The data deluge makes the scientific method obsolete. Wired. 2008. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/>
29. Max Horkheimer, Theodor W. Adorno. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Fischer.1988. 288 Seiten.
30. Herbert Marcuse. Der eindimensionale Mensch: Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft. Klampen & Johannes GbR. 2014. 296 Seiten.
31. Jürgen Habermas. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Suhrkamp Taschenbuch.1995. 607 Seiten S 130.
32. Климович А.П. Рационализация модернизирующихся обществ и дискурсивные практики нормативного регулирования. Вестник Воронежского государственного Университета Серия: Философия, 2019, № 3, Июль – Сентябрь. С. 11 <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philosophy/2019/03/2019-03-01.pdf>

© Климович Александр Павлович (allexgut@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИМВОЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

SYMBOLISM AS A PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC BASIS OF THE "SILVER AGE" CULTURE

N. Kovalenko

Summary: This work is devoted to analysis of the Foundation of human society – the beginning of spiritual. In society there is increasing recognition of the idea that developed in the different epochs of Russian history, eminent philosophers, scientists and writers, that without the recognition of Absolutes, ideals and moral prohibitions, without following the universal norms and principles, and most importantly, without the idealization and the symbolization of sticking to the past in everyday life, it is impossible for spiritual revival and moral purification of society and the individual. Thus, come together ideas about spiritual, moral, and religious - Orthodox and symbolic in philosophical outlook, artistic and aesthetic culture.

Keywords: spirituality, moral values, Russian religious philosophers, symbol, symbolism, spiritual culture.

Коваленко Наталья Геннадьевна

*к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
nataly6707@mail.ru*

Аннотация: Данная работа посвящена анализу фундамента человеческого общества – началу духовному. В социуме всё большее признание приобретает мысль, развивавшаяся в разные эпохи российской истории выдающимися философами, учеными и писателями, что без признания абсолютов, идеалов и нравственных запретов, без следования общечеловеческим нормам и принципам, а главное, без их идеализации и символизации, неукошительного следования последним в повседневной жизни, невозможно духовное возрождение и нравственное очищение общества и личности. Таким образом, соединяются воедино представления о духовно-нравственном, религиозно-православном и знаково-символическом в философском мировоззрении и художественно-эстетической культуре.

Ключевые слова: духовность, нравственные ценности, русские религиозные философы, символ, символизм, духовная культура.

Русские религиозные философы – от славянофилов и В. Соловьева до С. Франка, С. Булгакова, Г. Флоровского, П. Флоренского и других – были глубоко убеждены в том, что в основе фундамента человеческого общества заложено начало духовное. Саму духовность они рассматривали как важнейшую особенность, как символ русской национальной культуры. Общество в состоянии переходности, по их мысли, теряет веру и духовные ориентиры. Духовность в самом широком общефилософском смысле представляет собой особый социальный и культурный феномен, сущность которого состоит в совокупности проявлений духа в мире и человеке. Так это трактуется в философской антропологии и такой ее разновидности как христианская духовная антропология [1]. В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде нравственно-этических ценностей и моральных норм, духовных практик, и проявлений творческих возможностей сконцентрированных, как правило, в религиозных учениях и художественных образах искусства. В рамках такого подхода, проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью, а также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе церковной проповеди, просветительской деятельности, идейно-воспитательной и патриотической работы. Современный автор Ю.А. Жданов пишет, осмысливая историю разви-

тия России и её ведущую духовную ценность – русскую литературу как сердцевину отечественной культуры: «Русская культура – это прежде всего духовность, а духовность – это устремлённость ввысь, к небу. Выше неба нет ничего. Небо рождает богов. Боги определяют наше мировоззрение. Небо – это дух созидающий, придающий смысл человеческому существованию. Русская культура – это величие духа. Русскую культуру можно постичь только целостно: сердцем и головой одновременно. Это не лёгкое дело. Чтобы понять русскую культуру, надо быть самому одухотворённым» [2; С.6]. Такие проникновенные слова человека, отдавшего половину своей жизни культуре и образованию, очень много значат для россиянина. В них сосредоточена всеобъемлющая мысль о великой миссии России, её значимости не только для живущих в ней, но и для других народов и их культур. Русскую литературу создавали люди, обладающие огромной силой воли, духа, любви к людям, к жизни. Они были истинными христианами, познавшими глубокие законы формирования ценностей духовного мира человека.

В теоретико-философской трактовке феномен духовности рассматривается в первую очередь в социокультурном значении. Как пишут сибирские социальные философы, духовность, это «система устойчивых связей человека и общества...способ организации и существо-

вания **ценного** (выделено – авт.) начала в содержании общечеловеческого бытия. Выполняя роль универсальной общественной ценности и неперемennого элемента социокультурной жизни, духовность анализируется в контексте социальных трансформаций» [3; С.169]. То есть в понимании духовности философия также ориентирует внимание исследователя на ценностную составляющую духовности, на ее место и роль в духовной жизни общества.

Духовная жизнь человечества как правило символически противопоставляется и корреспондируется с культурой материальной. Их гармоническое единство и является собственно культурой. Э.С. Маркарян, один из ведущих российских философов-культурологов пишет: «Символизация, будучи одним из важнейших атрибутов культуры, может быть должным образом осмыслена лишь в том случае, когда будет пролит свет на процесс происхождения культуры как целостного феномена» [4].

Если под материальной культурой понимается предметно-физический мир культуры (средства труда, жилище, одежда, обработанные руками человека природные вещества и объекты), то в качестве культуры духовной выступают те явления, которые связаны с сознанием, с интеллектуальной, а также с эмоционально-психологической деятельностью человека. Это в первую очередь язык, а также обычаи и традиции, моральные нормы и нравственные ценности, верования и знания, искусство и т.д. [5]. Такое понимание культуры духовной пришло в отечественную практику из немецкой литературы в XIX веке. Среди английских и французских эволюционистов того периода подобное деление на материальную и духовную культуру было также хорошо распространено. Так, Э. Тайлор в своей знаменитой работе «Первобытная культура» отчетливо подразделяет культуру на две части – «материальную» и «умственную», подразумевая под последней идеи, обычаи, мифы, воззрения и верования [6], то есть основные составляющие духовной жизни.

Отечественные философы, социальные аналитики в дореволюционный период, а также в постреволюционные годы в зарубежном изгнании, широко обращаются к понятию «духовная культура»; оно у них тесно соотносено с духовной основой общественного бытия. В работах русских авторов конца XIX – первая половина XX века термин «духовная культура» переплетается с такими понятиями, как «духовная жизнь», «сфера духа», «духовное обновление» и др. Во всех указанных понятиях сфера и сущность духовности связывается с объективной, надындивидуальной реальностью, которая символически укоренена в сердце человека, открываясь ему через внутреннее усилие и мистический опыт. Это – реальность Добра, Красоты, Истины и в конечном итоге реальность Бога.

В настоящее время всё большее признание приобретает мысль, развивавшаяся в разные исторические эпохи выдающимися российскими умами, что без признания абсолютов, идеалов и нравственных запретов, без следований общечеловеческим нормам и принципам, а главное, без их идеализации и символизации невозможно духовное возрождение и нравственное очищение общества и личности. Таким образом, соединяются во единое представления о духовно-нравственном, религиозно-православном и знаково-символическом.

Русские мыслители заложили основы мировоззренческого символизма. Одним из столпов русской духовной культуры является выдающийся отечественный философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900). С его именем связано появление в России целостного самобытного религиозно-философского мировоззрения. Философия всеединства Соловьева представляет собой яркий пример системы «метафизического синтеза» и подчинена требованию символического универсализма, который выступает новой насущной культурной задачей. С.Н. Булгаков видит в его философии уникальный опыт «универсального синтеза» философии, религии и социальной практики. Характеризуя российское общество начала XX столетия, общество – больное революцией, Булгаков говорит: «Современное сознание, разорванное, превращенное в обрывок самого себя в системе разделения труда, не перестает болеть этой своей разорванностью и ищет целостного мировоззрения, которое бы связывало глубины бытия с повседневной работой, осмысливало бы личную жизнь, ставило бы ее *sub specie aeternitatis*... Между тем, при всем богатстве знаний и развитии науки, современная мысль представляет **картину внутреннего распада и бессилия** (выделено – авт.). Те элементы, которые нормально должны находиться в гармонии, теперь враждуют между собою или находятся в состоянии взаимного отчуждения: положительная наука заподозривает метафизику в нарушении своих прав, метафизика вместе с наукой в том же заподозривает религию, а практическая жизнь идет своим порядком, независимо как от той, так и другой» [7; С.389]. Преодоление этой разорванности между сферами должного (идеального) и действительного бытия осуществляется, по мнению Булгакова, в системе метафизики Соловьева.

Еще одна черта соловьевской философии, отмечаемая многими исследователями и ставшая символической для современной мировой культуры, – это универсализм, проявившийся и в онтологии Соловьева (учение о Всеединстве), и в гносеологии, и в аксиологии, и в историософии, и в философии культуры. Большинство западных исследователей творчества Соловьева отмечают его открытость католицизму и европейской культуре, а также характерную для его философской мысли тенденцию духовного сближения Востока и Запада. Этот

синтез, по Соловьеву, должен быть основан на твердой вере в единые духовные и символические константы Восточного и Западного христианства и в то, что разделения православной и католической церквей *de jure* не было. Универсализм Соловьева нашел отражение также и в его социально-философских воззрениях: мессианизм для философа побеждает национализм, поскольку определяется как поиск и выполнение нацией своей уникальной (особой) исторической задачи в **общем деле** преодоления социальных противоречий и формирования универсального человечества. Символический принцип универсализма с особой силой акцентируется в учении Соловьева о Богочеловечестве, представляющем собой особое духовное единство Абсолюта и человечества. Учение о Богочеловечестве стало одной из наиболее известных тем публичных (лекции) выступлений Соловьева.

Универсализм с точки зрения Соловьева выступает важным свойством культуры, которая рассматривается философом как интегральная форма социально-исторического бытия человечества, синтезирующая в себе: общемировоззренческие принципы и установки с совокупностью способов практического воспроизводства социального пространства. Культура, воплощающая в себе духовное всеединство мира, призвана служить средством приобщения изменчивых конкретно-исторических проявлений бытия личности и человечества к идеальной сущности мира. Именно в культуре происходит актуализация духовной природы человека – рождение личности, также как метафизические основания бытия обретают и социальные общности вплоть до человечества.

Многие исследователи соловьевского творчества [8], [9], [10], [11] [12] указывают на два «гносеологических корня» его философии, исходящих из учения о цельности знания. Н.А. Бердяев писал о философе: «Мистик и схоластик-рационалист вечно боролись в Соловьеве» [13; С.363]. В соловьевском понимании познавательными началами, формирующими мировидение человека, являются разум и вера, предлагающие два пути к достижению истины – рациональный и мистический. Если разум раскрывает имманентное, предлагая схему объяснения, метод описания и принцип классификации объекта, то есть действуя согласно предписаниям научного исследования, то вера посредством мистического опыта и духовного напряжения позволяет преодолеть границы имманентного (действительного) и обнаруживает в нем присутствие трансцендентного (сверх-действительного) начала.

Именно вера, по Соловьеву, открывает их единство, подлинная природа которого может быть познана только соединением рациональной деятельности и интуиции. Согласно такой гносеологической концепции, формируется и вся философская система Соловьева:

построение универсальных рациональных схем имеет сверхрациональное основание и базируется на вере в изначальное единство природного, социального и божественного. Это и есть сущность концепта «всеединство». Идея всеединства – это не просто символ человеческой культуры, это идеальное представление о безусловно правильной человеческой культуре, культуре, которая не противопоставляет человека ни природе, ни самому лучшему и разумному, что и должно быть для человека божественным и природным. Еще одну характерную черту философской мысли Соловьева исследователи определяют, как практическое качество, порожденное его теоретическим идеалом «всеединства». Это стремление не ограничиваться чисто умозрительными построениями, «выйти из теоретической отвлеченности, школьной замкнутости и заявить верховные права в деле жизни» [14; С.114]. Критика «отвлеченных начал» и интерес к вопросам «практической» философии лежали в основе всей философской системы Соловьева.

В рамках теоретической мысли конца XIX века Соловьев завершает разработку и осмысление таких основополагающих культурфилософских понятий, как: «культура», «цивилизация», «культурно-исторический тип», «нация», «национальная идея», «всечеловечество», чем готовит почву для отечественных культурологических и исторических исследований начала XX века. Соловьев видит культуру как изначальную целостность, как социальный аспект всеединства. Основные идеи, посредством которых Соловьев раскрывает понятие культуры, – это «универсализм», «всеединство», а также «софийность» – принцип триединства Бога, человечества и человека, истины, добра и красоты. София – это больше символическое понятие. Оно рассматривается как женское начало в Боге. София – это Мировая Душа, которая воплощает в себе духовное человечество, лишенное своей материальной природы, чем актуализирует культурно-символическое основание человеческого бытия.

Культура для Соловьева – это форма перерождения материального в человечестве в духовное, средство преобразования природы человека и через него – преобразование универсума, то есть культура есть активное созидательное творчество человека. Культурное творчество есть деятельность, преобразующая естественное бытие и тем самым формирующая новый миропорядок, созидаящая новую реальность перерожденной природы через воплощение в ней сверхприродных начал. Принцип деятельности или деятельностный подход к культуре явился одним из способов постижения этого социального феномена. Мы подчеркнем, что разработка деятельностного подхода во второй половине XX столетия и начала XXI века стала одним из достижений ленинградско-петербургской философской школы (М.С. Каган [15], [16], Ю.В. Перов [17], Ю.Н. Солонин и др.) [18].

Универсализм, всеединство, всечеловечество, софийность – понятия, символизирующие и представляющие культуру как таковую. Важной для последующей философии культуры стала идея Соловьева, утверждающая человечество, народ и семью в качестве доминирующих сфер, в которых происходит культурное становление человека, формирование личности. Вот они, основные понятия-символы национальной культуры. Национальная культура, в свою очередь, является необходимым аспектом и частным проявлением культуры вообще, находя свое отражение в национальном сознании и преломляясь в национальной идее. Национальная идея воплощает в себе основные культурные установки. Формируясь в недрах самой культуры, она может считаться важным культуuroобразующим фактором, выступая одной из форм культурного и исторического самоосуществления человека, представляя собой одну из фундаментальных культурных инвариантов. Итак, укажем в качестве промежуточного вывода, что философия Соловьева представляет собой значительное культурное явление своей эпохи. Она объединяет весь предшествующий опыт исследования культуры в России, завершая и венчая собой культурфилософский анализ XIX века, а также создает почву для последующих изысканий в области культуры и культуротворчества следующего, XX века (символизм, софиология, космизм, евразийство и т.д.).

Философия Соловьева вызвала к жизни мощное культурное движение по духовному преображению мира, социальной революции, проводимой исключительно средствами культуры. В этом плане саму философию Соловьева можно считать символом русской национальной культуры. Если философские искания Соловьева составили основу мировоззренческого символизма, то в области художественной культуры того времени это явление акмеизма, течения, противостоящего символизму и возникшему в начале XX века в России. Известно, что противоположности и противостояние в конечном счете обретают единство, они составляют гармонию.

«Серебряный век» русской национальной культуры – это историческое и логическое продолжение «золотого века» отечественной культуры и художественного творчества в целом (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Глинка и др.). «Век» здесь понятие сугубо символическое: начинается он – «серебряный век» в 90-х гг. столетия XIX (поздний Л.Н. Толстой как великий писатель и не менее великий русский философ и религиозный реформатор), а заканчивается в 20-х гг. столетия XX (поэзия футуристов и художников-модернистов). В его рамках значительный интерес по проблеме символизма представляет творчество поэтов и писателей школы акмеизма.

Акмеизм – это культ конкретности, «вещественности» образа, «искусство точно вымеренных и взвешенных слов». Это направление в культуре «Серебряного

века» занимает особое место. Оно объединило русских поэтов и писателей рубежа веков (Анна Андреевна Ахматова, Николай Степанович Гумилев, Иванов Георгий Владимирович, Городецкий Сергей Митрофанович, Мандельштам Осип Эмильевич), вышедших и первоначально воспитавшихся в русле творчества символистов (Вяч. Иванов, Мережковский, А. Белый и др.). Поэзия акмеистов замечательна тем, что она «преодолела символизм» и вернулась к точному и ясному слову, достигла сдержанности и лаконичности стиля, строгости и стройности поэтической структуры. В работах представителей этого течения получило необычайное расширение **смысловое и символическое пространство текста**. Особенности акмеизма являются возврат к первичному значению слова, и точности образов; изображение реального предметного мира и отказ от мистичности; увлечение предметностью и внимание к деталям; обращение к прошлым культурным эпохам, и восприятие мировой культуры как общей памяти человечества; наконец, проповедь «земного» мироощущения, поэтизация мира первозданной природы.

Как мы отметили, акмеизм возник в противовес символизму, но родился он именно в недрах символизма, потому что поэты-акмеисты учились у символистов стихотворной технике. Они читали свои стихи в «башне» символиста Вяч. Иванова, выслушивали критические замечания старших коллег и поначалу не думали о том, что образуют новое литературное направление. Для акмеистов реальное бытие было ценно само по себе потому, что скрытый смысл вещей, то есть символ, явлен в самих вещах, в земном и реальном бытии. Зримый мир, в понимании акмеистов, запечатлевается в слове, обретает в нём бытийствующий статус. Слово у акмеистов выступает как феномен, обладающий бытием и органической, мироподобной, целостной структурой. Но, может быть, самое главное свойство акмеистов заключается в том, что в отличие от многих деятелей «Серебряного века», они отказывались «пересматривать, видоизменять и дополнять христианство».

Центральные фигуры русского «символизма» — В. Брюсов, А. Белый, А. Блок, Д. Мережковский акцентировали значимость того, что неявлено, но угадывается не столько в форме, сколько в развёрнутом в сторону **инобытия** содержания. При этом реальная жизнь с её бытийными законами начинает терять ценность. В противоположность символистам акмеисты: Гумилёв, Мандельштам, Ахматова вплотную подошли к проблеме соотношения антропологического и идеологического, сознательного и бессознательного, чувственного и рационального, то есть к трактовке жизни и творчества как динамически целостного, органического единства. Они фактически продолжили концепт «всеединства» Соловьева с его ориентацией на универсализм. Акмеистская установка поэтического текста на самопознание с актив-

ной ролью читателя в «бытии» произведения приводила к изменению роли поэтического субъекта – он становился реальным человеком. Поэтому так важны, с точки зрения традиционной русской культуры, такие сущностные характеристики поэтики акмеизма, как ориентация на земные ценности, утверждение самоценности бытия во всех его формах и проявлениях, познание онтологических, культурных и психологических феноменов. Акмеисты, осмысляя историю, культуру, искусство, значительно повлияли на развитие русской и мировой культуры XX столетия в целом.

Символизм актуализировал распад бытия в мировоззренческом и в художественном смыслах, тогда как акмеизм стремился к его художественно-онтологическому воссозданию. Бытие здесь рассматривалось как целостность – сторонами которого выступает и Природа с её первозданной и божественной красотой, и Общество с его культурой, и Человек как личность, личность неповторимая как Микро-космос. Идея универсализма обрела свое новое бытие в историческом контексте двадцатого века.

Выраженные в символизме интенции к постижению трансцендентного, проникновение за грань феноменального и «тоска по целостности» проявляется в художественной форме, созданной по иным, «не традиционным», «не бытийным» законам. В отличие от символистов, акмеистов волновало бытие, познаваемое через Слово в его библейском формообразующем смысле. В связи с этим акмеисты провозглашали органическую целостность Мира и Человека. Произведения искусства понимались ими в свете «органиче-

ской поэтики» и «философии слова». Художественные произведения, по их убеждению, рождаются и живут, обретая бытие по подобным всему сотворенному Богом законам. Постигая органическую целостность бытия, человечество, таким образом, приобщается к тайне божественной гармонии, выраженной языком искусства. А символ, несмотря на его сверхчувственную основу, становится земным и бытийным знаком и образом.

В качестве общих выводов укажем, что, во-первых, философия В.С. Соловьева знаменовала собой тождество принципа универсализма в истории отечественной философии, понимаемого как «всеединство»; в этом всеединстве особое место принадлежит концепту «софийность» как выражению символического начала, где София (Мудрость) – Мировая Душа, надприродное начало человеческого бытия; во-вторых, символизм и акмеизм, развиваясь в одном культурно-историческом пространстве «Серебряного века», феномен бытийной и художественной целостности, осмысливали различно: либо с позиций ухода в трансцендентное (символизм), либо обращались к бытию конкретного человека как личности; в-третьих, символизм явился предтечей акмеизма, а акмеизм – последствием символизма, следовательно, и символизм, и акмеизм в своем единстве представляли то, что можно определить как органичность содержания русской художественной культуры «Серебряного века»; наконец, в-четвертых, универсализм мировоззренчески – художественной позиции лидеров акмеизма, их интерес к бытию Природы мы можем рассматривать как истоки экологической проблематики русского космизма XX века и евразийства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корольков А.А. Духовная антропология / А.А. Корольков. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – 323 с.
2. Жданов Ю.А. Отдай себя духу (из поэтических тетрадей) / Ю.А. Жданов. – Ростов н /Дону: ИППК, 2006. – 72 с.
3. Абрамов Ю.Ф. Феномен духовности в глобализирующемся обществе / Ю.Ф. Абрамов, Р.А. Косолапов, В.И. Куйбарь // Известия Иркутского государственного университета, 2015. – Т. 11. – С. 169-171
4. Маркарян Э.С. О значении разработки основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества / Э.С. Маркарян. – Текст : электронный // Мосолова Л.М. Культурология и глобальные вызовы современности. – URL : <http://litra.pro/kuljturologiya-i-globaljnievizovi-sovremennosti/mosolova-l-m/read/16> (дата обращения: 10.06.2020)
5. Арефьев М.А. Особенности социального порядка во взаимодействии языковых культур в русской и тюркской народных традициях: монография / М.А. Арефьев, А.В. Зыкин, А.О. Туфанов. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГАУ, 2016. – 95 с.
6. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – Москва: Политиздат, 1989. – 572 с.
7. Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? / С. Н. Булгаков // Книга о Владимире Соловьеве. – Москва, 1991. – С. 389-448
8. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании В.С. Соловьева / Н.А. Бердяев // Книга о Владимире Соловьеве. – Москва, 1991. – С. 355-374
9. Лосев А.Ф. Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – Москва : Молодая гвардия, 2000. – 614 с.
10. Мочульский К.В. Владимир Соловьев: жизнь и учение / К.В. Мочульский // В.С. Соловьев: Pro et contra. – Санкт-Петербург, 2000. – 617 с.
11. Трубецкой Е.Н. Владимир Соловьев и его дело / Е.Н. Трубецкой // Книга о Владимире Соловьеве. – Москва, 1991. – С. 637-661
12. Эрн В.Ф. Гносеология В.С. Соловьева : публицистика / В.Ф. Эрн. – Москва : Директ-Медиа, 2012. – 78 с.

13. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании В.С. Соловьева / Н. А. Бердяев // Книга о Владимире Соловьеве. - Москва, 1991. - С. 363
14. Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В.С. Соловьев // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. –Москва, 2000. - Т. 1. - С. 114
15. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. - Санкт- Петербург : Петрополис, 1996. - 414 с.
16. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. - Санкт- Петербург : Петрополис, 1997. - 204 с.
17. Перов Ю.В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей / Ю.В. Перов // Историчность и историческая реальность. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – (Мыслители. - Выпуск 2). - С. 117-131
18. Солонин Ю.Н. Смысл философии ценностей как науки / Ю.Н. Солонин, С.И. Дудник // Аксиологические проблемы научной и технической реальности: тезисы научной конференции, Санкт-Петербург, 28-29 января 1998. - Санкт-Петербург, 1998. - 137 с.

© Коваленко Наталья Геннадьевна (nataly6707@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Козлов Иван Иванович

К.ф.н., доцент, Российская академия
музыки имени Гнесиных
i.kozlov@gnesin-academy.ru

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF Y. HABERMAS' COMMUNICATIVE CONCEPT

I. Kozlov

Summary: The author considers the philosophical and legal aspects of Y. Habermas' communicative concept in its relation to the actual problems of development of the Russian modern civil society. The article analyzes the theory of deliberative democracy based on discursive agreement on the most important issues of public life in Russia. It is emphasized that the peculiarity of the habermasian concept of consensus is that legal norms are voluntarily accepted by all members of society in the process of open discussion, and the significance of this principle for modern society is analyzed.

Keywords: civil society, deliberative democracy, Habermas, rational discourse, consensus, public.

Аннотация: Автором в статье рассматриваются философско-правовые аспекты коммуникативной концепции Ю. Хабермаса в ее отношении к актуальным проблемам развития российского современного гражданского общества. Анализируется теория делиберативной демократии, основанная на дискурсивном согласии касательно важнейших вопросов общественной жизни в России. Подчеркивается, что особенность хабермасовского понятия консенсуса состоит в том, что правовые нормы добровольно принимаются всеми членами общества в процессе открытой дискуссии, а также анализируется значение этого принципа для современного социума.

Ключевые слова: гражданское общество, делиберативная демократия, Хабермас, рациональный дискурс, консенсус, общественность.

Введение в проблему

Актуальность философско-правовых аспектов творческого наследия Ю. Хабермаса обуславливается, прежде всего, тем, что в переходные, кризисные периоды общественного развития наиболее остро ощущается необходимость рационального обоснования правовых основ гражданского единства с учетом общих, групповых и индивидуальных интересов при сохранении плюральности общественной организации и демократического вектора политического развития. Проблема является тем более весомой для современного российского социума, с его парадоксальным сочетанием энергии индивидуалистического самоопределения, новейших практик позиционирования интересов народного большинства, пока лишенных механизмов правового обеспечения, и укорененного в генетической памяти народа стремление к национально-государственной консолидации перед лицом внутренних и внешних политических вызовов. Определена историческими закономерностями и совпадением обстоятельств сегодняшняя ситуация солидарности подавляющей части общества в глобально-конфликтном политическом поле требует не только текущих оперативных решений, но и усиленной теоретической рефлексии над возможностью такого пути преодоления кризиса, который обновит политико-правовую систему и будет способствовать ее подъему на качественно новую ступень развития.

Также стоит иметь в виду, что отечественное правоведение, на протяжении десятилетий лишено опыта согласования разнородных дискурсов, и по сей день испытывает потребность в усовершенствовании методологических оснований правового познания.

Особую остроту проблема приобретает в связи со сменой политического курса России в сторону азиатского партнерства, невозможным без утверждения ценности права и его углубленного теоретического осмысления. При этом необходимо подчеркнуть, что правовое обеспечение гражданского общества, в его отечественной проекции, пока не получило исчерпывающего освещения.

В то же время, в западной философско-правовой традиции сформирован спектр концепций, которые при условии критического восприятия могут составить основу национальной общественно-правовой идентичности. Важное место среди них занимает коммуникативная правовая теория Ю. Хабермаса, которая обосновывает правовые механизмы «горизонтальных», диалектических взаимосвязей, обеспечивающих общественное единство.

Отталкиваясь от этого, целью данной статьи является исследование философско-правовых аспектов коммуникативной концепции Ю. Хабермаса в отношении к актуальным проблемам развития современного гражданского общества.

Анализируя уровень изученности вопроса, стоит отметить, что на постсоветском пространстве наследие Хабермаса попадает в поле зрения исследователей только в начале 1990-х гг., изначально освещаясь в философских аспектах и в контексте более широкой проблематики. Первые академические студии творчества философа представлены в сборнике «Проблемы философской герменевтики» (1990) [1, 4-17]. В монографии П.П. Гайдено [2, 438-446] осуществлен сравнительный анализ герменевтических методологий Ю. Хабермаса и Г.-Г. Гадамера, опять же, исключительно в плоскости философского дискурса. В трудах И. Фармана анализируется социокультурное значение коммуникативной парадигмы мыслителя [3]. Правовые проблемы рассматриваются вскользь, в контексте политологической проблематики. Одним из первых на отечественных просторах опытов осмысления этической концепции Хабермаса стал труд О. Ермоленко [4].

С приобретением опыта развития гражданского общества внимание ученых привлекают собственно правовые аспекты учения известного мыслителя. В частности, с позиций либертарного правопонимания политико-правовую теорию Ю. Хабермаса анализирует В.В. Лапаева [5]. Диалогическая основа хабермасовской коммуникативной философии и концепция делиберативной демократии исследуются О.В. Зайцевым [6]. Специально философско-правовым измерениям учение мыслителя, в частности дискурсивной концепции свободы [7] и теории делиберативной демократии [8; 9], посвящены исследования Р.О. Пархоменко. В контексте становления основных философско-правовых парадигм Новейшего времени учения Хабермаса рассматривается С.В. Деникиной [10; 11].

В то же время, в эпицентр научных интересов попадают публикации зарубежных ученых, в которых теоретическое наследие Хабермаса традиционно осмысливается в различных концептуальных проекциях. В частности, оживленные дискуссии разворачиваются вокруг отпечатанной на страницах «Социологических исследований» статьи датского ученого Б. Фливерга «Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества» [12], которая интерпретируется преимущественно с точки зрения адаптации анализируемых теорий к реалиям постсоветского социально-правового пространства [13].

В то же время, стоит отметить, что, несмотря на растущий интерес к творчеству Ю. Хабермаса, значительное количество собственно философско-правовых вопросов и по сей день остается за пределами научного дискурса. Кроме этого, к новым прочтениям наделенной внутренним диалогизмом и интерпретационной открытостью хабермасовской теории побуждают реалии современной правовой действительности, особенно драматичный и к тому же неотрафлексированный опыт

последнего периода. Необходимостью определения одного из возможных подходов к данной проблеме определяет цель и структуру данного исследования.

Результаты исследования. Анализ актуальных проблем российского общества позволяет утверждать, что основополагающим задачей отечественного философско-правового дискурса должно стать обоснование таких механизмов политико-правового регулирования, которые бы позволили сохранить гражданское единство и обеспечили отстаивание общенациональных интересов при максимальном учете интересов отдельных групп и членов социума. При этом, учитывая растущий градус насилия в решении социально-политических конфликтов, предметом особого внимания должно стать нахождение неперепрессивных методов стабилизации, которые бы находились в правовом поле и удовлетворяли государственные ожидания современного сообщества. Также стоит учитывать, что ценностными в данном случае является не только программы практической деятельности, но и этико-правовые модели, которые определяют общий аксионормативный вектор общественного развития.

На наш взгляд, именно такая модель создана в учении Ю. Хабермаса, в котором гражданское общество осмысливается как всеобщий консенсус, что возникает в пределах рационального дискурса, в котором каждый из участников, отстаивая собственные интересы, учитывает необходимость их согласования с некоторым общим нормативным образцом.

Неотъемлемым компонентом этого процесса, по мнению ученого, является «рост публичной рефлексии, которая, лимитируя существующие формы господства и институциональные ограничения, освобождает потенциал коммуникативного действия – символически опосредованной интеракции, ориентированной на взаимопонимание. Именно она обеспечивает устранение тех отношений принуждения, которые незаметно встроены в структуры коммуникации» [10, 176] и преодоление систематических коммуникативных нарушений.

На более поздних этапах своего творчества, опираясь на идеи аналитической философии, герменевтики, психоанализа и социологии, Хабермас разрабатывает завершенную модель коммуникативной рациональности, одним из центральных понятий которой предстает «общественность» («*Offentlichkeit*») – социальный квази-субъект, ориентированный на рациональное обсуждение проблем социально-политического и правового бытия. В свою очередь юридическое оформление «общественности» ученый связывает со становлением демократического государства и отделенной от него сферы гражданского общества. Следовательно, стратегической целью философско-правовых исследований Хабермаса

встает обоснование возможности ненасильственных, не вертикальных способов социального бытия, осмысленного как «универсальное примирение».

Учитывая сегодняшние проблемы российского общества важно также то, что в хабермасовской модели «все основные значения, которые являются составляющими нормативно регулируемых действий, уже имеют моральный критерий. В полной мере он используется лишь в тех случаях, в которых люди обсуждают конфликты или нарушение норм. С достижением социального мира и переходом к нормативных отношений все социальные взаимоотношения приобретают безусловно этического характера. Золотые правила подчинения закону этически необходимы для определения социальных ролей и норм, важных в любом моральном конфликте, именно они обуславливают дополнительные поведенческие ожидания и надлежащую симметрию прав и обязанностей» [14, 231].

На наш взгляд, именно такой нормативно-ценностный подход позволяет осмыслить реальность с точки зрения этических идеалов и установить, какими должны быть политика и право.

Особенно актуальным является и то, что многовековой диалогический дискурс, основан на аргументах, «которые позволяют выявить общепризнанное нормативное в высказываниях» [15, 125] и полученная в нем истина интерпретируются философом и как процесс познания, и как формирование познанной социальной реальности. В этом контексте любое нормативно значимое, действительно моральное решение рассматривается как результат использования социальных дискурсивных практик.

Сущностного значения для осмысления новых социополитических реалий приобретает вывод Хабермаса, что рациональность имеет не сущностный характер, в соответствии с которым значимость нормы задается не изменением, трансцендентальным по своей природе сущностным признаком, а характер процедурный, основан на обращении к ресурсам реального жизненного мира.

Именно эта вариабельность нормативного стандарта, согласуемого с обстоятельствами дискурса, приобретает особое значение для современного общества, с его новыми формами народного волеизъявления и отсутствием общественно легитимизированных механизмов их правового оформления.

Акцентируем, что, несмотря на отрицание априорной основы решений коммуникативного консенсуса, Хабермас стремится выявить реализацию через процедуру социального взаимодействия идеи свободы, кото-

рая в своем процедурном воплощении предстает, как формальное равенство участников взаимодействия основана на:

1. равенстве шансов на применение коммуникативных речевых актов участниками дискурса;
2. равенстве шансов на тематизацию мнений и критике;
3. свободе самовыражения, предвзятое формирование подавленных комплексов;
4. равенстве шансов на применение регулятивных речевых актов, обеспечивающих взаимность отношений участников дискурса и исключают привилегии – односторонне обязывающие нормы общения.

Именно субстанциональный (трансцендентальный) принцип формального равенства определяет сформулированный Хабермасом основополагающий процедурный принцип дискурсивной этики, согласно которого «...та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, кого она касается, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [14, 221].

Последнее особенно важно для восстановления информационного баланса современного российского общества и установления правообеспеченного диалогического взаимодействия сторон конфликта. Кроме этого, соблюдение данных требований является необходимым условием избегания вышедших в водовороте социальных преобразований угроз неототалитаризма, какой бы привлекательной и на первый взгляд действенноконсолидирующей не казалась его базовая идея.

Утверждение сохраняет справедливость и в сугубо правовой проекции. Не случайно, в осмыслении права коммуникативная теория Ю. Хабермаса отрицает классический монолизм и утверждает необходимость коммуникативного, диалогического процесса правового познания, который соответствует принципам социального и мировоззренческого плюрализма. При этом правовопонимания трактуется философом не как тип рефлексии, а как социальная коммуникация, в процессе которой формируется не только понятие права, но и само право как факт социальной жизни.

Таким образом, процесс познания права в теории Хабермаса сочетается с процессом правообразования: идея права не внедряется в социальную практику извне, а формируется и постоянно обновляется в процессе социального дискурса.

Предложенное Хабермасом определения консенсуса создает почву для дальнейших размышлений над проблемой демократической организации общества как

конституционному гаранту права. По мнению ученого, право является не механизмом, а результатом участия человека в процессе социально-политической коммуникации. Поэтому концепция делиберативной демократии (от фр. *délibération* – обсуждение) предусматривает замену либералистской модели гражданского общества как сферы хозяйственной взаимодействия индивидов моделью добровольных объединений, образуют центры политических коммуникаций.

Соответственно, одной из задач современной демократизации Хабермас определяет установление нового «раздела власти» между различными источниками интеграции общества. При этом ученый подчеркивает необходимость обеспечения коммуникативного влияния тех социальных институтов, которые он обозначает понятием «общественность», а также на открытости форм совместной жизнедеятельности людей» к экономической и административной общественным подсистемам.

Согласно Хабермасу, интегративная действенность коммуникации, которая осуществляется через влияние автономных образований общественности, должна утвердить себя как противовес системной интеграции, что происходит в монетарных и административно-властных отношениях.

Таким образом, политической системе в теории Хабермаса отводится роль гаранта тех начал социального дискурса, которые ученый связывает с понятием коммуникативной рациональности и основанной на ней процедурной справедливости. Также отмечается, что гражданское общество как сфера деятельности общественности требует дополнения со стороны государственной власти как механизма институционализации политических дискурсивных практик. Касательно сферы правообразования речь идет о формализации многоканального дискурса, общественностью, и о его трансформации в политическую плоскость принятия законодательных решений. С позиций данного подхода современное право рассматривается как формируется и эволюционирует в живом диалоге между парламентом и обществом, а правотворческий потенциал парламентской деятельности оценивается по критерию отра-

женности в среде парламентских групп неформальных общественных взглядов (в частности откristаллизованные в процессе социальных изломов 2004-го и 2014-го гг.) с другой стороны, важным является также то, что, учитывая возможность деформации коммуникативной компетенции общественности, Хабермас подвергает сомнению правотворческий потенциал социальной практики и подчеркивает необходимость институционализации «способов разумного коллективного формирования воли» [16, 334], которая способна способствовать достижению спонтанного «встречного движения форм коммуникации, соответствующие практическому уму» [16, 335]. При этом критерием разумности коллективной воли определяется неспособность к нанесению «ущерба конкретным целям участников процесса» [16, 336].

Выводы

Таким образом, сегодня, как и в другие кризисные периоды истории, наблюдаем вступление, казалось бы, классическими теориями нового и неожиданно практического значения. Значительное место среди них занимает коммуникативно-правовая концепция Ю. Хабермаса, в которой понятие гражданского общества получает дискурсивную интерпретацию. Среди наиболее актуальных философско-правовых идей мыслителя выделяем утверждение:

- нравственности общественного дискурса;
- процедурного характера рациональности и вариативности нормативного стандарта, согласованного с меняющимися условиями дискурса и интересами всех его участников;
- идеи свободы, в своем процедурном воплощении конкретизированной как формальное равенство субъектов взаимодействия;
- коммуникативного, диалогического процесса правового познания; необходимости формализации многоканального дискурса, осуществляемого общественностью, и его трансформации в политическую плоскость принятия законодательных решений;
- обоснование возможности ненасильственных, не вертикальных способов социального бытия, осмысленного как «универсальное примирение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы философской герменевтики. – М.: АН СРСР, Институт философии, 1990. – 119 с.
2. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
3. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. – М., 1999. – 244 с.
4. Ермоленко О. Этика ответственности и социальное бытие человека. – К.: Научная мысль, 1994. – 193 с.
5. Лапаева В.В. Политико-правовая концепция Ю. Хабермаса (с позиций либертарного правопонимания). URL: http://www.igpran.ru/public/articles/Lapaeva.Polit_prav_konc_Xabermasa.pdf (дата обращения: 18.07.2020).
6. Зайцев А.В. Теория делиберативной демократии и диалог государства и гражданского общества // Демократия в России: проблемы и перспективы раз-

- вития. Матер. Всерос. (с межд. уч.) науч.-практ. конф., посв. 80-летию ДГУ, 22–24 сентября 2011г. – Кизляр, 2011. – С. 32–43.
7. Пархоменко Р.Н. Ю. Хабермас о понятии идеи свободы // Политика и Общество, 2013, № 5. – С. 106–110.
 8. Пархоменко Р.Н. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура, 2012, № 4. – С. 104–107.
 9. Пархоменко Р.Н. Ю. Хабермас о современной демократии // Психология и Психотехника, 2013, № 12. – С. 104–107.
 10. Деникина З.Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени: дис... д-ра филос. наук: 09.00.03. – М., 2005. – 439 с.
 11. Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. – М.: ВГНА Минфина России, 2008. – 230 с.
 12. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования, 2000, №2. – С. 127–136.
 13. Калинин И.К. К дискуссии о гражданском обществе // Социологические исследования, 2001, № 4. – С. 112–122.
 14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
 15. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft). — М.: Весь Мир, 2016. — 344 с.
 16. Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

© Козлов Иван Иванович (i.kozlov@gnesin-academy.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ В «НАУКЕ ЛОГИКИ» ГЕГЕЛЯ КАК ВАЖНЫЙ МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Козлов Иван Иванович

К.ф.н., доцент, Российская академия музыки
имени Гнесиных
i.kozlov@gnesin-academy.ru

LOGICAL AND PHILOSOPHICAL CATEGORIES IN HEGEL'S «SCIENCE OF LOGIC» AS AN IMPORTANT METHOD OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF THE PRESENT

I. Kozlov

Summary: The article deals with the history of preparation and publication of the book, as well as theoretical concepts aimed at reforming formal logic and creating a new dialectical logic on its basis.

Based on the latest research of natural social and humanitarian disciplines, in the "Science of logic" Hegel forms and develops, significantly expands and deepens the categorical apparatus of philosophy and logic, expresses many deep and original ideas that have become a theoretical method and methodological basis in science, and have not lost their relevance today.

Keywords: Hegel, science, dialectics, theory, logic, concept, categories, thinking, truth, cognition.

Аннотация: В статье рассматривается история подготовки и публикация книги, а также, теоретические концепции направленные на реформирования формальной логики и на ее базе создание новой диалектической логики.

Основываясь на новейших исследованиях природных социально-гуманитарных дисциплин, в «Науке логики» Гегель формирует и разрабатывает, значительно расширяет и углубляет категорийный аппарат философии и логики, высказывает много глубоких и оригинальных идей, которые стали теоретическим методом и методологической базой в науке, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Ключевые слова: Гегель, наука, диалектика, теория, логика, понятие, категории, мышление, истина, познание.

Введение в проблему исследования

Среди философских трудов, вошедших в золотую сокровищницу мировой философской мысли, важное место занимают произведения гениального немецкого мыслителя Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831).

Вся философия Гегеля является чрезвычайно многогранной и имеет истинно энциклопедический характер. Его произведения остаются в сознании человечества, в истории его духовно-культурного развития. В своей философской системе немецкий мыслитель значительное внимание уделял логике как науке о законах и формах правильного мышления. Гегель неоднократно подчеркивал, «что только правильное мышление есть знания и познание предмета, и поэтому наше познание должно быть научным» [1, с. 58].

Гегель, прежде всего, в науке видел важный фактор развития человека, его творческих способностей, культуры мышления. В этом аспекте мыслитель считал необходимым кардинально изменить свою так называемую старую формальную логику и на ее базе создать качественно новую, которая бы отвечала современным реалиям жизни и служила эффективным орудием познания

и анализа социальной действительности.

Следует отметить, что в системе профессиональной подготовки юристов особое внимание уделяется формированию научного мировоззрения. В этом аспекте важную роль играет овладение широким спектром философских знаний, что позволяет на этой основе формировать логическую культуру. Итак, «Наука логики» – это важное орудие творческого овладения логико-философскими идеями прошлого как важного фактора формирования личности будущего специалиста.

Философско-логические идеи Гегеля еще при его жизни вызвали живой интерес и много численных дискуссий. Среди его поклонников было немало талантливых, оригинальных личностей не только в Германии, но и за рубежом, в том числе и в России. Следует напомнить, что у философа были не только критики, но и откровенные противники его философских идей, которые существуют до сих пор.

Вся философская система Гегеля – это комплекс глубоко не только чисто философские, но и политико-правовых, экономических, моральных, эстетиче-

ских и религиозных идей. Изучение и анализ которых является очень сложным и требует высокой теоретико-философской и логической подготовки.

Проблема философского учения Гегеля, а также его логических концепций, была предметом анализа многих зарубежных и отечественных ученых, среди которых известные русские философы И. Андреев, В. Асмус, К. Баградзе, А. Гулыга, Е. Ильенков, Д. Керимов, М. Киссель, Н. Мотрошилова, И. Нарский, В. Нерсесянц, М. Овсянников, Т. Ойзерман, М. Розенталь, Э. Ситковский, П. Федосеев и другие.

Отдавая должное исследователям научного творчества Гегеля, следует указать и на то, что до этого времени ряд логико-философских проблем не стали предметом полноценного научного анализа. Считаю целесообразным рассмотреть некоторые вопросы, освещенные в «Науке логики», и их теоретико-методологическую роль для формирования философско-логической культуры будущих специалистов и ученых в России.

Изложение основных результатов исследования

«Наука логики» (так называемая «Большая логика») созданная Гегелем в нюрнбергский период его жизни. Первая ее часть («Объективная логика», кн. 1 – «Учение о бытии») была опубликована в марте 1812 года. Вторая часть – в 1813 г. и третья – в 1816 г. Логика Гегель подразделяет на три части:

1. Логика бытия.
2. Логика сущности.
3. Логика понятий.

Гегель чрезвычайно важное место отводил логике как науке, которая органично была включена в его философскую систему. Новую логику Гегель стремился разработать в соответствии со своим идеалом «истинной науки». Гегель поставил в «Науке логики» задачу – осуществить в ней кардинальную реформу.

Вопрос о реформе логики затронут в свое время еще выдающимся немецким философом И. Кантом – родоначальником немецкого классической философии. «Начиная с первых своих работ, – отмечает А. Гулыга, – постепенно Кант приходит к выводу о том, что процесс получения нового знания не может быть теоретически достигнутым в понятиях формальной логики» [2, с. 92].

Кант заявлял, что так называемая «старая» логика после Аристотеля не сделала ни одного шага, ни вперед, ни назад, и что она является законченной наукой. Философ делает вывод о том, что логика не может быть органом (орудия) метода в анализе проблем теоретического познания окружающего мира. В этом аспекте Гегель полностью был солидарен с Кантом.

Гегель глубоко осмысливает историю логико-философских идей, начиная с античности. Он внимательно следовал и анализировал новейшие идеи и научные открытия своей эпохи. Работая над первым томом «Науки логики», Гегель переосмыслил и переработал огромное количество литературы, вместе с тем он считал, что эта работа не является совершенной и в будущем нужно приложить немало усилий для ее завершения. Анализируя роль и место так называемой «старой» логики, Гегель указывает, что ее «форма и содержание остались такими же, какими они по давней традиции передавались от поколения к поколению, причем, при этой передаче ее содержание все больше и больше становился худым и нищим; а в ней не чувствуется тот новый дух, который оказался в действительности» [3, с. 77].

Перед Гегелем встает вопрос, «что необходимо для того, чтобы создать новую науку?». Философ делает вывод, что в таком положении вполне «бесполезным является желание сохранить формы прежнего образования, когда изменилась субстанциальная форма духа» [3, с. 5].

С одной стороны, Гегель говорит, что мы строим новую науку не на пустом месте, есть известные уже формы мысли, которые следует рассматривать как важный подсобный материал. А с другой стороны, он «дает нам слабую нить или мертвые кости скелета», так что в логике нужно начинать «с самого начала», осуществить ее «кардинальную перестройку» [3, с. 173].

Гегель не отвергает так называемую «старую логику» формальную, наоборот – он, как великий диалектик, видит в ней рациональное зерно, но особое внимание акцентирует на создании новой логики и обязательное включение ее в программу преподавания в учебных заведениях, и это прежде всего необходимо для «юношества, которое еще не вступило в круг интересов повседневной жизни» [3, с. 13].

В чем заключается задача новой логики? По мнению мыслителя, логическая мысль должна охватывать в себя все многообразие знаний и наук в разумную форму, удерживая их суть и отбрасывая все внешнее и несущественное.

Начиная изложение своей логики, Гегель, прежде всего, определяет ее предмет как «царство чистой мысли», как науки о «чистой идею», как науку об «идее в себе и для себя». «Логика, – пишет Гегель, – следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. Это царство есть истина ... можно выразиться и так: это смысл, изображающий Бога, который в своей вечной сущности от сотворения природы и какого бы то не было конечного духа» [3, с. 103].

Гегель указывает, что «потребность понимать логику в более глубоком смысле, чем как науку о чисто фор-

мальном мышлении, вызвана интересами религии, государства, права и морали [3, с. 111].

Стоит отметить, что в философской системе Гегеля «дух», «идея» – это духовная основа (начало), которая порождает реальный материальный мир – природу, общество, человека, а также человеческое сознание, ум, а в конечном результате ее мышления. Высшей категорией логики является абсолютная идея (абсолютный дух), которая является единством теоретического и практического ума, идеи достижения практических результатов. «Абсолютная идея, – говорил Гегель, – есть истинная жизнь, или жизнь в истинные». Итак, под абсолютным духом Гегель понимает: «Е. Ситковского понимает деятельность человечества на протяжении тысячелетнего развития всемирной истории» [4, с. 22].

«Если вообще логику, – говорит Гегель, – признают наукой о мышления, то под этим понимают, что это мышление составляет голую форму некоторого познания, что логика абстрагируется от всякого содержания» [3, с. 96]. Философ не согласен с такой точкой зрения. Он подчеркивает, во-первых, неудачно утверждать, что логика абстрагируется от всякого содержания, что она только учит правилам мышления, не имея возможности вдаваться в анализ мыслимого и его характера. Если, как утверждают, ее предмет – мышление и правила мышления, то она непосредственно в них имеет и свой только ему присущий смысл и в них она имеет также и вторую составную часть познания, некую материю, характер которой ее интересует [3, с. 96].

Во-вторых, заявляет Гегель, что представления, на которых до сих пор основывалось понятие логики определенной мере уже устарели, им пора полностью исчезнуть, чтобы понимание этой науки основывалось на более высокой точке зрения и чтобы она достигла вполне отличного вида [3, с. 96].

Задачей новой науки Гегель считает не только выяснения истинности различных форм мышления, но и их связь и развитие. Формы мышления являются формами достижения глубокого и всестороннего знания об окружающем мире, поскольку они движутся и развиваются в направлении до познания сущности предмета.

«Основное содержание «Науки логики», – отмечает М. Розенталь, – это безусловно диалектическая теория развития и исследования тех форм мышления, которые способны выразить развитие» [5, с. 10-11].

Гегель не только разработал теорию и метод диалектики, но и показал, как эта диалектика действительно помогает установить правильный подход к предмету. Гегель обосновал принцип диалектического развития изменений как объективный закон, которому подлежит все сущее в мире. Логика совпадает с метафизикой, с на-

укой о вещах, достигаемых в мыслях. Итак, диалектика, которую Гегель считает единственным правильным методом логики, – это единство учения о бытии и учения о познании. Логика как наука о мышлении совпадает с наукой об объективном мире.

Гегель предлагает поделить логику на «объективную» и «субъективную». Объективная логика непосредственно занимает место онтологии.

«Субъективная логика – это логика понятия сущности, она является свободным, самостоятельным, что определяет внутри себя субъективное, или, вернее, сам субъект» [3, с. 119]. Другими словами, субъективная логика – это отражение в мышлении процессов и явлений объективно существующего мира.

Какую же задачу ставит перед собой Гегель? Гегель пытается взять все то ценное, что было накоплено в науке, и на этой базе создать такую логику, которая бы служила эффективным орудием достижения истины. Он стремился создать такую логику, в которой форма и содержание были бы неразрывно связанными, поскольку истина существует только в таком отношении. Мыслитель, прежде всего в логике видел эффективный метод научно-теоретического мышления, что является важным фактором движения мысли к новым результатам, как в теории, так и в практике. Такой наукой на глубокое убеждение Гегеля должна стать диалектическая логика.

Хорошо известно, что любая наука содержит понятия и категории. Особое значение в «Науке логики» немецкий ученый придавал категорийному аппарату науки. Уже стало аксиомой, что принцип вывод категорий логики впервые с непревзойденной полнотой в истории философии в «Науке логики» разработал Гегель. В этом произведении каждая категория занимает определенное место, находится в тесной связи и взаимоотношении с предыдущими и следующими ее категориями, а в целом совокупность категорий логики выражает закономерность теоретического процесса познания.

Согласно концепции Гегеля логические категории наполняются содержанием степени развития системы категорий на протяжении всей логики. У Гегеля категории – это нечто предыдущее, а диалектика реального мира – их простое отражение. Логические категории, считает философ, существуют еще до природы и человека, они являются «животворящей душой» природы и человека, суть которых – это только «прикладная логика» [4, с. 26].

Следует отметить, что в «Науке логики» Гегель включает в понятийный аппарат целый ряд новых категорий, чрезвычайно тщательно обращает внимание на способ построения из них единой системы [5, с. 29]. Важное значение мыслитель придает тому, чтобы соответствующая

категория появилась в четко определенном месте логической системы и чтобы она была «рождена самим развитием содержательного логического рассуждения» [6, с. 177].

Определить содержание какой-либо категории, значит найти ее место в системе, установить отношение этой категории к остальным. Развитие категорий от низшей и простейшей до самой логической системы Гегеля является одновременно попыткой построения определенной иерархии ценностей. Система категорий отражает целостность и единство процессов и явлений объективного мира их внутренняя взаимосвязь.

Среди категорий, которые анализирует философ в первом томе, значительное место отводится таким, как «бытие», «конечное», «бесконечное», «количество», «качество», «мера». Очень интересным является диалектика анализа количественно качественных отношений. Это он иллюстрирует на примере морали. «В морали, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное. Именно из-за «больше» и «меньше» мера легкомыслия нарушается и появляется несколько совсем другое-преступление, само из-за «больше» и «меньше» справедливость переходит в несправедливость, добродетель в недобросовестность, добродетель в порок. И государство при прочих равных условиях приобретает разнокачественный характер из-за различия в их размере. Законы и государственное строительство превращаются в нечто иное, когда увеличивается размер государства и возрастает число государств имеет меру величины, превосходя которую она внутренне неустойчиво распадается при том же государственном строительстве, которое при другом размере составило бы его счастье и силу» [3, с. 405].

В своей науке логики Гегель разрабатывает философские категории единичного и общего. Он указывает на их диалектическую связь, на взаимопереходы и на тождество противоположностей. Так, сформулирован мыслителем принцип единства диалектики, логики и теории познания означает, что любое человеческое знание не может быть абсолютным, исчерпывающим, конечным, а является лишь ступенью, этапом в бесконечном процессе развития научных знаний. Диалектические категории как категории познания согласно этому принципу тоже должны выражать определенные ступени, этапы на пути познания. Но фактически процесс познания прерывается, заканчивается после того, как абсолютная идея завершает процесс самопознания.

Следует указать на то, что в своих произведениях Гегель не применяет понятие «диалектическая логика», но все его труды в основном посвящены разработке логических проблем. Это было связано еще и с тем, что Гегель, начиная с первых шагов своей педагогической и научной деятельности, в всех учебных заведениях постоянно пре-

подавал логику.

Значительный вклад был сделан немецким философом в разработку проблемы методов научного познания. В своей «Науке логики» и других произведениях Гегель создал истинно философский, всеобщий диалектический метод. Это способствовало в основном правильному определению места и роли других методов познания, которые применялись в отдельных науках, раскрыть их диалектическая связь и взаимозависимость. «...Не могу считать, – пишет Гегель, – что метод, которому следовал в этой системе логики или, точнее, которого соблюдалось в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных отдельных положений, но в то же время я знаю, что он единственно истинный» [3, с. 108].

Гегель указывал, что такие методы логики, как индукция и дедукция, анализ и синтез, историческое и логическое и другие методы, хотя они в отдельных случаях являются самостоятельными, но они не изолированы друг от друга, а являются составляющими системами методов познания. Мыслитель считал на то, что движение понятий, категорий, то есть само движение мышления и сознания, лежит в основе всех явлений и процессов природы и духовной жизни людей.

Итак, процесс логического познания – это обобщенный исторический процесс. М. Киссель замечает: «достаточно только сравнить гегелевскую систему категорий с той, которой пользовались его предшественники, например, Кант, чтобы не только понять, но и почувствовать, какой колоссальный объем эмпирического материала, самого разнообразного по содержанию «просеял» он в своем сознании, чтобы выделить из него, как он сам выражался «алмазную сеть категорий» [7, с. 102].

«Наука логики» Гегеля уже при его жизни неоднозначно воспринималась различными философскими школами. «Неопозитивистская философия, – пишет П. Копнин, – откровенно нигилистически подходит к оценке гегелевской логики, считая, что

Гегель ничего, кроме путаницы и тумана, не внес в ту науку, которая выступает с требованием ясности. Позитивисты ограничивают логику той проблематикой, которая входит в круг формально-логического исследования.

Гегель же ратовал за то, чтобы изучение форм мышления вышло за пределы формальной логики и чтобы рассматривать их с другой стороны, которая очень важна для понимания места форм мышления в процессе достижения истины» [8, с. 269]. Для Гегеля истина – это сложный длительный процесс познания. К ней пролегает трудный и противоречивый путь человеческого духа.

Гегель неоднократно подчеркивал, что основная за-

дача философии и логики – поиск истины. Истина-это неокрашенная монета, ее не положишь в карман в готовом виде. Истина достигается в ходе длительного развития познания, где каждый шаг является непосредственным продолжением предыдущего. Истина – это достигнутый результат и путь к нему. Форма, в которой существует истина, – это научная система. Никто не сомневается в поэтому, подчеркивал мыслитель, что для овладения наукой нужно затратить большие усилия. Истина прокладывает себе дорогу только тогда, когда пришло ее время, но не раньше. Ничто большое не осуществляется без страсти, но ни одна страсть, ни один энтузиазм не оживят то, что не поспело. Гегель провозглашал, что истина – это великое слово.

Анализируя вышеизложенное, следует отметить, что с момента возникновения и до сих пор логика как наука находится в процессе постоянного развития. Законы, категории, формы, методы и принципы современной логики создаются для обеспечения потребностей науки. Но наука постоянно развивается, процесс познания усложняется, а значит и логика должна изменять свою форму и содержание в соответствии с теми изменениями и потребностями, которые возникают в ходе развития науки и научного познания.

Выводы

Ценным достижением гегелевской философии была и остается диалектика, которая изложена в «Науке логики». В этом труде Гегель проанализировал законы и категории диалектики, обосновал тезис о единстве диалектики, логики и теории познания (гносеологии).

В своей «Науке логики» Гегель сформулировал и теоретически разработал целый ряд теоретико-методологических проблем, среди которых видное место занимает глубокий анализ логико-философского категориального аппарата. Основным нововведением было то, что немецкий мыслитель сумел сформировать уже из известных категорий четкую единую систему. В своей диалектической

логике, в диалектическом способе анализа Гегель стремился разработать метод, опираясь на который, можно проникать в сущность предметов, их связи и отношения.

Философское осмысление категорий Гегелем имеет важное методологическое значение. Это означает, что определить содержание какой-либо категории значит найти ее место в системе, установить отношение этой категории к другим. Гегелевская система категорий отражает целостность и единство процессов и явлений объективного мира, их внутренней взаимосвязь.

При рассмотрении таких категорий формальной логики, как понятие, суждение, умозаключение, он строил их классификацию с реальным развитием познания, а в фигурах силлогизма видел реальное отношение вещей. Как и все на свете, категории и законы логики отражают объективно существующий мир, а их нарушение приводит к ошибкам в умозаключениях.

В своем произведении Гегель впервые в истории пытался разработать и развить диалектические формы мышления, доказать, что только они являются истинными формами, которые воспроизводят реальные процессы. Гегель был реформатором науки о мышлении.

Важная задача, которая сейчас стоит перед учеными, – это сосредоточение внимания на необходимости систематического анализа не только всех существующих категорий, но и разработки новых, учитывая особенности и закономерности современного научного познания и социальной практики. Творческое и глубокое усвоение будущими специалистами логико-философских идей великого немецкого мышления будет способствовать формированию творческого мышления, что дает возможность повысить логическую культуру мышления, освоить необходимые знания, умело их использовать как в процессе обучения, так и в дальнейшей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права: пер. с нем. / Г.В.Ф. Гегель; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсенянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсенянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Гулыга А.В. Гегель / А.В. Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 272 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.
4. Ситковский Е.П. Философская энциклопедия Гегеля: в 3 т. // Гегель. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
5. Розенталь М. «Наука логики» Гегеля и марксистская наука логики // Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 5–74.
6. Мотрошилова Н.В. Принцип системности в «Науке логики» Гегеля // Вопросы философии. – 1970. – № 10. – С. 137–149.
7. Киссель М.А. Гегель и современный мир. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 152 с.
8. Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. – М.: Наука, 1973. – 464 с.

© Козлов Иван Иванович (i.kozlov@gnesin-academy.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕЯ ДУХОВНОГО БРАТСТВА В РАБОТАХ СИМВОЛИСТОВ

THE IDEA OF SPIRITUAL BROTHERHOOD
IN THE WORKS OF SYMBOLISTS

M. Krasilnikova

Summary: The article aims to conduct a comparative analysis of the origins and main attitudes of symbolists to the idea of spiritual brotherhood, reflecting the peculiarities of the Russian soul. This idea was connected with those developed by D.S. Merezhkovsky, Vyach. Ivanov, Andrei Bely and other symbolists as carriers of a new religious consciousness, the concepts of spiritual revolution, world transformation, Theurgy, Cathedral symbolism and individualism, and cosmocentric reinterpretation of their role and purpose were used by Ivanov, Andrei Bely, and others.

Keywords: spiritual brotherhood, symbolism, national spirit, genuine Orthodox, all-humanity, spiritual revolution, national self-consciousness, conciliar individualism, life-creation, conversion.

Красильникова Мария Владимировна

К.ф.н., старший преподаватель, Раменское
приборостроительное конструкторское бюро
marikras123@yandex.ru

Аннотация: В статье ставится цель проведения сравнительного анализа истоков и главных установок символистов на идею духовного братства, отражающую особенности русской души. Связана эта идея была с развиваемыми Д.С. Мережковским, Вяч. Ивановым, Андреем Белым и др. символистами как носителями нового религиозного сознания концепциями духовной революции, преображения мира, теургии, соборного символизма и индивидуализма, космоцентрического переосмысления их роли и назначения.

Ключевые слова: духовное братство, символизм, народный дух, подлинно-православный, всечеловечность, духовная революция, национальное самосознание, соборный индивидуализм, жизнотворчество, преображение.

Идея духовного братства в работах символистов имела ключевое значение, являясь подосновой и самого символизма как синтетического и многомерного течения в русской философии конца XIX-нач. XX вв. Дело в том, что тема духовного проникнута импульсами общинного, братского и всечеловеческого отношения людей друг к другу. И особенно это касалось самих символистов, сферы выстраиваемых ими межличностных взаимоотношений, способности слышать ближнего своего, откликаться на его потребность преодоления «бренных условий товарной культуры и ей обусловленной бренной рассудочной мысли» [4, с. 304].

В основе понятия братства (из праиндоевр. *bhrater-, а затем праслав. *bratrъ, от кот. в числе прочего произошли: ст.-слав. братръ, братъ (Использованы данные словаря М. Фасмера) лежит культивирование способности людей к сближению и объединению между собой, изначально составившее основу древнерусских «братин» в виде религиозной (православной) общины или монашеского ордена.

Символистами, являющимися яркими представителями русского духовного ренессанса, эта идея трактовалась сугубо как духовная в двух планах: необходимая для объединения братства самих символистов и отражающая суть народного духа, в его религиозно-соборном оформлении и трактовке. В первом случае эта идея представляла из себя некое скрепляющее начало, основу духовного единства носителей нового сознания и отношения к людям и миру вокруг, преображающее и реконструирующее межличностные взаимосвязи на

основе космоцентрического, по Н. Бердяеву, коммунаторного, переосмысления их роли и назначения. Во втором – идея духовного братства представляла из себя основной мировоззренческий базис символистов, на котором они выстраивали свои концепции, связанные с попыткой изменения мира вокруг путем его одухотворения и усовершенствования.

Истоки идеи духовного братства в России были обусловлены мечтами о создании общины безусловно свободных людей: прежде всего славянофилов, В.С. Соловьёва, и других представителей сложившейся в XIX веке творческой интеллигенции, отстаивающих идею духовного обновления России. Последнее не могло быть осуществимым без глубокого осознания того, что представляет из себя национальный дух русского народа. Об этом пишет И. Солоневич в остро-критической форме по отношению к правящей в последние два столетия дворянской прослойке и выразителей ее чаяний «литераторов», обвиняя последних в безвольности и тех неопределенности и безвыходности XX столетия, в которых оказалась Россия. По его убеждению, правящие круги просто не способны постигнуть и отразить во всей глубине «идеалы русского народа», явившись «результатом разброда нашего национального сознания» [3, с. 330]. Россия, по мнению И. Солоневича, «прежде всего - империя. Православная вера и внутренняя государственность, заложенные в фундаменте русского менталитета, самосознания, даже при его извращении – причины империализма России...Империя – это мир. Внутренний национальный мир» [8, с. 26] и «настоящая реальность таинственной русской души – её доминанта – заключа-

ется в государственном инстинкте русского народа, или, что почти одно и то же, в его инстинкте общежития». [3, с. 332–333].

Так натурфилософично идею духовного братства и ее значения для возрождения русской национальной державности интерпретирует этот мыслитель. Но более важным представляется его неравнодушное и безапелляционное отношение к «**правде русской души**» – того нашего главного достояния, которое является маяком и основой истинно национального лица русского человека, способного на сочувствие и жалость не только к своим ближним, но и дальним, по сути, таковыми не идентифицируемыми. Это понимали те самые интеллигенты, которых обвиняет И. Солоневич в допущении революции. Это понимает и он сам. Но именно данный гуманистический аспект в наши дни, к несчастью, не всегда осознается современными представителями великой русской культуры. Отсюда происходят все беды уже XXI века и, в том числе, на международном уровне.

Именно поэтому **целью** нашей работы является рассмотрение установок символистов как представителей духовного ренессанса на идею духовного братства, отражающую главные особенности русской души. Проблемным является вопрос о возможности реализации этой идеи как на межличностном, так и на государственном уровнях.

В этой связи, основоположник славянофильского направления в философии А.С. Хомяков, в процессе рассмотрения вопроса об истоках духовного в русской культуре, **национальное лицо русского человека** трактует с точки зрения его принципиальной всечеловечности как не способного замыкаться в своей национальной фактуре. По этому поводу он пишет: «Чем менее человек закован в свою мелкую народность или чем народность его менее отрывается от жизни общего братства, тем легче историку воскрешать былое и узнавать неизвестное [9, с. 344]. Сила внешняя есть плод силы внутренней; пространство владений и вещественное могущество суть проявления могучего мысленного начала, и в многолюдстве племени (математическом превосходстве над другими) живёт свидетельство о духе братства, общения и любви. Да не забудется это чисто человеческое значение, чтобы не упала великая семья! Да не утратят счастливые потомки венца, заслуженного их многострадавшими предками!» [9, с. 450].

Другой представитель славянофильства К.А. Аксаков понятие братства связывает также с жизнью славянских общин, представляя этот феномен следующим образом: «При своих верованиях славяне русские образовали жизнь свою; они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости и многие общественные и личные добродетели. – Их игра: хоро-

вод, круг – образ братской общины. Так жили они в чужбине христианства... Но отныне, узнав истинного Бога, он глубоко и навсегда наполнился истиной учения Спасителя» [1, с. 98]. Также здесь он пишет, что основа русской общины вполне истинна, так как личность признаётся в ней в своей свободе, а не в произволе; она не терпит в общине лишь в своей лжи, в эгоистическом бунте, а «артель есть росток, который пустила от себя община. До Петра система Руси истинна» [1, с. 104].

Отсюда славянофилами идея духовного братства трактуется как исконно национальное, свойственное славянским племенам и выведшее их на истинный путь общинно-национального воссоединения и становления единого христианского государства. При этом курс европеизации, взятый Петром I в XVIII веке ими осуждается как приостановивший этот единственно верный путь духовного объединения многонационального древне-русского государства.

С ними в этом не соглашается В.С. Соловьёв, считавший вклад Петра I в дело просвещения и обновления веры необходимым для общего блага и отражения подлинного духа православной веры. В своей работе «Византизм и Россия» (1896) он пишет, что заключаться последний мог только в нацеленности усилий церкви в лице ее патриарха на отстаивание основ добра и справедливости и борьбы против «действительных зол и бед народной жизни, а не «против невинных особенностей национального русского предания» или «во имя другого, тоже местного предания (греческого)», как это и было, например, при патриархе Никоне. [7, с. 221]. Принципиально важной для этого мыслителя являлась необходимость отражения «подлинно-православного духа», заключающегося не в одной только «автокефальности» церкви, а в отражении в деятельности собственно патриарха духа «действительно вселенского, универсального предания, которое по существу своему, даёт место всем особым преданиям, не исключая, а обнимая их собою, как различные частные выражения той же всеединой и всеобщей жизни» [Там же].

Отсюда, по В.С. Соловьёву, дух подлинного братства может быть отражён «не в византийском «благочестии»», убравшем за скобки основные евангельские заповеди, среди которых главная – это «истинный Бог есть «Бог живых»», что на деле выражалось в, по сути, мертвой передаче духа веры в виде только «внешнего факта», «случайного и преходящего, тщательно консервируемого христианского предания, загражденного мертвящим буквализмом» вместо «существенного и вечного», (само по себе «замещение в византийских умах вселенского предания частным», по Соловьёву, обнаруживается уже в конце VII-го века, завершившись разделением церкви) [7, с. 222–223] и которое только и способно вывести отношения между людьми на подлинно христианский

или братский, а значит, богочеловеческий уровень. Вне таких отношений между людьми идея духовного братства может получить форму «тёмного патриотизма» как основанного на видении существа благочестия в «незначительных местных особенностях русского церковного обычая» или якобы «истинного благочестия», отражающего «местные особенности», пусть и могущественного, русского государства вместо «веры Христовой, вечной и всемирной» [7, с. 227].

По мнению В.С. Соловьёва, подлинной политикой христианского государства должна быть христианская политика. Заключается последняя в представлении церковью перед своим государством «вечной правды, во имя которой оно должно управлять временною жизнью народов и вести её к высшей цели». В Константинополе одним из последних «в этом смысле» представителей церкви был «св. Иоанн Златоустый», у которого не было настоящих продолжателей и через несколько веков верховное управление византийской церковью стало принадлежать императорам, которым кроме царских воздавались и архиерейские почести. Это явилось причиной фактического превращения царской власти в Восточной империи из христианской в «Навуходоносорову», а следовательно, «– и рокового крушения Византии» [7, с. 210].

Как особо отмечает В.С. Соловьёв, в Древней Руси были задатки «более правильных отношений между духовным и светским началами, между церковью и государством, но в силу исторических условий эти задатки не могли развиваться, и «убиение св. митрополита Филиппа явилось на нашей почве самым ярким примером вавилонско-византийского деспотизма». [7, с. 210], как и возникновение «партикуляризма» в церкви [7, с. 226]. Первым, кто ясно осознал в новой России необходимость самостоятельного религиозного авторитета в истинном его смысле, – не как ограничения, а как восполнения самодержавной царской власти, а значит, добавим мы, **настоящему духовного общения с иерархами церкви и получения через них помощи свыше**, был Петр I. [7, с. 211]. Выразилось это в его попытке безуспешного восстановления духовного авторитета церкви, которая натолкнулась на «византийский камень мертвого буквализма и византийскую змею лукавой лести» [7, с. 231]. Это и послужило причиной полного подчинения церкви государству и отмены патриаршества в России, замены его синодом, что «вполне отвечало истинному положению дела», так как самостоятельность духовной власти – это была только «фикция» [Там же]. При этом, как отмечает мыслитель, новая структура не была создана личным произволом, а вызвано это было «действительными условиями нашей исторической жизни», несмотря на то, что их никак нельзя было признать «нормальными с высшей точки зрения» [7, с. 232].

По этому поводу в работе «Жизненная драма Плато-

на» В.С. Соловьёв пишет об особом даре, сообщенном человеку Божеством, который выше другого тоже очень важного дара – «образованности», основанной на таких житейских обстоятельствах как «огонь» и «земледелие». Этот же «трижды величайший дар», согласно мифологии, был получен человечеством от Гермеса Трисмегиста и вложен в «телесный образ **человеческого общежития**» (выделено нами – М. К.) в виде «живой души и двигательницы жизни – философии, не для того, чтобы человек получил вечную истину и блаженство, а для того, чтобы **трудовой путь человеческий к истине и блаженству огражден был с двух сторон – и от суеверного демонского трепета, и от тупой животной безотчётности**» [7, с. 242]. В этом, согласно ведущей установке мыслителя, состоит и назначение истинной светлой христианской веры.

В рамках символизма как нового субъективно-художественного метода, суть которого впервые была изложена Д. С. Мережковским в лекции-манифесте символизма «О причинах упадка и о новых течениях современной русской культуры» (1992), идея духовного братства, во многом под влиянием трактовки этой идеи В.С. Соловьёвым, рассматривалась мыслителем в связи с развиваемой им концепцией духовной революции и преображения мира, синтеза духа и плоти или интеллигенции и религиозного движения народа. Это было сопряжено с пересмотром назначения духовного не для отдельных представителей элитарного сознания, а для всего народа, жизнотворческого по своей направленности, содержащего в основе стремление к переоценке всех ценностей, в наши дни приобретающего сакральный смысл и возможность разрешения межрелигиозных и межнациональных конфликтов.

Так в статье «Красная шапочка» (1908) он пишет, что не от мощи государственной, а от мощи народной, без которой и в двенадцатом году Россия погибла бы, мы будем ждать спасения. Ссылаясь на главное свойство русской интеллигенции, определенное Достоевским как «всечеловечность», Д.С. Мережковский особо указывает, что последняя «неповинна в грехе национальной исключительности». При этом для русских людей любовь к родине не связана с тем, что «Струве называет государственною «соборною личностью», в отличие от идеи всемирного братства» [6, с. 435].

Другой представитель первой волны символизма в России К. Бальмонт идею духовного братства выразил в своих стихотворениях, отличавшихся особенной созерцательностью и философичностью. Его отношение к миру и людям вокруг, сложной, но неизбежной возможности разрешения всяческих недоговоренностей и конфликтных ситуаций раскрывается в цикле его стихотворений под общим названием «Выбор». Приведем одно из них: «Нет, мой брат, не принимаю /Гордый твой завет.

Я иду к иному раю,/ Я люблю спокойный свет./ Ежедневный, ежечастный,/ Свет души на дне,/ Тем прекрасней, что, бесстрастный,/ Неизменен он во мне./ Брат мой, кто ты? Что ты знаешь /Обо всех других? / Ты неярких проклинаешь, / Я для них пою свой стих./ Ты сказал, что я сияю/ В капельке, в росе, -/ Это я благославляю,/ Я желаю быть как все. /Все мы капли в вечном Море, / Нет различья в нас./ Все мы боль таим во взоре/ В наш последний смертный час./ Это – страшное проклятье:/ Презирать других./ Всех люблю я без изъятия,/ Я для всех пою свой стих».

Среди других продолжателей или, как он сам себя называл, «искателей» духовно-религиозного учения В.С. Соловьева, можно выделить имя главы второй волны символизма или «младосимволизма» в России Вячеслава Ивановича Иванова (1866-1949). Анализируя учение своего учителя, мыслитель в качестве основной его добродетели выделяет «добродетель справедливости», которая была его «живым иконопочитанием» [4, с. 340]. Отсюда, по Вяч. Иванову, учение великого русского философа следует трактовать как учение о «правом соподчинении отвлеченных начал, или об их универсальном оправдании» и о «восстановлении человека и природы в их божественности посредством свободного воссоединения всех движущих мировых сил в живой целокупности Тела Христова...Богочеловеческое или божественное тело (Церковь) составляет Невидимый союз душ, принадлежность к которой существенна, а не феноменальна. Благодатное действие на этот процесс оказывает Дух. Отсюда Церковь есть таинство вселенской любви и свободного единения во Христе», в связи с чем «история – это процесс становления богочеловечества, имеющего объединить сынов Божиих на земле и самое Землю» [4, с. 341].

В этих строчках Вяч. Иванова об отношении В.С. Соловьева к теме духовного единства человечества выразилась и его собственная позиция, которую он развивает в своей книге «Родное и вселенское». С его точки зрения, идею духовного братства следует трактовать через глубинное восприятие православия как «своей свободной родины и родину своей свободы» и веры в «Русь святую как в Русь вселенскую», где «русские мальчики» представляют из себя «тип людей нового русского сознания, напророчесственный Достоевским и им порожденный», ищущих имманентно-трансцендентного синтеза в подлинном и вечном, как теургическом начале народного сознания [4, с. 165] Иванов пишет, что рост мифа из символа есть возврат к стихии народной. В нем выход из индивидуализма и предварение искусства всенародно как результата не личного, а коллективного, или соборного, сознания.

В позиции другого ведущего теоретика и неформального главы второй волны символизма в России – Андрея

Белого проявляется существенное отличие от позиции Вяч. Иванова, связанной с акцентировкой мифа, которому предшествует символ, как и на идею духовного братства. Определяя символ искусства как потенциал целой серии идей, чувств, волений, Андрей Белый утверждает его сотворимость сознанием художника и производность из аллегории или мифа [3, с. 124]. Но самым главным отличием являлась акцентировка не коллективного, и даже не личного, а индивидуального сознания последним как способного составить основу чаемой ими всеми соборности или братства.

Сама идея, по словам поэта и писателя, родилась еще в студенческие годы, а в 1901-1902 годы он с Д.С. Мережковским и З. Гиппиус активно обсуждает в письмах «тему о том, что есть религиозная община в новом сознании; моя религиозность не приемлет догмата, но – символ Христа в лике и импульсе...» [3, с. 443].

Затем в 1903 году в одном из первых писем своему будущему духовному брату и главному соратнику по символистскому движению Александру Блоку он пишет об общении из «бессмертных далей» индивидуальностей, ищущих внутренней солидарности на основе соединения объективного и интимно-личного, пройдя разными путями промежуточную зону, лежащую между «внешним» и «внутренним» знанием, «соприкоснувшись с Одной Истиной» [2, с. 97]. В другом, уже ответном письме к А. Блоку, где тот называет друга «посвященным», которым может быть только он, так как «никто кроме тебя не услышит и знать не захочет» [2, с. 183], упрекает своего духовного брата за неопределенность выдвигаемых им целей и средств (реального пути) и упоминает о пути мистическом (как реальном), определить который помогает выбор мотивов долга и средств [2, с. 185]. Из данной переписки выявляется глубокая потребность обоих к творческому взаимодействию, пребыванию в «несказанном» [2, с. 191, с. 230], стремлению «ни к чему иному, кроме Правды» и – преобразению личности, которое для А. Белого немислимо без ясного осознания средств (реализации пути) и поставленных целей [2, с. 184].

Тема духовного братства теоретиком символизма непосредственно связывалась с развиваемым им учением о символах, в котором в центре оказывается заимствованное из работ В.С. Соловьева понятие теургии, определяемое как «ритмы преобразования в нас», согласно которым он предполагает изменить мир к лучшему через «символизм, катастрофизм, взрыв: «Се творю всё новое...новое «я» и новое «мы»; мы – коллектив, община; она религиозна в смысле насыщенности её волевой энергией символизма» [3, с. 429].

Волимая мыслителем духовная церковь-коммуна или религиозная община предполагалась в значении человека и как духовно-революционное преодоление

всех социально-общественных традиций в творимую новую культуру. Это и была поставленная им еще в студенческие годы цель построения соборного символизма, как аккумулирующая проблемы коммунизма и теургизма [3, с. 430-431] – «коммуна исканий, лаборатория опытов новой жизни в Символе, или «третьем», возникающем в нас как ведущий импульс. Строить её предполагалось в 1903-1904 годы друзьями-аргонавтами. В «Арго» А. Белый мыслил сидящим «Орфея» - «знак Христа: под маской культуры (для первых христиан – знак Рыбы)» [3, с. 437].

Сама его концепция заключалась в конкретной попытке построения отношений людей в обществе (для него в тот момент это были литераторы) на следующем принципе: «...никакое «Я» по прямой линии невыражаемо в личности, а в градации личностей, из которых каждая имеет свою «роль»...Неповторимость индивидуума («всегда коллектива») проявляется лишь в сочетании разных особенностей его внутреннего Я. Непонимание этого в нашей социальной жизни, неминуемо приводящее в оценке и себя и других в рамках поведения «личности», а не «индивидуальности», является причиной отсутствия у большинства всяких представлений о ритме жизни с другими, что...делает наши суждения о своих ближних превратными и является роковым законом гибели всех обществ, коммун, кружков, коллективов» [3, с. 430]. Отсюда происходили и его усилия разрешить проблему разобщенности людей в обществе, для чего он утверждает «индивидуум» в качестве «социального целого», выдвигая идею о наилучшем его проявлении в «церкви» или «коммуне-индивидууме», где «могли бы разрешиться противоречия многих личностей в самосознании каждого» [3, с. 421].

Позже А. Белый напишет, что «опыт, соединивший нас в попытке конкретизировать его, разбит; а меня упрекали в неверности;...я имел опыт другого рода: выстраданное знание о том, как перерождается социальный ритм в общественном коллективе, если его преждевременно опустить из духовной сферы в сферу душевности, где он – вихрь хаоса и астральная духота» [3, с. 438]. В данном случае речь шла о неправильно истолкованной платформе соборного индивидуализма, «названного Чулковым» и рядом других деятелей культуры того времени, включая Вяч. Иванова, А. Блока, Городецкого и Мейерхольда, «мистическим анархизмом» [3, с. 443].

Поэтому «с 1906 года с утопией о соборном индивидуализме было покончено» [Там же]. Саму же идею духовного братства позднее он пытается возродить в период своего увлечения антропософией как «старую мысль о коммуне эсотериков: мысль о братстве. Но, выходя к обществу, состоящему из тысячи членов, я постепенно разглядывал: неправомерное перенесение

Символов общины на учреждение «Общества» в фальшивом, ложноболезненном представлении о какой-то «эсотерической общественности», отличающей «Антро-О-во» от других, «светских» обществ... «общественность», переносимая в «братство», вносит в идею братства государственность; и эта государственность, принятая внутрь, безобразит внутреннюю линию отрывкой традиций, гиратики, «орденства» и тому подобными пережитками; наоборот, *идея братства*, перенесенная в устав, и совет общества совершенно формальные юридические функции советников облачают в какие-то ритуально понимаемые обряды миссионерства: вместо свободного расклучения линий получается безобразящая свободу склученность, в результате которой ощущение «бочки», в которую тебя вклёпывают; в уставе «свобода», на кончике языка – философия свободы, а в действительности мироощущения епископский жезл, перед которым салютует в свободном порыве к... рабству». [3, с. 466]. В итоге в 1923 году А. Белый делает вывод о том, что «нужно отказаться от идеи общества в антропософии для возможности роста ассоциации духовно-свободных людей в их усилиях к грядущему «братству»» [3, с. 467].

Эта идея, развиваемая им и в поздние годы его жизни, также как и другими представителями символизма в России, основывалась на христианских и общественно-революционных установках о единстве людей и народов, о всеобщей справедливости и свободе, и не могла быть реализована в предлагаемых условиях той исторической действительности, в которых находилась Россия первой половины XX века. Кризис символистского движения связан с пересмотром духовных ориентиров, отходом от изображения субъективных переживаний, попытками приобщиться к народной жизни. Претерпела существенное изменение и трактовка идеи братства, которое стало пониматься как всенародное. Деятели символизма этого времени пытались не просто теоретически рассуждать о позитивном изменении мира вокруг, но и выстраивать новые взаимоотношения в обществе единомышленников и людей, заинтересованных в одухотворении человеческой сущности и борьбой с «ледяной пустыней одиночества», как это делали Андрей Белый, Александр Блок, Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов и многие другие символисты. И, несмотря на то, что в итоге символистское движение распалось, так как их концепции основывались на свободном, творческом проявлении личной или индивидуальной инициативы, что предполагало учёт разных точек зрения и некоторую сложность приведения их к единому целому, они делали одно общее дело, которое являлось их безусловной заслугой. И в первую очередь это касалось дела познания духовных глубин народной души, отстаивания национальных и общемировых гуманистических ценностей и поиска гармонии во взаимоотношениях людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст., коммент. Кошелева В.А. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.
2. Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст., коммент. М.Ф. Пьяных. – М.: Высш. Шк., 1990. – 687 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. Иванов Вячеслав Иванович. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. – М.: Республика, 1994 – 428 с.
5. Красильникова М.В. Идеи синтеза искусства, бытия и сознания в творчестве Андрея Белого : монография / М.В. Красильникова. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 208 с.
6. Мережковский Д.С. Избранное: Роман, стихотворения, эссе, исследования / Состав. А. Горло; Худож. С. Майоров. – Кишинев: Лит. Артистикэ, 1989. – 544 с.
7. Соловьев В.С. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. Н.И. Цимбаева. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
8. Солоневич И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.
9. Хомяков А.С. Церковь одна. Семирамида. / Сост., прим. В.М. Гуминский; Вст. Ст. Б.Н. Тарасов / Отв. Ред. С.А. Лыкошин, Союз писателей России. – М.: Информационно-издательская продюсерская компания «ИХТИОС», 2004. 324 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. — 2-е изд., стереотип. — М.: Прогресс, 1986. – 562 с.

© Красильникова Мария Владимировна (marikras123@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ХАРИЗМАТИЗМА В УКРАИНЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКОГО И ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЙ

CONFESSIONAL SPECIFICITY OF MODERN CHARISMATISM IN UKRAINE: SOME ASPECTS OF SOCIO-PRACTICAL AND THEOLOGICAL DIMENSIONS

A. Tishchenko
V. Titarenko

Summary: The confessional specificity of charismatic communities in Ukraine is investigated through the dynamics of quantitative indicators, attitudes towards charismatic churches on the part of society. The focus is on the qualitative changes that mark the open process of the formation of charismatic theology. Since the charismatic environment in Ukraine is not homogeneous, the article is based on empiricism, representing the theological formation of the New Generation charismatic Church. It is substantiated that the core of theological concepts of Ukrainian charismatics is rooted in classical Pentecostalism. Its reinterpretation takes into account the spiritual experience of the pastor / leader, in the context of the practice of specific charismatic churches (in particular pneumatological: interpretation of the Gifts of the Holy Spirit and understanding of glossolalia). It was revealed that the formation of the theology of the charismatic Church «New Generation» is significantly influenced by: a) the theological narrative of early Protestantism b) «discourse of time», which can be attributed to mystical-esoteric and magical-shamanistic ideas assimilated by charismatic theology (in particular, pandemonism) through their own cult practices (exorcism).

Keywords: charismatism, theology, pneumatology, Pentecostalism, Holy Spirit, concept, healing, prosperity theology.

Тищенко Андрей Георгиевич
Соискатель, Институт философии
имени Г.С. Сковороды НАН Украины,
pastor.1965@yahoo.com

Титаренко Вита Владимировна
Д.ф.н., с.н.с., Институт философии
имени Г.С. Сковороды НАН Украины,
vitatit197012@gmail.com

Аннотация: Конфессиональная специфика харизматических общин в Украине исследуется через динамику количественных показателей, отношения к харизматическим церквям со стороны общества. В фокусе внимания находятся качественные изменения, маркирующие открытый процесс формирования харизматической теологии. Поскольку харизматическая среда в Украине не отличается гомогенностью, статья базируется на эмпирике, представляющей теологическое становление харизматической Церкви «Новое поколение». Обосновано, что ядро теологических концептов украинских харизматов уходит корнями в классическое пятидесятничество. Его переинтерпретация происходит с учетом духовного опыта пастора/лидера, в контексте практики конкретных харизматических церквей (в частности пневматологическая: трактовка Даров Святого Духа и понимание глоссолалии). Выявлено, что на формирование теологии харизматической Церкви «Новое поколение» существенное влияние оказывают: а) теологический нарратив раннего протестантизма б) «дискурс времени», к которому можно отнести мистико-эзотерические и магиико-шаманические представления, ассимилированные харизматичным богословием (в частности, пандемонизм) через собственные культовые практики (экзорцизм).

Ключевые слова: харизматизм, теология, пневматология, пятидесятничество, Дух Святой, концепция, исцеление, «теология процветания».

Введение

Динамичность развития феномена харизматизма «подпитывает» перманентный интерес к себе со стороны научного и богословского сообществ. С другой стороны, исследования харизматических общин, возникших на волне XX века усложняются по ряду причин: во-первых, харизматические церкви сохраняют высокие темпы в своем численном распространении и локально-региональной адаптации, во-вторых, некоторые из них, основанные зарубежными миссионерами, после всплеска активности, остались на обочине, другие же, адаптировавшись, постепенно институализируются, выкристаллизовывают и вырабатывают собственные

теологические подходы. В свою очередь, отсутствие централизации в харизматической среде, побуждает лидеров церквей к отличительным формулировкам теологических концептов. Не претендуя на всеохватность, в данной статье предпринята попытка анализа некоторых принципиальных, по мнению авторов статьи, аспектов формирования харизматической теологии, с эмпирической опорой на пример Международного христианского движения «Новое поколение» (харизматическая церковь).

Актуальность

Харизматическое движение, как некоторый новый

вид христианства, динамично прогрессирует в мире и Украине. В поликонфессиональном пространстве Украины, по состоянию на 1.01.2020 года религиозные организации протестантского направления составляют ок. 26% (9593) от общего количества (36796). Религиозные организации харизматического типа составляют 16,63% (1596) от количества протестантских общин, а среди общего количества религиозных организаций в Украине это составляет ок. 4,3%. Если рассмотреть детальнее, то религиозные организации харизматического направления насчитывают 1596 (1571 - по состоянию на 1.01.19 и 1496 - на 1.01.18), демонстрируя устойчивую тенденцию роста. Но прирост численности общин не является одинаково интенсивным (иногда можно наблюдать и незначительное уменьшение). Наикрупнейшее Объединение независимых харизматических христианских церквей Украины (полного Евангелия), возглавляемое А.Гаврилюком – насчитывает 361 (352 - на 1.01.19) общину, Украинская Христианская Евангельская Церковь, возглавляемая Л.Падунюк - 146 (148 - на 1.01.19), религиозные организации Церкви Живого Бога - 57 (56 - на 1.01.19), Духовный центр «Новое поколение» христианских церквей Украины - 84 (77 - на 1.01.19), Духовный центр «Возрождение» - 137 (138 - на 1.01.19), другие религиозные организации харизматического типа, куда входят весомые сообщества харизматических лидеров Генриха Мадавы («Победа»), Сандея Аделаджи («Посольство Благословенного Царства Божьего для всех народов Божье»), Филиппа Лёвочки, Софии Жукотанской - 811 (820 - на 1.01.19) общин [1].

Важным, по нашему мнению, фактором роста численности последователей харизматических общин является их активное миссионерство, волонтерство, помощь маргинальным группам (наркоманам и алкоголикам), основание детских домов, борьба против СПИДа, бедности и тому подобное. Чем терпимее религиозная организация стремится привлечь в свои ряды не-верующих, через различные формы благотворительной деятельности, тем большее число сторонников она приобретает. По данным социологических исследований Центра Разумкова, уровень толерантности к евангелическим и харизматическим церквям в украинском обществе вырос с 3,4% в 2000 году до 16,4% в 2019 году. Однако, объективности ради стоит отметить, что уровень негативного восприятия остался почти на том же уровне - 16,7% в 2019 году (в 2020 году этот показатель составлял 9%). Но, как видно из показателей, уровень негативного баланса существенно изменился, практически уравнивая показатели доверия-недоверия [6].

Ныне харизматы уверенно демонстрируют стремление к формированию теоретического богословия, активизируют подготовку священнических кадров, проводят активную медийную политику, социально-евангелизационную и т.д., заявляя о своем присутствии в публичном

пространстве. На сегодняшний день в украинском пространстве функционируют 15 высших и средних духовных учебных заведений, основанных представителями харизматического направления, 1409 священнослужителей, выдаются 62 периодических издания [1]. Понятно, что количественные показатели, вне сомнения, влияют и на качественные. Одним из таких качественных показателей, как раз и является формирование теологического обоснования деятельности харизматических общин.

Литературный обзор

В формировании харизматической теологии важную роль играют труды, написанные авторитетными харизматическими проповедниками, пасторами, богословами. Герменевтическая трансформация учения о Святом Духе в украинском харизматизме происходила под влиянием известных протестантских богословов и харизматических лидеров, таких как, Бенни Хинн, Грант Осборн, Джоэл Грин, Даррел Бокк, Крейг Бломберг, В. Экман, Йонгм Чо, А.Ледяев, А.Тищенко и др. Также для исследования важно было использование работ современных ученых-богословов: М.Черенкова, М.Мокиенка, С.Санникова, Р.Соловья и других. Для осмысления феномена харизматизма, необходимо было опираться на научные работы исследователей-религиоведов: В.Еленского, О.Куропаткиной, И.Скоробогатовой, В.Титаренко, Л.Филипович, и др.

Цель статьи заключается в характеристике качественных изменений харизматического сегмента религиозной карты Украины. В первую очередь, речь идет о специфике формирования теологических концептов харизматических церквей, с опорой на материалы о деятельности Международного христианского движения «Новое поколение» (харизматическая церковь), представляющие срез процесса формирования харизматической теологии. Поставленная цель предполагает решение **следующих задач**: раскрыть конфессиональные особенности харизматизма, посредством компаративистики, определить факторы, влияющие на процесс формирования харизматической теологии и перспективы её дальнейшего развития.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу статьи составили труды современных религиоведов, богословов, социологов. Концептуальным базисом исследования служат фундаментальные принципы академического религиоведения: научность, объективность, толерантность, историзм и др. Объект исследования предполагал междисциплинарный подход и полидисциплинарную методологию, в частности включение в базу источников работ не только научных, но и богословских дисциплин (герменевтики, экзегетики, пневматологии).

Компаративный анализ позволил выявить некоторые доктринальные связи между харизматизмом и пятидесятничеством. Герменевтический, в свою очередь, специфические харизматические интерпретации Библии, лежащие в основе доктринальных позиций харизматических церквей.

Основное изложение материала

Процесс формирования харизматической теологии в Украине по времени совпадает с началом институционализации харизматических общин и охватывает, как независимые харизматические Церкви, так и апостольские харизматические Церкви Украины. Общим и объединяющим для церквей обоих типов остается теологическая доктрина «Полного Евангелия», согласно которой, каждый верующий в своей жизни, в определенной степени, повторяет жизнь Сына Божьего. Теология независимых харизматических церквей находится в процессе постоянной трансформации, адаптируясь под социокультурные, политические и религиозные запросы общества, вместе с тем, оставляя почти неизменным доктринальный базис, заложенный в период формирования церкви. Теология же апостольских Церквей, входящих в орбиту служения определенного «апостола», также изменяется, но, в большей мере, исходя из новых откровений харизматического лидера/пастора, воплощаясь в дальнейшем в доктринальную основу их Библейских школ, школ лидерства и пр. По определению религиоведа И.Скоробогатовой: «Процесс институционализации харизматического движения заключался не столько в формировании его структуры, сколько в религиозно-догматическом и идеологическом развитии. Этот процесс был связан с появлением новых учений в харизматическом богословии. Развитие получили новые идеи, такие как «теория визуализации», «теология успеха», «принципы позитивного исповедания», что привело к смещению идеологического акцента с духовного крещения, характерного для пятидесятничества, в сторону новой идеологии, обобщенной как «евангелие процветания» [8, с. 198]. Этот процесс, однако, не вывел харизматическое движение за рамки общепротестантской богословской парадигмы, а способствовал догматизации харизматических идей». Но нестандартные теологические интерпретации фундаментальных вероучительных положений протестантизма, в частности, классического пятидесятничества, является признаком, характерным для харизматизма.

Специфический для украинского религиозного общества и христианского сознания опыт деятельности такой харизматической церкви как Международное движение «Новое поколение» (которая типологически относится к апостольским Церквям) аутентично раскрывает экклезиальную сущность современного мирового харизматизма. Теологическая база церкви «Новое по-

коление» находится в динамике формирования, с опорой на вероисповедные принципы христианства в целом и общепротестантские, в частности. Христианская система ценностей приобретает в харизматизме теистическо-объективистский характер.

Харизматы не имеют единого авторитета или катехизиса, в котором их учение было бы изложено в стройной логической форме. Часто можно слышать, что особой доктрины у них быть не может, поскольку все, во что они верят, опирается на тексты Библии [9, с. 269]. Основой любого последовательного богословия является герменевтика. Следовательно, и вероисповедные положения харизматов базируются вокруг следующих библейских истин:

1. Библия является богодухновенным Писанием, откровением Бога человеку, непогрешимым и надежным руководством и источником веры, учения и жизни (2 Пет. 1:21; 2 Тим. 3:16).
2. Существует один истинный Бог в трех личностях – Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой (Матф. 28:19; Лук. 3:22).
3. Иисус Христос есть Вечный Сын Божий, и он является Богом (Матф. 1:23; Ис. 9:6).
4. Бог создал человека праведным, но через непослушание Адама в мир вошли грех, проклятие и смерть (Быт. 3:6-24; Рим. 5:12).
5. Человек может обрести спасение только через веру в Иисуса Христа и получить прощение грехов благодаря Его замечательной жертве на Голгофском кресте (Еф. 2:8; Рим. 3:24-25).
6. Все, кто приняли Иисуса Христа своим Господом и Спасителем, должны быть крещены посредством полного погружения в воду (Мар. 16:16; Деян. 2:38).
7. Крещение Святым Духом – это дар, обещанный Иисусом Христом всем верующим. Крещение Святым Духом следует за рождением свыше; его знамением является говорение на иных языках и проявление даров Святого Духа (Деян. 2:4-38; Лук. 24:29; 1 Кор. 12:1-31).
8. Вечеря Господня – это таинство, символизирующее страдания Христа и его смерть, а также прощество о Его втором пришествии. Верующие совершают Вечерю, доколе Он придёт (1 Кор. 11:26).
9. Божественное исцеление было обещано ещё в Ветхом завете и является неотъемлемой частью Нового завета (Исх. 15:26; Пс. 102:3; Матф. 8:16-17; Деян. 5:16; Иак. 5:14-16).
10. Те, кто умер в грехах, не уверовав в Иисуса Христа, чье имя не записано в Книге жизни, вместе с дьяволом и его ангелам подвергнутся вечному наказанию и будут брошены в озеро огненное, горящее серою. Это есть вторая смерть (Матф. 25:46; Мар. 9:43-48; Откр. 20:11-15, 21:8).
11. Верующие в Иисуса Христа и исполняющие Его Слово наследуют жизнь вечную (Ин. 5:24; 1 Ин. 2:25; 5:20; Рим. 6:22-23) [5].

Харизматы, временами обвиняются в том, что книги их лидеров (в частности К.Хейгина), воспринимаются как дополнение к Писанию. Однако самими харизматами Библия понимается, как единственный критерий истинности духовных переживаний и доктринальных положений: «Вы можете судить о том, является духовное переживание истинным или ложным, просто проверив его Словом» [2]. Но харизматы, также разделяют мнение Ж.Кальвина о том, что «Чтение Писания само по себе не приносит никакой пользы без вдохновения Святого Духа» [цит. за: 2].

Наиболее принципиальным доктринальным учением для харизматической теологии является, несомненно, пневматология. Известный проповедник, толкователь Библии Д.Принс отмечал: «Отец наделяет Сына Своей властью, силой и славой. Сын, в свою очередь, назначает Духа Святого как своего Представителя для того, чтобы открывать и толковать Церкви все то, что Он принял от Отца» [7]. Как и пятидесятники (с которыми генетически связано большинство украинских харизматичных движений), харизматы в своей пневматологии демонстрируют «триадный методологический подход «Дух-Слово-Сообщество» [4, с. 488]. Пятидесятнический ученый-богослов М.Мокиенко в этой связи отмечает: «Приоритетность Духа над Словом выражает приоритет Божьего действия в опыте и практике, которые впоследствии осмысливаются благодаря встрече со Христом через Писание (Слово). Церковная община мыслится как результат диалогического взаимодействия Духа и Слова, а ее основное назначение в свете пневматологических свойств заключается в миссионерской деятельности. Записанное Слово функционирует для сообщества как метанарратив, который оживает в современности благодаря Духу. Сообщество играет посредническую функцию, распознавая духовный опыт от слова» [4, с. 488]. Харизматы, опираясь на идею классического пятидесятничества о необходимости возрождения духовных харизм как ключевого компонента христианской духовности, развили и переинтерпретировали его, гармонизируя пневмацентричный опыт с доктринальной традицией собственных церквей, в контексте которой этот опыт был приобретен.

Для формирования харизматической теологии важными являются труды, написанные авторитетными харизматическими служителями, проповедниками, библистами, богословами. Герменевтическая трансформация учения о Святом Духе в украинском харизматизме происходит под влиянием таких известных личностей, как Бени Хинн, Грант Осборн, Джоэл Грин, Даррел Бокк, Крейг Бломберг, В.Экман, Д. Йонг Чо, А.Ледяева и др.

В христианском мире существует два взгляда на понимание процесс крещения Святым Духом:

1. Святой Дух – необходимая составляющая процес-

са обращения каждого христианина, но без видимых признаков. Такую позицию поддерживает ряд евангельских церквей, в частности, баптисты, адвентисты и др;

2. Противоположная первой точка зрения, заключающаяся в том, что обращение происходит без глоссолалии, а крещение Святым Духом обязательно и исключительно сопровождается явлениями глоссолалии. В контексте «пауэр-ивэнжелизм» (Power Evangelism, «Евангелизм, наполненный мощью») харизматы теологически разграничивают «рождение свыше» и «крещение Духом Святым», то есть придерживаются пятидесятнической идеи последовательности, считая говорение на языках, единственно возможным «начальным физическим доказательством» крещения Святым Духом, а учение о необходимости духовного крещения – «ключом» для всех девяти даров Духа Святого. Эта особенность связывает харизматическое движение с евангеликализмом (ривайвелизмом).

Представители Церкви «Новое поколение» отрицают холистический подход к миссии и убеждены, что представление Евангелия должно сопровождаться лечением больных, изгнанием демонов, произнесением слова знания и др. Харизматы верят в то, что христиане могут быть одержимы демонами, которые подлежат изгнанию. Они основываются на том, что в Священном Писании нормой является деятельность и Бога, и Сатаны в человеческой жизни» [13, р. 58]. При этом верующие должны «настойчиво атаковать сатану», чтобы нанести ему поражение [12]. В то же время, харизматические церкви постоянно подвергают критике пятидесятническую практику верующих по сдерживанию проявлений Святого Духа.

Последние два десятилетия деятельности в Украине харизматической церкви «Новое поколение», ей частично удалось преодолеть теологический барьер с фундаментальными евангельскими церквями. Несмотря на то, что большинство влиятельных западных богословов, проповедников и пасторов, которые имели непосредственное влияние на формирование теологических концептуальных положений харизматических церквей о Святом Духе, основывали свои представления о Его деятельности на ментальной составляющей, а отнюдь не на научных умозаключениях, опирались на интуитивное прочтение Писания, тем не менее, произошло принятие протестантскими богословами, в целом, того факта, что Святой Дух способен влиять на человека на новом уровне - сотериологическом.

Еще один важный аспект в теологическом становлении харизматов касается обоснования важности сохранения физического здоровья и здорового образа жизни. «Наше тело - храм Святого Духа, поэтому мы не должны

принимать наркотики, курить, употреблять чрезмерное количество жирной пищи» (Д. Колберт) [11]. Концепция исцеления базируется на двух принципах христианской антропологии: на положении, что Христос спас не только дух, но и душу, и тело человека и на представлении о христианине, как победителе, который успешно преодолевает жизненные трудности. Приведенных положения свидетельствуют о глубоком укоренении в позднем протестантизме (еще в XIX в. пресвитерианский проповедник Э.Ирвинг учил об исцелении, как символе победы Иисуса на кресте, а Отто Стопмаер обобщил эти идеи в книге «Болезнь и Евангелие») и доказывают непосредственную связь концепции исцеления с «теологией процветания».

Современная постмодернистская культура и глобализация общества требует от общественных институтов быстрого реагирования на потребности человечества. Харизматическая церковь – первая в числе тех, кто открыто гарантирует быстрое решение имеющихся человеческих проблем. Учитывая факт, что XXI век – век пандемий (онкология, туберкулез, различные ментальные нарушения, а ныне – распространение коронавируса), человечество находится в процессе поиска медицинских путей их эффективного лечения, но, тем не менее, не может обеспечить выздоровление всем больным. В этих условиях, большую популярность набирает харизма исцеления, конечный результат которой обусловлен двусторонними взаимосвязями: вера человека и «воля Божья» [3, с. 286]. Всемирно известный представитель «служения исцеления» А.Робертс утверждал, что «Бог – это благой Бог», желающий избавить людей от страданий. [Цит. за: 3, с. 286].

В отличие от фундаментального пятидесятничества, которое рассматривает исцеление как физический факт выздоровления от видимых болезней, харизматы под исцелением понимают и душевное исцеление. Фокус учения об исцелении сосредотачивается на исцелении эмоций и исцелении души. Вместе с тем, в доктрине об исцелении проявляются черты пандемонизма, присущие харизматической теологии, как таковой. Харизматы уверены, что, по крайней мере, большая часть болезней насылается на человека Дьяволом. А потому, побеждая верой собственные болезни, человек побеждает Сатану и нечистых духов. Этот постулат разделяется и Церковью «Нового поколения», каждая воскресная служба которого, в определенной степени, содержит элементы экзорцизма. Однако, харизматические церкви не отрицают и естественные причины заболеваний. Так, Бенни Хинн и Дэвид Йонг Чо считают целесообразным лечиться не только силой веры, но и не пренебрегать предписаниями официальной медицины.

В исцелении харизматы значительную роль отводят методу вербального провозглашения своего исцеления.

Он построен на доктринальной концепции «правильного исповедания». Слово Божие непоколебимо, поэтому рано или поздно оно будет выполнено. Поскольку исцеление является неотвратимым, следует верить в него, несмотря на очевидность и смело провозглашать свою веру, поскольку правильные положительные слова веры ускоряют выздоровление больного. Вместе с тем, после выздоровления христианин должен тщательно заботиться о своем здоровье, потому что оно – есть дар Божий.

Смысловую сущность периферийных богословских нарративных структур, выделенных в теологических построениях украинских харизматов, с небольшой вариативностью, можно определить следующим образом:

1. Рождение свыше, через которое человек возрождается духовно и кроме душевной жизни, будет иметь жизнь духовную.
2. Крещение Святым Духом с признаком говорения на иных языках, когда Дух Святой соединяется с духом человека и воспроизводит слова и звуки, которые харизматы называют «иными языками». Эти «языки» соответствуют проблемам и потребностям человека, поскольку своим умом человек не способен все понимать, а значит – предотвратить угрозы и трудности, встречающихся на жизненном пути.
3. Договор с Богом (Завещание) через водное крещение, которое является ничем иным, как обещанием Богу доброй совести. Это обещание дается человеком в момент принятия им водного крещения.
4. Святость, отказ от всех вредных привычек, мирского образа жизни и нацеленность на то, чтобы угодить Богу своими поступками. Стандартом святости является Библия.
5. Ученичество, которое предполагает, что человек не просто христианин, который исповедует Иисуса Христа, но и во всем подражает своему Учителю – в проповеди Евангелия, молитве, практике изгнания бесов и тому подобное. Следовать Учителю, значит делать все, что делал Иисус Христос.
6. Действие в дарах Духа Святого, разделенных по тройственным принципам. Согласно харизматической теологии, существует три группы даров Святого Духа: дары откровения - мудрость, знания, умения различать духов; дары силы - вера, чудотворения, исцеления; дары языка - пророчество, говорение на иных языках (глоссолалия), толкование иных языков.
7. Вера в то, что за труд проповеди Евангелия, служение Богу на земле, человек будет иметь награду на небесах.
8. Вера в изгнание бесов и разрушения проклятий. В харизматических церквях верят в то, что изгнание

- бесов из человека автоматически становится основной решенной проблемы.
9. Возложение рук. Харизматы верят в то, что через возложение рук передается сила Божия, так называемое «помазание».
 10. Вера в «процветание». Библия говорит, что Иисус Христос не был нищим. Соответственно, харизматические церкви верят в то, что Бог хочет «заполнить все потребности по богатству Своей славы» (Филип. 4:19).
 11. Изменение сознания. Вера в то, что позитивное мышление и исповедание формируют позитивное сознание, а в дальнейшем формирует позитивное видение [10].

Выводы

Проведенный философско-религиоведческий анализ некоторых аспектов теологического нарратива современного харизматического движения в Украине, с опорой на богословские тексты харизматической Церкви «Новое поколение», позволил выделить три основные смысловые группы текстов, формирующие сегодня украинский харизматический теологический нарратив.

Основу богословских текстов украинских харизматов составляют богословские концепции классического пятидесятничества, интерпретированные, с учетом духовного опыта, пережитого лидерами/пасторами, в контексте практики возглавляемой ими харизматической церкви (в частности, пневматологическая, содержащая трактовку Даров Святого Духа и понимание глоссолалии). Выявлено существенное влияние на формирование концепции исцеления и «теологии процветания» теологического нарратива раннего протестантизма. Формирование теологии харизматической

Церкви «Нового поколения» происходит под влиянием «дискурса времени», под которым понимаются различные мистико-эзотерические и магико-шаманические представления, ассимилированные харизматической теологией (в частности, пандемонизм) через собственные культовые практики (экзорцизм), сформированные в период постмодернистской «плюральности истины» и размытости мировоззренческих ориентиров.

Харизматичная теология в целом, и теология Международного христианского движения «Новое поколение», в частности, находится в процессе становления, не являющимся линейным и поступательным. Это обусловлено внешними и внутренними факторами: глобализационными процессами, провоцирующими фрагментарность и клиповость, как качественные черты харизматической теологии; значительной диверсификацией харизматических церквей, дисперсностью их расположения, отсутствием жесткой вертикали власти, зависимостью от авторитета пастора/лидера на всех уровнях церковной структуры и др. Харизматическую теологию можно условно разделить на «общую» – пневматологию, учение о Дарах Святого Духа, глоссолалию, исцеление и т.д., и «локальную» – собственные интерпретации этих доктрин пасторами/лидерами отдельных Церквей или харизматических общин.

Обобщенно можно констатировать, что теология большинства современных харизматических движений в Украине, в том числе и Церкви «Новое поколение», формируется как попытка совместить базовые протестантские установки, евангельские доктрины с харизматическими практиками. Окончательная теологическая самоидентификация и формирование преемственности вероучения харизматов, просматривается лишь в перспективе, учитывая теологическую «пластичность» самих харизматических церквей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звіт про мережу релігійних організацій. [Електронний ресурс] Портал відкритих даних // <https://data.gov.ua/dataset/db82faf8-3c30-4b47-95a6-15b2c0cc5ece/resource/1fc2bcdb-f0a5-4d2f-bbd2-e666498a738c> (дата обращения: 13.07.2020).
2. Куропаткина О. Харизматы-пятидесятники: «сектанты» или «христиане» [Електронний ресурс] Информационно-аналитический Центр «Сова» // <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2006/> (дата обращения: 13.07.2020).
3. Мензис У., Хортон С. Библийские доктрины. Пятидесятническая перспектива. - Спрингфилд (США): «Life Publishers International» 1999.
4. Мокієнко М.М. П'ятидесятництво: особливості богословської та соціальної ідентифікації. Дис. ... докт. філос. н. Київ.
5. Объединение Церквей «Свет жизни». [Електронний ресурс] Официальный сайт // <http://www.lol.poltava.ua/ru/category/vo-cto-my-verim> (дата обращения: 13.07.2020).
6. Оцінка громадянами ситуації в країні та діяльності влади. [Електронний ресурс] Разумков Центр. Офіційний веб-сайт // http://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologich-ni-doslidzhennia/otsinka-gromadianamysytuatsii-v-kraini-ta-diialnostivlady?fbclid=IwAR1BQX01cLrMf5-ifgzGjlxwIx8rWfYj2k_d35nUaF49Fst1GABVq_WYdw (дата обращения: 13.07.2020).
7. Принс Д. Основы учения Христового. [Електронний ресурс] <http://www.kingdomjc.com/Books/Prins4/00.htm> (дата обращения: 13.07.2020).
8. Скоробогатова И.В. Харизматические церкви в современной России: на материалах Красноярского края. Дис. ... канд. филос. н. СПб: ЛГУ, 2011.
9. Титаренко В. Від пророцтв у релігії до прогнозування у релігієзнавстві: історія, теорія, перспектив. Київ, 2017.

10. Тищенко А. (Старший епископ Украинской христианской церкви «Новое поколение»). – Интервью, взятые в период 2015-2017 гг., в ходе выполнения плановой темы Отделения религиоведения Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины.
11. Хинн Б. Это твой день для чуда [Текст] : переживи Божью сверхъестественную исцеляющую силу / Б. Хинн. – К. : Варух, 1998.
12. Wagner Peter C. Spiritual Warfare Strategy: Confronting Spiritual Powers. Destiny Image Publishers [Электронный ресурс] https://www.amazon.in/Spiritual-Warfare-Strategy-Confronting-Powers-ebook/dp/B005D19TVA#reader_B005D19TVA 2011. (дата обращения: 13.07.2020).
13. Wimber, J., Springer K. Power Healing. Reprint edition. San Francisco: HarperOne, 2009.

© Тищенко Андрей Георгиевич (pastor.1965@yahoo.com), Титаренко Вита Владимировна (vitatit197012@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alawadi Maryam Neamah Joudah – postgraduate, Moscow Pedagogical State University

Alexandrova E. – Pacific state University

Alexandrova T. – candidate of psychological sciences, Pacific National University

Antonova V. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, North-Eastern Federal University named After M.K. Ammosov

Balynskaya N. – Doctor of Sciences (Politics), Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

Belousov M. – Moscow State University of Psychology and Education,

Dutchina O. – candidate of psychological sciences, Pacific National University

Efimova L. – doctor of Philology, Associate Professor, North-Eastern Federal University named After M.K. Ammosov

Evsiouk A. – Candidate of psychological Sciences, Senior Research Officer, Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow

Gavrileva V. – leading specialist, Houses Of Folklore «Khomus» Of The MA « Partisan Nasleg», Namsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)

Ivanov D. – Samara State University of Social Sciences and Education

Karpova O. – PhD student, Saint-Petersburg State University

Our authors

Klimovich A. – Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch

Kovalenko N. – PhD, SPbSAU

Kozlov I. – Ph.D., Associate Professor, Gnessin Russian Academy of Music

Krasilnikova M. – candidate of philosophy, senior lecturer, Ramenskoe instrument-making design Bureau

Murai O. – PhD, Associate professor, Russian Open Academy of Transport — Russian University of Transport (Moscow Institute of Transport Engineers)

Naydenova I. – postgraduate student, OANO VO «MPSU»; educational psychologist, Federal State Budgetary Educational Institution «Orenburg Presidential Cadet School»

Petrova S. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Safronova T. – Postgraduate, Moscow Institute of Psychoanalysis

Sekatskaya E. – PhD student, Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation

Shiltsova J. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Esenin

Shkurko N. – candidate of philosophy, associate Professor, North-Eastern Federal University named After M.K. Ammosov

Shmatova E. – Graduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis

Simonova T. – Samara State University of Social Sciences and Education

Tishchenko A. – G.S. Skovoroda Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Ukraine

Titarenko V. – Doctor of Philosophy, Senior Researcher, G.S. Skovoroda Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Ukraine

Ushanova N. – postgraduate student, State Budget Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea «Crimean Engineering and Pedagogical University»

Zhuchenko O. – Senior Lecturer, Izhevsk State Agricultural Academy

Zinovieva E. – candidate of philosophy, associate Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov.

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).